

ISSN 2500-2988

ЛОКУС

люди
общество
культуры
смыслы

2026 / Том Vol. 17 / 1

2026. Т. 17. № 1

**Учредитель
и издатель:**Московский
педагогический
государственный
университетИздается с 2010 г.
Выходит 4 раза в годСвидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67762
от 17.11.2016 г.**Адрес редакции:**109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:**Политические науки**

- 5.4.5. Политическая социология
- 5.5.1. История и теория политики
- 5.5.2. Политические институты, процессы,
технологии
- 5.5.3. Государственное управление
и отраслевые политики
- 5.5.4. Международные отношения

Исторические науки

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение,
методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2026. Vol. 17. No. 1

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Ольга Викторовна Ерохина – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Виленович Бруз – доктор исторических наук; профессор кафедры государственных закупок, менеджмента и государственного управления экономического факультета Государственного университета просвещения, г. Москва

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории Историко-филологического института Государственного университета просвещения, г. Москва

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Татьяна Владиславовна Каширина – доктор исторических наук, профессор; заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления МИРЭА – Российского технологического университета

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; руководитель проектов Экспертного института социальных исследований, г. Москва; доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Olga V. Erokhina – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Chief Researcher at the Center for Political Studies, Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Bruz – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Public Procurement, Management and Public Administration of the Faculty of Economics, State University of Education, Moscow, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Tatyana V. Kashirina – Dr. Hab. in History; Head at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; project manager, Expert Institute of Social Research, Moscow; Associate Professor at the Department of Comparative Political Science of the Faculty of Management and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History of the Institute of History and Philology, Federal State University of Education, Russian Federation

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.И. Рыбкин

Эволюция представлений о ранней истории мира
и человечества в английском историописании
XVI – первой четверти XVII вв.
(на примере «Истории мира» Уолтера Рэли) 11

М.А. Ковалёв, Д.А. Акимов

«Война эпитетов» в отечественном франковедении.
Почему Французская революция может остаться
«Великой»? 26

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

И.С. Соловьёв

Гарибальдийцы – участники Январского восстания
в Царстве Польском 1863–1864 гг.:
легион полковника Ф. Нулло 41

Е.Е. Юдин

Графы Шереметевы и их лесные владения
в 1890–1914 гг. 58

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

М.Д. Петров

Военная революция и королевская реформация
в Англии XVI века. 78

А.А. Куницын

«Компания мистера Френда отнюдь не предосудительна».
С.Т. Кольридж и дело У. Френда в Кембридже в 1793 г. 93

А.К. Шабунина

Голод как маркер бедности в социокультурном пространстве
викторианской Англии 102

С.Д. Ариничев

Внешнеполитические условия восточной политики
Федеративной Республики Германия в 1949–1974 гг. 119

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*В.В. Зыкин*

Проблема Данцига и данцигского коридора
в отношениях Великобритании и Германии
в канун Второй мировой войны 132

Паинг Мое У

Мьянма во внешней политике Китая:
перспективы стратегического партнерства Китая с Мьянмой
в многосторонних и двустороннем форматах 149

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

К.А. Белоусова

Ястреб и голубь: Черчилль и Эйзенхауэр.
Рецензия на книгу: Catherwood Ch.
Churchill, Eisenhower, and the making of the modern world.
Essex (Connecticut), 2023 164

В.Ж. Цветков

Рецензия на книгу: Лубков А.В.
Личность. История. Цивилизация. Аксиология. М., 2025 171

Contents

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY, METHODOLOGY OF HISTORY

G.I. Rybkin

The evolution of ideas about the early history of the world and humanity in English historical thought during the 16th century and first quarter of the 17th century (based on Walter Raleigh’s “History of the World”). 11

M.A. Kovalyov, D.A. Akimov

The “war of epithets” in French studies. Why can the French Revolution remain “The Great”? 26

RUSSIAN HISTORY

I.S. Solovyov

Garibaldians – participants in the January Uprising in the Kingdom of Poland 1863–1864: Colonel F. Nullo’s Legion 41

E.E. Yudin

The Sheremetev Counts and their forest holdings in 1890–1914 58

GENERAL HISTORY

M.D. Petrov

Military Revolution and Reformation in England in XVI century 78

A.A. Kunitsyn

“Mr. Frennd’s company is by no means invidious”. S.T. Coleridge and the W. Frennd Case in Cambridge in 1793 93

A.K. Shabunina

Hunger as a marker of poverty in the socio-cultural field of Victorian England 102

S.D. Arinichev

Foreign policy framework of the Federal Republic of Germany’s Ostpolitik in 1949–1974 119

INTERNATIONAL RELATIONS:
HISTORY AND PRESENT DAY

V.V. Zykin

The Danzig and Danzig Corridor issue
in British-German relations on the eve of World War II 132

Paing Moe Oo

Myanmar in China’s foreign policy:
Prospects for China’s strategic partnership with Myanmar
in multilateral and bilateral formats 149

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

K.A. Belousova

The Hawk and the Dove: Churchill and Eisenhower.
Book Review: Catherwood Ch.
Churchill, Eisenhower, and the making of the modern world.
Essex (Connecticut), 2023 164

V.Z. Tsvetkov

Book review: A.V. Lubkov.
Personality. History. Civilization. Axiology. Moscow, 2025 171

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-11-25

УДК 94(410)

Г.И. Рыбкин

Государственный университет просвещения,
105005 г. Москва, Российская Федерация

Эволюция представлений о ранней истории мира и человечества в английском историописании XVI – первой четверти XVII вв. (на примере «Истории мира» Уолтера Рэли)

Изучение эволюции представлений о ранней истории мира и человечества позволяет глубже понять мировосприятие и психологию людей прошлых эпох, проследить изменения в интеллектуальной сфере и выявить факторы, оказавшие на них влияние. Вопросы, касающиеся мироздания, космогонии и антропогенеза, лежат в основе человеческого мировоззрения, поэтому анализ поиска ответов на них способствует пониманию природы англичанина, его ментальности и осмысления английскими мыслителями раннего Нового времени фундаментальных факторов и аспектов существования человека и цивилизованного общества. Целью работы является выявление изменений в представлениях о ранней истории мира и человечества в английском историописании раннего Нового времени. В ходе исследования было установлено, что в английском историописании раннего Нового времени наметился интерес к ранней истории мира, а воззрения на этот период истории стали более детализированными, посредством уточнения хронологии исторических событий и нахождения

© Рыбкин Г.И., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

рационалистических объяснений и интерпретаций сюжетов древней истории, изложенной в Библии. Благодаря труду «История мира» У. Рэли ранняя история мира стала частью светской английской интеллектуальной культуры, в которой все активнее применялись знания из научных и технических областей.

Ключевые слова: английская историческая мысль, английская историческая наука, английское историописание, Уолтер Рэли, «История мира» У. Рэли, английские хронологические исследования, Джеймс Ашшер, раннее Новое время

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Рыбкин Г.И. Эволюция представлений о ранней истории мира и человечества в английском историописании XVI – первой четверти XVII вв. (на примере «Истории мира» Уолтера Рэли) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 11 – 25. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-11-25

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-11-25

G.I. Rybkin

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The evolution of ideas about the early history of the world and humanity in English historical thought during the 16th century and first quarter of the 17th century (based on Walter Raleigh's “History of the World”)

Studying the evolution of views on the early history of the world and humanity allows for a deeper understanding of the worldview and psychology of people of past eras, tracing changes in the intellectual sphere and identifying the factors that influenced them. Questions concerning the universe,

cosmogony, and anthropogenesis underlie the human worldview, so analyzing the search for answers to these questions contributes to an understanding of the nature of the Englishman, his mentality, and the understanding of fundamental factors and aspects of human existence and civilized society by English thinkers of the Early Modern period. The aim of the work is to identify changes in the ideas about the early history of the world and humanity in the English historical thought of the Early Modern period. The research established that Early Modern English historiography showed a growing interest in the early history of the world, and views on this period of history became more detailed by clarifying the chronology of historical events and finding rationalistic explanations and interpretations of the narratives of ancient history set forth in the Bible. Thanks to the work of W. Raleigh, "The History of the World", the early history of the world became part of the secular English intellectual culture, in which knowledge from scientific and technical fields was increasingly applied.

Key words: English historical thought, English historical science, English historiography, Walter Raleigh, W. Raleigh's The History of the World, English chronological studies, James Ussher, Early modern period

CITATION: Rybkin G.I. The evolution of ideas about the early history of the world and humanity in English historical thought during the 16th century and first quarter of the 17th century (based on Walter Raleigh's "History of the World"). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 11–25. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-11-25

Вопросы ранней истории мира – о возникновении Вселенной, появлении небесных тел, жизни на Земле, разумных существ и человека – фундаментальные для человеческого мировоззрения, но крайне сложные для интеллектуального осмысления и научного изучения. И на сегодняшний день эти вопросы являются дискуссионными, требуют дальнейшего исследования.

Самым ранним дошедшим до нас памятником, где представлены космогонические представления, является месопотамский миф «Энума Элиш». Наиболее полный текст этого рассказа содержит памятник среднеавилонского периода (XVI–X вв. до н.э.). Этот миф излагает историю от начала времен до появления человечества [11, р. 22–24].

От античной эпохи сохранилось множество источников, отразивших представления людей о ранней истории мира и человечества. Причем воззрения эти были плюралистическими даже в рамках европейской цивилизации. Так, греки могли считать первосуществами такие пары

богов, как Уран и Гея, Ночь и Тартар (или Ночь и Воздух), а также таких богов, как Хаос, Эфир, Кронос и Океан [2, с. 686]. Несмотря на все многообразие представлений о ранней истории, эти картины прошлого имели зачастую схожие сюжеты и персоналии, в частности, ввиду взаимовлияния. Так, римский двуликий Янус, который являлся богом дверей и, в целом, входа и выхода, в т.ч. начала и окончания любого действия и процесса, порой отождествлялся с греческим Хаосом (например, в поэмах Овидия «Фасты»¹ и «Метаморфозы»²) [4, с. 119]. Сюжет о мировом яйце встречается как в финикийских теокосмогонических мифах, так и в греческих (например, в орфической «Рапсодической теогонии»).

Представления о ранней истории мира в античную эпоху зачастую представляли собой комплекс космогонических, теогонических и антропогонических мифов и легенд, хотя только ими не ограничивались. Эти фундаментальные вопросы также были перенесены античными мыслителями в рационалистическую плоскость. Так, философами-досократиками вопрос о происхождении космоса был трансформирован в вопрос о взаимоотношении Единого и Многого, решение которого предполагало использование не мифических сюжетов, а более рационализованной терминологии. Так, Фалес считал, что все произошло из воды, Анаксимен – из воздуха, а Анаксимандр полагал, что «зародыш» отделился от «вечного» [11, р. 45].

В конце античной эпохи, в результате становления христианской религии на значительной части Римской империи и ряде сопредельных территорий, картина ранней истории мира претерпела существенную унификацию. Ее заменила «единственно верная» версия, изложенная в книге Бытия. Некоторые аспекты этой картины мира были достаточно проработаны. Так, был установлен относительно определенный возраст мира, обстоятельства его возникновения и этапы творения, утвердился единый антропогонический миф и описание ранней истории человечества. Распространенные в античную эпоху воззрения о вечности мира заменились идеей о его конечности. Однако, несмотря на детализацию представлений, касающихся ранней истории мира, некоторые вопросы остались нерешенными (например, о хронологии, т.е. датах творения мира и его конца, о некоторых библейских событиях, о вечности мира). Последующая их актуализация порождала очередные историко-религиозные споры и дискуссии.

¹ Публий Овидий Назон. Собрание сочинений в 2-х томах. Т. 2. СПб., 1994. С. 351.

² Там же. С. 9–11.

Ряд событий и явлений конца Средневековья и Раннего Нового времени (в частности, Возрождение и Реформация) трансформировали общественно-политическую ситуацию и философско-религиозный климат в Европе. Следствием этих процессов стали изменения в интеллектуальной сфере, в связи с этим актуализировались вопросы, касающиеся ранней истории мира. В рамках христианской религиозной традиции важную роль в этом направлении исследований сыграло развитие научной критики священных текстов. Увеличение знаний о семитских языках, в частности, иврите, существенно способствовало совершенствованию библейской критики в раннее Новое время [1, с. 14]. В этом процессе большое значение имела ученая дискуссия о еврейских текстах Ветхого Завета, состоявшаяся между католиком Иоганнесом Маринусом и кальвинистом Людвигом Капеллой. Маринус считал, что еврейские священные тексты являются злонамеренно испорченными из-за наличия в них расхождений и поэтому не заслуживают доверия. По мнению же Капеллы, расхождения стали результатом естественных причин и процессов, а посредством священной критики текста можно установить оригинальный вариант. Развитие научной критики священных текстов актуализировало многие вопросы, повлиявшие на трансформацию представлений о ранней истории [3, с. 36–37]. Так, широкая полемика развернулась вокруг Пятикнижия, актуальным стал вопрос об авторстве текста, времени и месте его написания [Там же, с. 37–51].

Общественно-политические, религиозные и интеллектуальные тенденции, охватившие континентальную Европу, оказали существенное влияние и на Англию. Так, в результате этих процессов произошли изменения в английской интеллектуальной культуре: тенденция к рационализации, рост скептицизма, изменение стилистики изложения и способов аргументации, улучшение научно-исследовательского аппарата и пр. [9, р. 40–68]. В ходе этих процессов английская историческая мысль также существенно изменилась, восприняв идеи исторической науки эпохи Возрождения и применив их в ходе историко-религиозной полемики во времена Реформации. Развитие английской исторической культуры Раннего Нового времени проявилось в росте интереса к истории, обновлении исторического методологического аппарата, изменении отношения к историческим источникам и распространении коллективных исследований [7; 9]. Культура дискуссий также изменилась: большее внимание стало уделяться аргументам, основанным на конкретных доказательствах [6, р. 339]. Тем не менее, исторические исследования обычно ограничивались английской историей либо актуальными политико-религиозными вопросами [7, р. 114–115].

В английской научной среде, хотя и не повсеместно, происходил отход от схоластической интерпретации действительности, основанной в значительной степени на аристотелевской натурфилософии [8, р. 1]. В ходе этого процесса, в частности, был возрожден интерес к атомизму. В Англии раннего Нового времени атомизм, главным образом, был связан с Нортумберлендским кружком (известен также как «Школа ночи» или «Школа атеизма»). Хотя он также находил отклик среди других английских мыслителей. В частности, в начале XVII в. Фрэнсис Бэкон посвятил идеям атомизма несколько комплементарных работ. Бэкон был одним из первых английских мыслителей, кто предпринял попытку освободить атомизм от языческого наследия, интегрировав его в христианскую мировоззренческую систему [Ibid., р. 43–45].

Увлечение идеями атомизма могло привести к изменению представлений о ранней истории мира, например, посредством неортодоксальной интерпретации Священного Писания. Так, близкий к Нортумберлендскому кружку атомист Николас Хилл представлял, что вся Вселенная является одушевленной системой, где Бог присутствует как энергия (*prima hypostasis energetica*) во всех душах – в Земле, в небесных телах, в животных и людях. Плодородие Земли, по его мнению, есть проявление ее живой природы, животворящей силы, порождающей все формы животной жизни, включая человека как конечного представителя последовательности видов [14, р. 110]. Изменения представлений о ранней истории под влиянием идей атомизма могли проявляться и не столь радикально, например, лишь через принятие концепции вечности Вселенной или, по крайней мере, материи.

В континентальной Европе раннего Нового времени вновь остро встал вопрос о хронологии древней истории. Данное направление исследований впоследствии распространилось и на Британские острова. Ввиду того, что решение вопросов хронологии требовало глубоких познаний в истории, филологии, астрономии, физике и математике, а континентальные исследователи, в частности, Жозеф Жюст Скалигер, поставили весьма высокую планку, лишь немногие английские исследователи могли ей соответствовать [17, р. 481]. Примечательно высказывание Томаса Лидиата, относящееся к началу XVII в.: «Я не знаю никого в Британии из числа ученых людей, кто работает или работал в этой области [календарных исследований]; и нет сомнений, что их очень мало» [цит. по: 13, р. 81]. Тем не менее, Лидиат был не единственным островным хронологом, помимо него хронологией в Раннее Новое время занимались, например, также Уолтер Рэли, Томас Хэрриот, Джеймс Ашшер, Уильям Хауэлл и Исаак Ньютон.

Наиболее известной была хронологическая схема Ашшера, получившая широкое признание в протестантском мире и зачастую дополнявшая библейские тексты. Характерной чертой его хронологии была высокая степень детализации. Так, им была установлена определенная дата создания мира – субботний вечер перед 23 октября 4004 г. до начала н.э. (или 4000 г. до Р.Х.). Один день творения у Ашшера равнялся действительно одному дню, т.е. если первый день творения был 23 октября, то второй – 24 октября, третий – 25 октября и т.д. Райский сад у него не был неким пространством, где царствовало безвременье, там также шло время. Согласно его хронологической схеме, Адам оказался в Эдеме на 10-й день существования мира (1 ноября 4004 г. до начала н.э.) и был изгнан оттуда в тот же день [12, р. 148].

Исследования английских хронологов Раннего Нового времени по большей части не отличаются оригинальностью. Они, как и их континентальные коллеги (в частности, М. Лютер, Ж.Ж. Скалигер, Д. Петавиус), а также английские предшественники (например, Беда Достопочтенный) датировали сотворение мира примерно за 4 тыс. лет до начала н.э. [5, р. 582].

Как было отмечено, для английской историописательной традиции раннего Нового времени был характерен интерес, прежде всего, к отечественной истории и ряду историко-религиозных вопросов, имевших важное значение для религиозной полемики эпохи Реформации. Древняя история мира привлекала английских исследователей в эту эпоху значительно меньше. Тем не менее, в начале XVII в. было создано масштабное историческое произведение – «История мира» Уолтера Рэли, где древнему периоду было уделено существенное внимание. Эта работа, написанная в жанре всемирной истории, охватывала события от Сотворения мира до II в. до н.э. Ее автором стал не профессиональный историк, а предприимчивый человек со светским образованием, богатым жизненным опытом и незаурядными интеллектуальными способностями.

При королеве Елизавете I Тюдор Рэли был одним из влиятельнейших людей в государстве. Однако его положение стало шатким после прихода к власти Якова I Стюарта. В 1603 г. Рэли был обвинен в сговоре с испанцами с целью свержения короля («Главный заговор» (The Main Plot)) и приговорен к смертной казни, замененной впоследствии пожизненным заключением в Тауэре. В заключении Рэли вел активную исследовательскую деятельность, стремясь послужить обществу и улучшить собственное положение, продемонстрировав свою ценность для короны. Как предполагают исследователи, он приступил к написанию своего

масштабного труда и, в целом, значительно расширил свою интеллектуальную деятельность примерно в 1607 г., в период, когда финансовые реформы Роберта Сесила вызывали недовольство как в обществе, так и у короля [13, p. 12].

Несмотря на наличие исторического материала, позволявшего продолжить повествование практически до Раннего Нового времени, Рэли остановил работу на 130 г. до н.э., по-видимому, разочаровавшись в своем трудоемком предприятии после того, как узнал об отрицательной реакции короля на «Историю мира», опубликованную в 1614 г. Тем не менее, Рэли не прекратил интеллектуальный труд, стремясь выбраться из заключения. Например, он вскоре написал «Диалог между государевым советником и мировым судьей» [Ibid., p. 16].

Рэли создавал «Историю мира» в условиях ограничения свободы, которые, однако, были довольно мягкими. Как выразился американский историк Ф.С. Фасснер, «он жил без свободы, но достаточно вольно, чтобы написать историю, отразившую знания многих эпох и опыт его беспокойной жизни» [7, p. 191]. После 1604 г. Рэли получил в Тауэре лучшие покои, для него стали возможны прогулки по крепостному валу, с которого открывался вид на Темзу. Ему было разрешено разбить небольшой сад, построить металлургическую печь для экспериментов с рудами, владеть небольшой винокурней, держать прислугу, нанимать помощников для работы и принимать посетителей [Ibid.; 10, p. 21]. Также им была собрана в Тауэре крупная библиотека, содержавшая, помимо множества исторических произведений, труды по другим отраслям, например, по географии, теологии, юриспруденции, натурфилософии, медицине, хронологии. Она была наполнена произведениями авторов различных религиозных взглядов, включая, в частности, труды язычников, англикан, католиков, лютеран и кальвинистов [10, p. 21; 13, p. 29–33].

В 1605 г. соседями Рэли по Тауэру стали 9-й граф Нортумберленда Генри Перси и его свита, включавшая также бывшую клиентулу Рэли (например, Хэрриота). «Граф-волшебник» не желал расставаться со своими любимыми занятиями, научными исследованиями и перевез в Тауэр существенную часть своей огромной библиотеки. Однако о влиянии Нортумберлендского кружка на создание «Истории мира» известно немного. Весьма вероятно, что Рэли мог советоваться по вопросам хронологии с Хэрриотом, но, ввиду того что их хронологические расчеты отличаются, невозможно констатировать прямое влияние [13, p. 32]. Тем не менее, известно, что Рэли использовал в своем труде исследование Хэрриота, посвященное заселению Земли после Потопа [15, p. 203–212].

«История мира» представляет собой всеобщую историю (universal history), хронологические рамки которой простираются от момента создания мира до 130 г. до начала н.э. Рэли в ходе своего повествования последовательно фокусируется на истории еврейского, персидского, греческого и римского народов. Тем не менее, иногда он отходит от основной линии повествования, рассматривая иные народы и государства. Примечательно, что он представляет краткие исторические очерки о всех крупных городах, которые упоминаются в Ветхом Завете.

В основе его работы лежит идея Божественного Провидения, т.е. все явления и события подчинены божественной воле, направляющей и упорядочивающей их. Божественная воля реализуется через различные вторичные причины, которые могут быть постигнуты человеком, хотя в таком случае история предстанет как последовательность случайностей [7, р. 193; 10, р. 88]. По мнению Ф.С. Фасснера, Рэли, будучи хорошим писателем, не мог объяснять каждое историческое событие исключительно Божественным Провидением. В объяснениях исторических событий Рэли предпочитал опираться на политические или психологические факторы, однако мог дать любую интерпретацию, если она, по его мнению, соответствовала фактам [7, р. 204]. Вопросы же Божественного Провидения не сильно увлекали Рэли, по всей видимости, он занимал среднюю позицию, допуская предопределение, если не отрицается свобода воли [Ibid., р. 197–198].

Рэли уважительно относился ко всем историческим источникам, не игнорируя ни сведения языческих авторов, ни даже те, что имели сомнительную репутацию, например, труды Анния из Витербо. Рэли, конечно, не доверял полностью его сведениям, считая их порой нелепыми или недостоверными. Так, он утверждал, что Анний выдумал скифский народ араксеев, присвоив им имя «по названию горы Арарат, расположенной поблизости с р. Аракс»³. Тем не менее, Рэли, несмотря на свой скептицизм, пользовался некоторой информацией от Анния, которая способствовала составлению целостной картины прошлого, заполняя «пустые страницы» истории. Так, Рэли писал: «Там, где другие истории молчат или говорят недостаточно, мы можем без стыда заимствовать столько, сколько согласуется с тем немногим, что мы находим в других местах, и служит для объяснения или расширения этого без неправдоподобностей» [цит. по: 7, р. 203]. Причем в этих сведениях могла содержаться некоторая истина. Ф.С. Фасснер полагал, что Рэли принимал любой исторический факт за предположительно верный, если он не противоречил данным более авторитетных источников [7, р. 203].

³ Raleigh W. The historie of the world, in five books. L., 1666. P. 93–95.

Несмотря на лояльное отношение к большинству источников, его скептицизм и религиозность мешали ему относиться к ним одинаково. Библия для него была наиболее авторитетным источником. Он считал, что Моисеем была изложена истина. Рэли писал: «для меня... там, где Священные Писания хранят молчание, голос разума слышен лучше всего» [цит. по: 10, р. 88]. Причем Рэли придавал и пророческим книгам Библии больший авторитет, чем любым другим светским источникам [7, р. 202].

Рэли был человеком эпохи Возрождения, а также ему был присущ скептицизм и осознание того, что дошедшие до его современников тексты Библии содержат искажения. Например, он указал на ошибку перевода, в результате которой Моисей обзавелся рогами. Книгу Юдифи он расценивал как неканоническую, т.к. она не вписывалась в его историческую хронологию [10, р. 87–88]. Скептицизм Рэли распространялся также и на отцов церкви, их труды и воззрения: он уважал их ученость, однако указывал, что они иногда ошибались, ведь они все-таки были людьми⁴.

Рэли в значительной степени не питал почтения к античной эпохе. Как пишет исследователь С.В. Мэй, «он на удивление презрительно относился к греческой и римской культуре» [Ibid., р. 94–95]. Рэли считал, что греки были относительно молодым народом, перенявшим многое у своих соседей, например, евреев и египтян. Так, Гомер, по его мнению, позаимствовал многое у Моисея⁵. Тем не менее, Рэли все-таки уважительно относился к некоторым античным авторам, например, к Орфею, Пифагору и Платону, да и в целом, как уже было отмечено, не гнушался использовать в своих исследованиях все источники. Любопытно, что он учитывал даже мнения древних (в т.ч. языческих) мыслителей в религиозных и божественных вопросах. Свой подход Рэли оправдывал действиями апостола Павла, который «считал законным и полезным помнить все, что он находил приятным слову Божию у язычников, чтобы он [Бог] мог таким образом лишить их всякого спасения через невежество...»⁶.

В труде Рэли богато представлены античные легенды и мифы, несмотря на то что сам автор к ним относился с большим скепсисом. Некоторые мифы им были отвергнуты как ложь и вымысел, другие – интерпретировались с рационалистической точки зрения. Так, он предполагал, что образ Геракла является собирательным и основанным на памяти о деяниях нескольких людей, которые впоследствии были приписаны одному лишь сыну Алкмены [Ibid., р. 94].

⁴ Raleigh W. The historie of the world, in five books. L., 1666. P. 26.

⁵ Ibid. P. 67–73.

⁶ Ibid. P. 3.

По способу изложения труд Рэли напоминает энциклопедию, главным образом первые две книги. Существенное внимание автор уделяет идеям и воззрениям различных мыслителей. Как отмечает американский историк Н. Поппер, «в то время как большинство историков, писавших в жанре всеобщей истории, вкладывали свой интеллектуальный труд в создание последовательного рассказа, Рэли использовал хронологическое повествование как основу не только для обсуждения событий прошлого, но и для того, чтобы учитывать авторитет древних историков и вмешиваться в антикварные и исторические дебаты» [13, р. 28].

Изучая древнюю историю, Рэли смело выдвигал научные гипотезы, если они, по его мнению, не противоречили Библии, а возможно, даже подтверждались Священным текстом. Например, он предполагал, что древнеегипетская цивилизация могла существовать еще до Потопа, тем самым объясняя ее стремительный расцвет после его завершения [16, р. 135–137].

В «Истории мира» Рэли рассматривает не только исторические, хронологические и теологические вопросы, обычные для подобных христианских исторических произведений, но и целый ряд других. Как это характерно для исторических работ ренессансной эпохи, автор уделяет большое внимание вопросам географии, посвятив, в частности, целую главу местоположению Райского сада⁷. Географические знания являются для Рэли важным исследовательским инструментом. Так, он подтверждает арабское происхождение царицы Савской, опровергая посредством географических изысканий возможность ее проживания в Эфиопии [10, р. 85]. Рэли относился серьезно к географии как к исследовательскому инструменту, уделяя внимание различным географическим аспектам и локальным вопросам, касающимся, в частности, биогеографии, геоморфологии, гидрологии, климатологии. Так, разыскивая местоположение Эдема, он указал как потенциально возможный вариант на регион неподалеку от Армении, опираясь на сведения Страбона о плодородной почве, красивой природе, вечной весне, а также на то, что Тигр и Евфрат берут свое начало на этой территории⁸.

Рэли обращал внимание и на естественнонаучные вопросы, являющиеся весьма нетривиальными для исторического произведения. Так, размышляя о божественном сотворении света, он изложил различные точки зрения мыслителей, касающихся природы света, после чего подытожил: «ни длительность времени, ни поиски многих ученых

⁷ Raleigh W. The historie of the world, in five books. L., 1666. P. 26–52.

⁸ Ibid. P. 40–41.

мужей... не позволили нам решить, является ли этот [солнечный] свет материальным, телесным или бестелесным»⁹.

Затрагивались в «Истории мира» и вопросы медицины и биологии. Так, в ходе рассуждения о долголетию Рэли утверждал, что индийские брахманы, ессеи, персидские маги и египетские жрецы имели продолжительную жизнь благодаря умеренности и соблюдению простой диеты¹⁰. Рэли рассматривал и проблему наследования личностных качеств, указывая, что негативные черты характера могут передаваться по наследству, порой через несколько поколений. Так, говоря о потомках Хама, он указывал, что они унаследовали пороки от прародителя, который, несмотря на своего праведного отца Ноя, унаследовал эти черты от предков более ранних поколений, живших в жестокое время¹¹.

В труде Рэли был отражен также его интерес к технологиям. Например, им дан краткий рассказ об истории развития книгопечатания, дополненный размышлениями о появлении письменности в целом¹². Рэли считал приемлемым использовать технические знания и навыки в ходе своих исторических исследований. Например, он подтверждал мнение, согласно которому возведение Вавилонской башни заняло значительно больше времени, чем несколько лет, т.к. этот процесс требовал огромного количества человеческих ресурсов, строительного материала, в частности, кирпичей, чтобы башня была выше гор. Помимо этого, строителям и архитекторам необходимо было преодолеть массу существенных трудностей, включающих непригодность почвы для строительных работ и отсутствие апробированных строительных знаний и технологий для подобного проекта в ту эпоху¹³.

Хотя Рэли считал, что Моисеем была изложена истина, его повествование о древнейшей истории мира не является полностью повторением или пересказом текста Библии. В «Истории мира» изложена история, хотя и основанная на Ветхом Завете, но несколько трансформированная, более детализированная и адаптированная для читателя раннего Нового времени (учитывающая его интересы) картина.

Согласно историческому рассказу, изложенному в труде Рэли, до начала процесса божественного творения, кроме вечности, ничего не существовало – ни существ, ни формы, ни материи¹⁴. Где находился

⁹ Raleigh W. The historie of the world, in five books. L., 1666. P. 7.

¹⁰ Ibid. P. 61.

¹¹ Ibid. P. 66–67.

¹² Ibid. P. 91.

¹³ Ibid. P. 103–106.

¹⁴ Ibid. P. 3.

Бог до начала творения, неизвестно и непознаваемо для человека¹⁵. Бог начал творение с создания Хаоса, материи всех вещей, которая являлась бесформенной и пустой. Когда «Дух Божий носился над водою», по-видимому, исходило движение и тепло, воздействовавшее на воду и твердь. Вскоре вода, приобретя дух и движение, направила свои тонкие частицы в воздух, освещенный Богом. Земля же, участвуя также в этом божественном процессе и будучи смешана с водой, произвела зародыши семян растений. В дальнейшем, с целью продолжить рост и развитие этих зародышей, Богом был установлен свет, которому было дано тепло и движение: тепло способствовало развитию и поддерживало жизнь растений и животных, а движение породило само явление времени¹⁶.

Согласно хронологическим расчетам Рэли, творение мира произошло в 4031 г. до н.э. В первые три дня Бог отличал природу, придавая каждой надлежащую форму: восходящим элементам придавался вид легкости, а нисходящим – тяжести. Так были разделены свет и тьма, воды небесные и земные, и собрана вода под небесной твердью. В следующие три дня Бог наполнял и украшал созданный им мир: были установлены небесные тела, Солнце, Луна, звезды на небесной тверди, земля наполнилась зверями, воздух – птицами, море – рыбами. Все живые создания должны были продолжить свое существование, поэтому Бог наделил их «силой порождающей» (*a power generative*), в частности, растения получили семена в себе¹⁷.

В шестой, последний день создания мира, был создан человек, заключительное и самое восхитительное творение по божьему подобию. Однако его превосходство заключалось не во внешнем виде, а во внутренних качествах: он был создан одухотворенным, бессмертным, разумным, святым, праведным в истине, владыкой мира и хозяином над живыми созданиями¹⁸. Человеческий внешний вид был создан либо из праха земли, либо из красной земли, либо земной слизи, либо воды и земли. Однако человек не был подобен просто статуе из глины. Из этого вещества были созданы все части тела человеческого – кровь, кости, плоть и т.д.¹⁹ Сие творение было создано где-то в мире, а позже его уже переместили в Эдем – реальное место, находившееся на Земле, неподалеку от Армении и Шинара (Сенаара)²⁰. Изначально человеку

¹⁵ Raleigh W. The historie of the world, in five books. L., 1666. P. 3–4.

¹⁶ Ibid. P. 6–9.

¹⁷ Ibid. P. 10.

¹⁸ Ibid. P. 17–19.

¹⁹ Ibid. P. 22.

²⁰ Ibid. P. 26–52.

была присуща свобода воли и выбора. Такие характеристики, как смертность и бренность, были приобретены человеком из-за непослушания. Потоп, приведший к уничтожению всех земных созданий, кроме спасшихся в ковчеге праведного Ноя, его семьи и части живых существ, стал следствием проклятия Земли из-за жестокости сердца человека²¹.

Масштабный труд Рэли «История мира» пользовался значительной популярностью и был переиздан только за один XVII век 8 раз полностью и еще 2 раза в сокращении, что превышает число переизданий сборника сочинений Шекспира за тот же период. Как отмечает Ф.С. Фасснер, по-видимому, это произведение «получило существенный отклик» у читателей [7, р. 193].

Таким образом, в Англии раннего Нового времени представления о ранней истории мира и человечества в историописании претерпели некоторые изменения. Развитие хронологических исследований, пусть и не слишком популярных, уточнило датировку событий древнейшей истории, тем самым детализировав представления о далеком прошлом. Благодаря выходу в свет масштабной «Истории мира» сэра Рэли, ранняя история мира вошла в список тем, исследуемых светской английской интеллектуальной мыслью, став частью английского позднеренессансного историописания. Его работа стала важным шагом в осмыслении древнейшей истории с точки зрения светской мысли, указав на проблемные исторические темы и предложив рационалистические объяснения и интерпретации ряда библейских сюжетов. Ввиду того, что исследованию Рэли была присуща междисциплинарность, можно говорить о том, что он апробировал новый подход к изучению древнейшей истории, изложенной в то время, главным образом, в религиозных текстах, предполагавших зачастую изучение посредством текстуального анализа, экзегетики, определив, тем самым, новый исследовательский вектор для деятельности последующих ученых.

Библиографический список / References

1. Лившиц Г.М. Очерки историографии Библии и раннего христианства. Мн., 1970. [Livshic G.M. Ocherki istoriografii Biblii i rannego hristianstva [Essays on the historiography of the Bible and Early Christianity]. Minsk, 1970.]
2. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. [Losev A.F. Mifologiya grekov i rimlyan [Greek and Roman mythology]. Moscow, 1996.]
3. Тантлевский И.Р. Введение в Пятикнижие. М., 2000. [Tantlevskij I.R. Vvedenie v Pyatknizhie [Introduction to the Pentateuch]. Moscow, 2000.]

²¹ Raleigh W. The historie of the world, in five books. L., 1666. P. 25–26.

4. Циркин Ю.Б. Мифы Древнего Рима. М., 2000. [Cirkin Yu.B. Mify Drevnego Rima [Myths of Ancient Rome]. Moscow, 2000.]
5. Barr J. Why the world was created in 4004 B.C.: Archbishop Ussher and Biblical chronology. *Bulletin of the John Rylands Library*. 1985. No. 67 (2). Pp. 575–608.
6. Buckle H.T. History of civilization in England. Vol. I. L., 1867.
7. Fussner F.S. The historical revolution: English historical writing and thought, 1580–1640. L., 1962.
8. Kargon R.H. Atomism in England from Harriot to Newton. Oxford, 1966.
9. Levy F.J. Tudor historical thought. San-Marino, 1967.
10. May S.W. Sir Walter Raleigh. Boston, 1989.
11. Meisner D.A. Orphic tradition and the birth of the gods. Oxford, 2018.
12. Parry G. The trophies of time. English antiquarians of the seventeenth century. Oxford; N.-Y., 1995.
13. Popper N. Walter Raleigh's History of the world and the historical culture of the Late Renaissance. Chicago; L., 2012.
14. Shirley J.W. Thomas Harriot; Renaissance scientist. Oxford, 1974.
15. Sokol B.J. Thomas Harriot – Sir Walter Raleigh's tutor – On population. *Annals of Science*. 1974. Vol. 31. No. 3. Pp. 203–212.
16. Strathmann E.A. Raleigh on the problems of chronology. *Huntington Library Quarterly*. 1948. Vol. 11. No. 2. Pp. 129–148.
17. The Oxford history of historical writing. Vol. 3. Oxford, 2012.

Статья поступила в редакцию 16.07.2025, принята к публикации 24.08.2025

The article was received on 16.07.2025, accepted for publication 24.08.2025

Сведения об авторе / About the author

Рыбкин Георгий Игоревич – аспирант кафедры всеобщей истории факультета истории, политологии и права, Государственный университет просвещения, г. Москва

Georgii I. Rybkin – PhD student at the Department of General History of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

E-mail: girybkin@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-26-40

УДК 930

М.А. Ковалёв, Д.А. Акимов

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
600000 г. Владимир, Российская Федерация

«Война эпитетов» в отечественном франковедении. Почему Французская революция может остаться «Великой»?

Споры ученых о «величии» Французской революции (явном или мнимом) переплетаются с историей понятий. Особенную настойчивость в отрицании эпитета «Великая» по отношению к данным процессам проявляет «новая русская школа историографии Французской революции» во главе с А.В. Чудиновым. Нарратив историка строится на идее о том, что русское преклонение перед революцией (как разновидность западничества) породило к концу XIX в. термин «Великая французская революция». Авторы статьи указывают на бездоказательность утверждений А.В. Чудинова. Проанализировав большой объем источникового материала, авторы показали распространенность выражений «великая революция» и «великая французская революция» применительно к событиям конца XVIII в. непосредственно от современников до настоящего времени.

Ключевые слова: «Великая французская революция», «великая революция», А.В. Чудинов, Д.Ю. Бовыкин, бабувисты, сен-симонисты, А. Барнав, К. Каутский, П.А. Кропоткин, Н.И. Кареев

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Ковалёв М.А., Акимов Д.А. «Война эпитетов» в отечественном франковедении. Почему Французская революция может остаться «Великой»? // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 26–40. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-26-40

© Ковалёв М.А., Акимов Д.А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

M.A. Kovalyov, D.A. AkimovVladimir State University,
Vladimir, 600000, Russian Federation

The “war of epithets” in French studies. Why can the French Revolution remain “The Great”?

The scholarly debate about the “greatness” of the French Revolution (explicit or imaginary) are intertwined with the history of concepts. “The new Russian school of historiography of the French Revolution”, headed by Dr. A.V. Tchoudinov, is particularly insistent in rejecting the epithet “Great” in relation to these processes. The historian’s narrative is based on the idea that Russian reverence for revolution (as a form of Westernism) gave rise to the term “The Great French Revolution” by the end of the XIX century. The authors of the article point out that A.V. Tchoudinov’s claims are unsubstantiated. After analyzing a large amount of source material, the authors showed the prevalence of the expressions “the great revolution” and “the great French revolution” in relation to the events of the end of the XVIII century directly from contemporaries to the present day.

Key words: “The Great French Revolution”, “the Great Revolution”, A.V. Tchoudinov, D.Yu. Bovykin, Babouvists, Saint-Simonists, A. Barnav, K. Kautsky, P.A. Kropotkin, N.I. Kareev

CITATION: Kovalyov M.A., Akimov D.A. The “war of epithets” in French studies. Why can the French Revolution remain “The Great”? *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 26–40. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-26-40

В современном российском франковедении имеет место тенденция отказа от привычной формулировки «Великая французская революция». Эта тенденция ассоциируется с «новой русской школой историографии Французской революции», которая группируется вокруг журнала «Французский ежегодник» (главный редактор – А.В. Чудинов). С точки зрения представителей этой школы, принцип научной объективности требует

отказа от соответствующего понятия как ангажированного, устаревшего и локального. Однако гипотеза эта прямо опровергается фактами, что мы и продемонстрируем в своем исследовании. Тем не менее, она существует на правах научной *теории*, переключившаяся из одной монографии А.В. Чудинова в другую [7, с. 34; 9, с. 11, 13, 16] и попадая в тексты других заслуженных ученых, таких, как Д.Ю. Бовыкин [2, с. 32], Н.П. Таньшина [4, с. 312], А.В. Гордон [3, с. 129], П.Ю. Уваров. Последний безосновательно возложил ответственность за такого рода словотворчество на Н.И. Кареева [5]. Из научных публикаций по теме нам удалось найти лишь статью Т.А. Черновверской, но она написана на весьма скромной источниковой базе [6].

Имеет ли разбор такого частного вопроса сколь-нибудь ощутимую научную значимость? Мы полагаем, несомненно. Ведь делигитимация пресловутого эпитета без веских на то оснований вводит в научном сообществе дискриминационные по сути порядки. Об уровне компетентности историка (по крайней мере, в некоторых вопросах) можно судить заочно, исходя из того, именуется он революцию «великой» или нет. В ином случае такое словоупотребление могло бы поведать лишь об оценочной позиции автора.

Как же обстояло дело с эпитетом? Приведем мнение А.В. Чудинова целиком: «О том особом, едва ли не сакральном значении, которое придавалось “передовыми” людьми Французской революции, свидетельствует и применение по отношению к ней эпитета “великая”. Вопрос о том, кто, когда и в каком контексте впервые его использовал, заслуживает отдельного исследования, однако факт остается фактом: уже с конца XIX в. в отечественной исторической литературе встречается устойчивое словосочетание “великая французская революция”, не применявшееся ни в одной другой стране (курсив наш. – М.К., Д.А.)» [9, с. 16]. Переходя к исследованию, нельзя оставить без внимания явное противоречие авторов самим себе. Д.Ю. Бовыкин называет К. Каутского, который применял эпитет «великая» [1, с. 32]. А.В. Чудинов же цитирует (с выделением жирным шрифтом!) фрагмент сочинений английского радикала Дж. Макинтоша (1791 г.) с упоминанием «великой революции» [8, с. 169].

Слово «великий» (англ. *great*, фр. *grande*) в различных языках имеет примерно одинаковый набор значений. Современные словари (Кембриджский словарь и «Робер») приводят следующие: большой по масштабу, важный по последствиям, главный среди прочих¹. Английский

¹ Great // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%B%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/great> (дата обращения: 09.06.2025); Grande // Dico en ligne Le Robert. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/grand> (date accessed: 09.06.2025).

словарь С. Джонсона, изданный в 1755 г., применительно к области общественно-политической жизни не отличается в определениях данного понятия². То же сочетание величины и ценности дает в спектре значений и немецкий толковый словарь³. Зато словарь Фюретьера XVII в. добавляет к значению слова *grande* еще превосходство по качеству и наличие морального (духовного) смысла⁴.

Знаменитый английский писатель, агроном и экономист А. Юнг (Янг) в своем «Путешествии по Франции» (1792 г.) констатировал всеобщее воодушевление от *великой революции*, которое охватило Париж в июне 1789 г.⁵ «Великая революция» занимает определенное место и в политической традиции бабувизма. С. Марешаль, состоявшийся как публицист еще до 1789 г., через несколько лет выпустил «Страшный суд над королями». В нем персонажи (якобинцы из разных стран), попав на необитаемый остров, искали одного политического изгнанника. Судя по найденным надписям на скале, беглец, как полагал участник диалога, достоин свершившейся *великой революции*⁶. Ф. Буонаротти приводит цитаты из бабувистских брошюр второй половины 1790-х гг. В одной из них переворот 9 термидора критикуется за отступление от принципа общественного блага⁷. Ведь его подлинной целью должно быть исправление злоупотреблений *великой революции*. В послании к делегату Национальной ассамблеи описывается, как бабувисты побуждали патриотов к более решительным действиям, в частности, к замене правительства на «более достойное *великой революции*» (курсив наш. – М.К., Д.А.)⁸. Не обошли обозначенный термин вниманием и республиканцы. А. Барнав пишет о сокрушительном ударе, нанесенном по аристократии *великой революцией*⁹. В другом месте он обобщает сделанные им наблюдения, говорит, что рассмотрел предпосылки и развитие первого этапа *великой революции*¹⁰.

² Great. *A Dictionary of the English Language*. Vol. 1. L., 1755. Pp. 937–938.

³ Grosse // Duden. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Groesse> (Datum des Zugriffs: 09.06.2025).

⁴ Grande // Dictionnaire universel de Furetière (1690). URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/grand#furetiere> (consulté le 09.06.2025).

⁵ Young A. Travels during the years 1787–88 and 9 undertaken more particularly with a view of ascertaining the cultivation wealth, resources and national prosperity of France. L., 1792. P. 126.

⁶ Marechal S. Le jugement dernier des rois, prophétie en un acte, en prose. Paris, 1793. P. 5.

⁷ The truth to the people. *Buonarroti Ph. Babeuf's conspiracy for equality*. L., 1836. P. 293.

⁸ Address to the Delegate from the Mountainist Committee. *Buonarroti Ph. Babeuf's conspiracy for equality*. L., 1836. P. 393. В русском переводе этот фрагмент выпущен: Буонаротти Ф. Речь к посланцу комитета монтаньяров // Заговор во имя равенства. Т. 2. М., 1963. С. 259.

⁹ Barnave A. Introduction à la Révolution Française. *Barnave A. Oeuvres*. Paris, 1843. P. 111.

¹⁰ Ibid. P. 219.

Имеется существенное число свидетельств об употреблении известного термина в консервативном лагере. В своих «Размышлениях» Ж. де Сталь цитирует высказывание графа Прованского (будущего Людовика XVIII) о короле, призванного, по его мнению, в 1789 г. возглавить *великую революцию*¹¹. Э. Кабе приводит цитату из сочинения роялиста А. Ривароля, где констатируется победа врага в той *великой революции*¹². Консервативный мыслитель Ж. де Местр, оценивая результаты террора, частичную вину за него возлагает на самих философов, безответственно утверждавших, что никакая *великая революция* не происходит без великих несчастий¹³. Первый из влиятельных английских критиков Французской революции Э. Бёрк, тем не менее, все же именует ее великой. Мыслитель рассуждает о возможном исключении из представительных органов Франции людей, сыгравших значимую роль в *великой революции*. Среди имен людей, имевших отношение к *великой революции*, особенная роль отводится оратором принцу де Конти¹⁴. В парламентских речах по делу бывшего генерал-губернатора Индии У. Гастингса (1794) Бёрк останавливается на значимости данного процесса как прецедента. Ничто не может отменить установленные процедуры, утверждает он, кроме тех *великих революций*, которые разрывают цепь исторической памяти, имея в виду продолжающиеся события во Франции¹⁵. Интересный факт содержится в документах А. Барнава как докладчика Комитета по колониям в Национальном собрании. Один из текстов представляет благодарность плантаторского Клуба Массиак, направленную в округ Сент-Томас (Виргинские о-ва). Авторы выражают жителям благодарность за проявленное спокойствие во время *великой революции*, происходившей в метрополии¹⁶.

Приведенные данные позволяют со всем основанием утверждать, что «великой» Французскую революцию назвали уже современники и ее участники. Причем присутствие данного эпитета в источниках не зависит от политических взглядов автора. Если левые подчеркивали моральную составляющую свершившегося переворота (создание нового справедливого строя), то правые ограничивались указанием

¹¹ Staël-Holstein G., de. *Considérations sur les principaux évènements de la Révolution française*. T. 1. Paris, 1818. P. 177.

¹² Cabet E. *Révolution de 1830 et situation présente*. Paris, 1833. P. 55.

¹³ Maistre J., de. *Considérations sur la France*. L., 1797. P. 12.

¹⁴ Burke E. *Remarks on the Policy of the Allies with respect to France: with an Appendix*. Burke E. *The works of the right honorable Edmund Burke*. Vol. 4. Boston, 1869. P. 435, 436.

¹⁵ Burke E. *Speech in general reply*. Burke E. *The works of the right honorable Edmund Burke*. Vol. 12. L., 1899. P. 395.

¹⁶ *Suites politiques : instructions du 28 mars*. Barnave. *Rapporteur du Comité des Colonies (1789–1791)*. Paris, 2007. P. 58.

на грандиозность событий, степень их разрушительности в отношении традиций прошлого.

В эпоху Реставрации Бурбонов либеральная мысль подняла на щит память о революции конца XVIII в. Историк Ф. Минье, повествуя о восстановлении Генеральных штатов, не собиравшихся с 1614 г., отзывается об этом событии как начале *великой революции*¹⁷. Р. Левассёр в мемуарах говорит об экономическом упадке Франции накануне *великой революции*¹⁸. Издатель, предваривший публикацию (1829) биографическим очерком, отзывается о Левассёре как о человеке, одаренном живым воображением и потому предчувствовавшем *великую революцию*¹⁹. Аналогичное жизнеописание включено в издание сочинений А. Барнава 1843 г. Заметка за авторством политика эпохи Реставрации М. Бернаже де ла Дрома актуализирует тему указанием на непопулярность данной фигуры среди выживших участников *великой революции*²⁰.

Революционные традиции снова стали востребованными в период кризиса Июльской монархии. К 1847 г. относится выход в свет работ крупнейших историков либерального направления – Ж. Мишле и А. де Ламартина. В «Истории Французской революции» Мишле дает следующую характеристику Национальному собранию: созванное непосредственно перед *великой революцией* в виде Генеральных штатов, оно не потеряло специфики старинного учреждения²¹. Ламартин же в «Истории жирондистов» представляет участие этой партии в Законодательном, затем Национальном собрании в 1791–1793 гг. как ярчайший комментарий ко всей *великой революции*. Пролитая кровь, по его мнению, должна стать уроком для людей²². Характеризуя Ж. Лафайета, он называет его подходящим человеком для совершения *величайшей революции*²³.

Поворотом в изучении событий конца XVIII в. стало появление в 1856 г. книги А. де Токвиля «Старый порядок и революция». Самобытной чертой исследования, написанного с либерально-консервативных позиций, стала идея преемственности процессов модернизации французского общества в XVII–XIX вв. Целью своей работы Токвиль считает выяснение причин *великой революции*, которая, хотя и готовилась

¹⁷ Mignet F.A. Histoire de la Révolution française, depuis 1789 jusqu'en 1814. Paris, 1824. P. 41.

¹⁸ Levasseur R. Mémoires. Paris, 1829. P. 27.

¹⁹ Roche A. Introduction. *Levasseur R. Mémoires*. Paris, 1829. P. 3.

²⁰ Drome M.B., de la. Notice historique sur Barnave. *Barnave A. Oeuvres*. Paris, 1843. P. 1.

²¹ Michelet J. History of the French Revolution. L., 1847. P. 235.

²² Lamartine M.A., de. Histoire des Girondins. T. 1. Paris, 1847. P. 2.

²³ Ibid. P. 425.

по всей Европе, произошла именно во Франции²⁴. Разобщенность людей при старом режиме, их неспособность сообща противостоять кризису он считает одной из важнейших причин, благодаря которой *великая революция* смогла опрокинуть всю существующую систему²⁵. Французы, по его мнению, не могли удовлетворяться лишь реформами. Убежденные просветителями, они стремились обрести политическую субъектность, так что *великая революция* должна была произойти не только с согласия народа, но и твориться его руками²⁶. Война с религией также, по его мнению, не являлась второстепенным эпизодом той *великой революции*, но была глубоко закономерна²⁷. Английские же наблюдатели, имея за спиной собственный политический опыт, могли заранее предвидеть надвигающуюся *великую революцию*²⁸.

Либеральная традиция, как мы видим, усматривает в величии революции степень ее влияния на ход последующий истории, иногда присовокупляя моральное значение. Токвиль, по-видимому, подчеркивает лишь масштабность процесса.

Распространен был термин и среди социалистов. В данном ключе интересна работа утопических социалистов С. Базара, П. Анафантена и О. Родрига «Изложение учения Сен-Симона». Авторы, хотя и не в полной мере были сторонниками революционных методов, но отмечали величие Французской революции, называя ее *Великой политической революцией*²⁹. Из троих эта тенденция наиболее проявляется у Анафантена, который видел в «великой революции» лишь *premier acte d'un drame* (фр. 'первый акт драмы') на пути к новому закону судьбы³⁰. Разделял идею о величии революции и историк-социалист Луи Блан, написавший многотомную работу «История Французской революции». По его мнению, она была не просто *велика*, но и необходима для преодоления разобщенности французов³¹.

О *величии* ряда революций Нового времени, в т.ч. и революции 1789 г., в одной из самых своих знаменитых работ «Манифест Коммунистической партии» (1848) говорили К. Маркс и Ф. Энгельс³². Подобного же мнения придерживались и многие последователи К. Маркса:

²⁴ Tocqueville A., de. L'Ancien Régime et la Révolution. Paris, 1856. P. XI.

²⁵ Ibid. P. 119.

²⁶ Ibid. Livre 3.

²⁷ Ibid. P. 9.

²⁸ Ibid. P. 3.

²⁹ Изложение учения Сен-Симона / вступ. ст. В.П. Волгина. М., 1961. С. 282.

³⁰ Enfantin P. Correspondance politique. 1835–1840. Paris, 1849. P. 32.

³¹ Blanc L. History of the French revolution. Vol. 1. Philadelphia, 1848. С. 433.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 2021. С. 81.

Э. Бакс³³, К. Каутский³⁴, Р. Люксембург³⁵ и др. В основе своей это просто констатация величия революции в их системе ценностей без каких-либо пояснений.

Из плеяды марксистов в данном вопросе необходимо выделить Ж. Жореса. Видимо, он – один из первых, кто превратил эмоциональный эпитет в понятие, обосновав его теоретически. Как и прочие марксисты, он использует термин «великая революция»³⁶. Причем он указывает, что Французская революция была «величайшим событием с поразительно плодотворным содержанием» и означала политическое возвышение «буржуазного класса»³⁷. Этими характеристиками Жорес выразил то основное, что видели социалисты того времени во Французской революции 1789 г.

Термин «великая революция» по отношению к Французской революции в зарубежной литературе продолжал употребляться и в XX в. Примером тому могут стать работы А. Си³⁸, Д. Рюде³⁹, Э. Хобсбаума⁴⁰, Б. Мура⁴¹, Д. Голдстоуна⁴². Список можно продолжать еще очень долго. Безусловно, левая политическая традиция наложила свой отпечаток на труды этих специалистов по социальной, экономической и демографической истории. Нелишне заметить, что выражение «великая революция» в ходу и у школы Э. Лабрюсса, основатель которой подверг пересмотру устоявшуюся картину экономической истории Франции XVIII в.⁴³

В настоящей статье мы не можем претендовать на сколько-нибудь полный анализ зарубежной литературы и источникового материала по Французской революции. Однако даже беглый обзор позволяет с уверенностью заключить, что «великой» Французскую революцию назвали уже современники. Популяризовали ее в такой формулировке французские историки «классической школы», заложившие основы изучения

³³ Вах Е. В. The story of the French revolution. L., 1892. С. 106.

³⁴ Каутский К. Противоречия классовых интересов в 1789 году. Ростов-н/Д., 1905. С. 32.

³⁵ Luxemburg R. The Accumulation of Capital. L.; N.-Y., 2003. С. 359.

³⁶ Jores J. Histoire socialiste. T. I : La Constituante (1789–1791). Paris, 1901. P. 254.

³⁷ Ibid. P. 3.

³⁸ Sée H. La France économique et sociale au XVIIIe siècle. Paris, 1946. P. 11.

³⁹ Rudé H. The Crowd in the French Revolution. L. and N.-Y., 1967. P. 4.

⁴⁰ Hobsbawm E. The Age of Revolution 1789–1848. N.-Y., 1962. P. 120.

⁴¹ Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. Boston, 1974. P. 49.

⁴² Goldstone J. Revolution and rebellion in the early modern world: Population change and state breakdown in England, France, Turkey, and China, 1600–1850. Jack A. Goldstone. Description: 25th anniversary edition. N.-Y., 2016. P. 444.

⁴³ Perrot J.-C. Préface. L'œuvre au présent. Labrousse E. La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution. Paris, 1944. P. 1.

той эпохи. Наконец, эпитет закрепился в европейской социалистической литературе. Нам не удалось установить какой-либо взаимосвязи между политическими взглядами авторов источников и именованием революции «великой». Правда, определенная закономерность состоит в том, что сочетание «великая революция» использовалось в подавляющих случаях эпизодически.

Формулировка «Великая французская революция» (“grande révolution française”) присутствовала параллельно. Консервативный политик из Женевы Ф. д’Ивернуа, сравнивая беспорядки у себя на родине и в соседнем государстве, противопоставлял малую революцию в Женеве – *великой французской революции*⁴⁴. Ж. Лакретель, в молодости состоявший в Клубе фельянов, а позднее ставший членом Французской академии, в 1815 г. писал о революции в науке и искусствах как о составляющих *великой французской революции*⁴⁵. Июльская революция 1830 г. неизбежно породила всплеск мемориализации по отношению к революции предшествовавшей. В памфлете, направленном против свергнутого Карла X, некто под псевдонимом Сципион Марин указывал на роль эмигрантов в заключении Пильницкой декларации 27 августа 1791 г., обращенной против революционной власти в Париже. Сравнивая две революции, автор отдает предпочтение последней, но указывает на заслуги и первой, которая одолела миллион врагов. «Воздадим славу *великой французской революции!*» – восклицает он, причем слово «великая» выделяет курсивом⁴⁶. Очередной памфлет, написанный по горячим следам в 1831 г., принадлежал перу Ж. де Кона. Он оправдывает Июльскую революцию, ссылаясь на пример *великой французской революции*⁴⁷. Военный историк Абель Гюго, брат Виктора Гюго, посвятил ряд сочинений Войнам антифранцузских коалиций. В одном из них автор говорит, что Европа в 1792 г. пошла войной против *великой французской революции*⁴⁸. В другой работе приписывает Наполеону сохранение принципов и достижений *великой французской революции*⁴⁹.

⁴⁴ Ivernois F., d'. La Révolution française à Genève, tableau historique et politique de la conduite de la France envers les Genevois. L., 1795. P. 155.

⁴⁵ Lacretelle P.-L. Fragments politiques et littéraires. Paris, 1817. P. 125.

⁴⁶ Scipion Marin. Avant, pendant et après, ou Mémoires libertins et dévots sur Charles X. Paris, 1830. P. 32.

⁴⁷ Caune J., de. Lettre à mes amis sur la Révolution française. Paris, 1851. P. 11.

⁴⁸ Hugo A. France militaire : histoire des armées françaises de terre et de mer, de 1792 à 1833. T. 1. Paris, 1834. P. 6.

⁴⁹ Hugo A. Histoire de l'empereur Napoléon. Paris, 1833. P. 131.

Искомый термин обнаруживается и во французской прессе первой половины XIX в. Газета «Курьер» за 1823 г. провозглашает задачей текущего столетия борьбу за общественные свободы, во имя которых совершалась *великая французская революция*⁵⁰. В 1837 г. та же газета упоминает участие ирландской бригады в событиях *великой французской революции*⁵¹. В 1850 г. «Курьер» пишет о значении *великой французской революции*, произошедшей в интересах как буржуазии, так и народных низов⁵². Журнал «Индепендент» в заметке за 1833 г. прославляет «отцов» – участников событий конца XVIII в. В силу значимости последних, утверждает автор, каждый эпизод *великой французской революции* заслуживает пристального внимания⁵³.

Мы полагаем, приведенных свидетельств достаточно, чтобы вернуть интересующему нас выражению его законное место в контексте эпохи. В целом же, электронная библиотека «Галлика» выдает 1192 упоминания даже такого словосочетания, как *grande revolution française*, в прессе, публицистике, исторических и политических трактатах за период конца XVIII – начала XX в.⁵⁴ Историк Т.А. Черновверская приводит английские и французские издания сборников документов, монографий по экономической, военной и церковной истории второй половины XIX в., где в заголовках присутствует термин «Великая французская революция». Ссылается она и на соответствующую лексику президента Ф. Миттерана и историка-анналиста М. Вовеля [6, с. 25].

Таким образом, выражение «великая французская революция» может свидетельствовать о героизации революции либеральными интеллектуалами в период новых революций – 1830 и 1848 гг. Этот термин мог иметь и технический характер с целью разграничения «большой» революции и малых, периферийных – но уже у консервативных авторов.

Среди социалистов Ж. Прудон, указывая на недостатки Французской революции 1789 г., делает весьма важное замечание: «Люди с легкомысленным восторгом говорят о *славной французской революции* (курсив наш. – М.К., Д.А.), о возрождении 1789 года, о великих

⁵⁰ Le Courrier Français. 1823. № 217. P. 4.

⁵¹ Ibid. 1837. № 283. P. 3.

⁵² Ibid. 1850. № 122. P. 2.

⁵³ L'Indépendent : journal politique, industriel et agricole du département de la Moselle. 1833. № 460. P. 1.

⁵⁴ Gallica. URL: <https://gallica.bnf.fr/services/engine/search/sru?operation=searchRetrieve&version=1.2&startRecord=0&maximumRecords=50&page=1&query=%28gallica%20adj%20%22grande%20Revolution%20fran%C3%A7aise%22%29%20sortby%20dc.date%2Fsort.ascending&filter=century%20all%20%2219%22> (consulté le : 09.06.2025).

реформах и об изменении учреждений. Все это только ложь!»⁵⁵. Сочетание «Славная французская революция» весьма близко к термину «Великая французская революция» и, видимо, Прудон выбрал эпитет «славная» по отношению к Французской революции из-за своего неоднозначного отношения к данному событию. Но, возможно, мыслитель лишь использовал несколько измененный термин, уже известный в то время. Так, у Э. Кабе мы находим упоминание о революции 1789 г. как о «славной революции»⁵⁶. При этом понятие используется у него наравне с термином «великая революция» и означает одно и то же⁵⁷. Сейчас уже трудно сказать, почему Прудон выбрал именно такой эпитет. Возможно, имеет место отсылка к «славным дням» 1830 г. Хотя сам Прудон неоднозначно относился к Французской революции, его последователи, развивавшие идеи анархизма (М.А. Бакунин⁵⁸, П.А. Кропоткин⁵⁹, М.И. Корн⁶⁰ и др.) считали Французскую революцию великой и использовали по отношению к ней термин «Великая французская революция».

Выше мы упоминали работу Л. Блана, в которой он, признавая величие революции 1789 г., термин «Великая французская революция» не использует. Зато переводчики им порой пользовались. Так, в предисловии к американскому изданию 1848 г. переводчик применил такое выражение: «great French Revolution of 1789»⁶¹. В русском переводе 1871 г. первый том работы Блана назван переводчиком М.А. Антоновичем «История *Великой французской революции*»⁶² (курсив наш. – М.К., Д.А.).

Необходимо отметить, что «великой» Французскую революцию называли не только в публицистических и исторических произведениях, где указание на величие могло бы быть определенным политическим маркером (хотя это было и не всегда так), но и в источниках, где

⁵⁵ Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время. М., 1998. С. 27.

⁵⁶ Cabet E. Révolution de 1830. Et situation présente. Paris, 1833. P. 120.

⁵⁷ Ibid. P. 58.

⁵⁸ Бакунин М.А. Политика интернационала // Бакунин М.А. Избранные сочинения. Т. 4. СПб.; М., 1920. С. 8.

⁵⁹ Кропоткин П.А. Великая Французская революция 1789–1793. Лондон, 1914. С. 4, 514, 690, 691.

⁶⁰ Корн М.И. Революционный синдикализм и анархизм. Борьба с капиталом и властью. СПб.; М., 1920. С. 67.

⁶¹ Blanc L. History of the French revolution. Vol. 1. Philadelphia, 1848. P. 11.

⁶² Блан Л. История Великой французской революции: в 12 т. / пер. с фр. М.А. Антоновича. Т. 1. СПб., 1871.

подобное маркирование было не так необходимо. Речь идет о письмах. Наибольший интерес в данном ключе представляет письмо Ф. Лассалья К. Марксу от 6 марта 1859 г. В данном письме Лассаль употребляет термин «Великая французская революция», однако, относит не ко всему ее периоду. Философ отсчитывает ее с 1792 г., т.е. со времени падения монархии во Франции⁶³. При этом в своих произведениях Лассаль обычно не использовал эпитет «Великая», примером чему может служить его работа «О сущности конституции»⁶⁴.

Кроме Лассалья, в среде немецких социалистов термином «Великая французская революция» оперировал А. Бебель. Мы встречаем его, например, в бебелевской работе 1879 г. «Женщина и социализм», причем в двух видах: *grossen, französischen Revolution* и *grosse französische Revolution* («великая французская революция»)⁶⁵. Не вполне понятно, для чего в первом случае Бебель поставил запятую. По всей видимости, это была ошибка, пропущенная редактором, так же, как и пропуск буквы “s” в слове *französischen*. Из немецких социал-демократов уже упоминавшийся нами выше К. Каутский, подобно Бебелю, напрямую называет Французскую революцию «великой» в работе «Социальная революция»⁶⁶.

Наиболее активно в среде немецких социал-демократов продвигал термин «Великая французская революция» Г. Кунов. Он написал работу «Die Parteien der grossen französischen Revolution und ihre Presse» («Партии великой французской революции и их пресса»), в которой не только вынес в название сам термин «Великая французская революция», но и систематически использовал его наравне с термином «великая революция»⁶⁷. Возможно, что это одна из тех работ, которая, наряду с книгой П.А. Кропоткина, повлияла на активное использование термина «Великая французская революция» в России после революции 1917 г. Поразительно игнорирование А.В. Чудиновым работ своего же соавтора Ж.-Н. Дюканжа [10, р. 3–8]. В *opus magnum* последнего в огромном количестве приводятся примеры употребления обоих интересующих нас терминов «великая революция» [11, р. 3, 7, 32, 42, 69, 70, 74, 119, 158, 161, 164–165, 207, 239, 297] и «великая французская

⁶³ Лассаль Ф. [Рукопись о трагической идее, приложенная Лассалем к письму от 6 марта 1859 г.] // Письма Фердинанда Лассалья к К. Марксу и Ф. Энгельсу. СПб., 1905. С. 130.

⁶⁴ Лассаль Ф. О сущности конституции. Киев, 1905. С. 18.

⁶⁵ Bebel A. Die Frau und der Sozialismus. Zürich-Hottingen, 1879. S. 74, 80.

⁶⁶ Kautsky K. The social revolution. Chicago, 1902. P. 34.

⁶⁷ Cunow H. Die Parteien der grossen französischen Revolution und ihre Presse. Berlin, 1912. S. 6, 62, 68, 93, 107, 394. В русском переводе: Кунов Г. Борьба классов и партий в Великой Французской революции. М.; Пг., 1923.

революция» [11, р. XXII, 41, 77, 93, 187, 195, 200, 240] немецкими социал-демократами конца XIX – начала XX вв.

Что же касается Н.И. Кареева, до 1918 г. он использовал в названиях работ эпитет *великая* лишь дважды, формулу «Великая французская революция» – ни разу⁶⁸. В самих текстах он порой называет революцию *великой*, при этом никак не комментируя такой характер словопотребления⁶⁹. По крайней мере, его подход нельзя считать особенным среди либеральных и левых историков.

Очевидно, речь должна идти о постепенном нарастании употребления выражений «великая революция» и «великая французская революция» по отношению к событиям 1789–1793 гг. (либо наиболее значимым для конкретного автора эпизодам) на протяжении всего периода с конца XVIII по начало XX в. Большевики лишь поставили точку в этом процессе. То есть нет никаких оснований возлагать ответственность за его создание на русских историков или русских социалистов XIX в. Разумеется, возвеличивание Французской революции всегда было характерно для левого направления общественной мысли и историографии. Использование же эпитета *великая*, означавшее отдание должного ее силе и всеохватности, историческому значению (что не равняется героизации), встречается и у либеральных, и у правых авторов. Во всяком случае, все основания для бытования среди современных историков наименования «Великая французская революция» есть просто в силу его *историчности*, т.е. присутствия в текстах конца XVIII в.

Низкая частотность употребления на Западе формулировки «Великая французская революция» не означает ее дисквалификации по причине ангажированности. Речь идет лишь о непопулярности. Стало быть, современный российский историк не обязан отказываться от термина, если не считает нужным этого делать. Во всяком случае, его использование никак не вредит репутации исследователя.

Библиографический список / References

1. Бовыкин Д.Ю. Дискуссионные проблемы истории Французской революции // Преподавание истории в школе. 2013. № 10. С. 31–37. [Bovykin D.Yu. Controversial problems of the history of the French Revolution. *Prepodavanie istorii v shkole*. 2013. No. 10. Pp. 31–37. (In Rus.)]

⁶⁸ Кареев Н.И. Историки Французской революции. Т. 3. Л., 1925. С. 298–300.

⁶⁹ Кареев Н.И. Новейшие работы по истории французской революции // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете за 1890 год. Т. 1. СПб., 1890. С. 35; Он же. История Западной Европы в Новое время. Т. 3. СПб., 1893. С. 419; Он же. Альбер Сорель как историк французской революции. СПб., 1907. С. 17.

2. Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М., 2020. [Bovykin D. Yu., Chudinov A.V. Francuzskaya revolyuciya [French Revolution]. Moscow, 2020.]
3. Гордон А.В. Великая Французская революция: о понятии и понимании // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историописания: сб. статей и сообщений. Казань, 2021. С. 128–134. [Gordon A.V. The Great French Revolution: On concept and understanding. *Nikolaj Ivanovich Kareev: zhiznennyj put i nauchnoe nasledie v transdisciplinarnom kontekste sovremennogo istoriopisaniya*. Kazan, 2021. Pp. 128–134. (In Rus.)]
4. Таньшина Н.П. Новый русский взгляд на Французскую революцию. Рец. на кн.: Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн: ПостНаука, 2020. 468 с. // Историческая экспертиза. 2020. № 4 (25). С. 309–319. [Tanshina N.P. A New Russian view of the French Revolution. Review of the book: Bovykin D. Yu., Chudinov A.V. The French Revolution. Moscow, 2020. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2020. No. 4 (25). Pp. 309–319. (In Rus.)]
5. Уваров П.Ю. Наша любимая революция (о книге А. Чудинова, но не только о ней) // Новое литературное обозрение. 2018. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2018/6/nasha-lyubimaya-revoljucziya.html> (дата обращения: 09.06.2025). [Uvarov P. Yu. Our favorite revolution (about A. Chudinov's book, but not only about it). *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2018. No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2018/6/nasha-lyubimaya-revoljucziya.html> (date accessed: 12.03.2025). (In Rus.)]
6. Черноверская Т.А. О некоторых спорных вопросах в интерпретациях Французской революции конца XVIII в. // Научные записки Новосибирского государственного университета экономики и управления, 2021. № 4. С. 23–26. [Chernoverskaya T.A. On some controversial issues in the interpretations of the French Revolution at the end of the 18th century. *Nauchnye zapiski Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya*. 2021. No. 4. Pp. 23–26. (In Rus.)]
7. Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания. М., 2017. [Chudinov A.V. Istoriya Francuzskoj revolyucii: puti poznaniya [The history of the French Revolution: Paths of knowledge]. Moscow, 2017.]
8. Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996. [Chudinov A.V. Razmyshleniya anglichan o Francuzskoj revolyucii: E. Byork, Dzh. Makintosh, U. Godvin [Reflections of the English on the French Revolution: E. Burke, J. Mackintosh, W. Godwin]. Moscow, 1996.]
9. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. [Chudinov A.V. Francuzskaya revolyuciya: istoriya i mify [The French Revolution: History and myths]. Moscow, 2007.]
10. Ducange J.-N., Tchoudinov A. La Révolution comme modèle et miroir. *Annales historiques de la Révolution française*. 2017. No. 378. Pp. 3–8.
11. Ducange J.-N. The French Revolution and Social Democracy. Leiden, Boston, Brill, 2019.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025, принята к публикации 08.08.2025
The article was received on 01.07.2025, accepted for publication 08.08.2025

Сведения об авторах / About the authors

Ковалёв Максим Александрович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории, археологии и краеведения Гуманитарного института, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Maxim A. Kovalyov – PhD in History; associate professor at the Department of History, Archeology and Local Lore of the Humanitarian Institute, Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

E-mail: mkovalyov.89@mail.ru

Акимов Даниил Андреевич – студент Гуманитарного института, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Daniil A. Akimov – student at the Humanitarian Institute, Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

E-mail: hkg78888u@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-41-57

УДК 94(47).081

И.С. Соловьёв

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация

Гарибальдийцы – участники Январского восстания в Царстве Польском 1863–1864 гг.: легион полковника Ф. Нулло

В статье анализируются судьбы бойцов гарибальдийского франко-итальянского Легиона полковника Ф. Нулло – участников Январского восстания в Царстве Польском 1863–1864 гг., оказавшихся в российском плену и по приговору военно-полевого суда отправленных в сибирскую ссылку. Дается характеристика обстоятельствам формирования Легиона, его составу, боевому пути, судебному процессу над гарибальдийцами, их пребыванию на каторге, процессу освобождения и пр. Исследуются контакты дипломатических ведомств Российской империи, Италии и Франции по данному вопросу, для чего автор впервые в историографии темы привлекает материалы фондов Архива внешней политики Российской империи.

Ключевые слова: Царство Польское, Российская империя, Январское восстание в Польше, национальные движения, европейские революции, гарибальдийцы, сибирская ссылка, полковник Ф. Нулло, Л. Кароли, Э. Андреоли

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Соловьёв И.С. Гарибальдийцы – участники Январского восстания в Царстве Польском 1863–1864 гг.: Легион полковника Ф. Нулло // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 41–57 DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-41-57

© Соловьёв И.С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-41-57

I.S. Solovyov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Garibaldians – participants in the January Uprising in the Kingdom of Poland 1863–1864: Colonel F. Nullo’s Legion

The article analyzes the fates of the fighters of Colonel F. Nullo’s Franco-Italian Garibaldi Legion – participants in the January Uprising in the Kingdom of Poland in 1863–1864, who were captured by Russia and sentenced to Siberian exile by a court martial. It describes the circumstances of the Legion’s formation, its composition, combat history, the trial of the Garibaldians, their time in penal servitude, and their subsequent release. It examines the diplomatic contacts between the Russian Empire, Italy, and France on this issue, for which the author, for the first time in the historiography of the topic, draws on materials from the collections of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

Key words: Kingdom of Poland, Russian Empire, January Uprising in Poland, national movements, European revolutions, Garibaldians, Siberian exile, Colonel F. Nullo, L. Caroli, E. Andreoli

CITATION: Solovyov I.S. Garibaldians – participants in the January Uprising in the Kingdom of Poland 1863–1864: Colonel F. Nullo’s Legion. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 41–57. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-41-57

Девятнадцатый век называют «веком революционных идей». В европейском политическом ландшафте отразились происходившие тогда национальные революции. В этих условиях движение Рисорджименто неоднократно пересекалось с польским национальным движением¹. Оба они развивались параллельно, возникли на одной и той же культурной почве романтического национализма, либерального конституционализма и опыта вооруженного волонтерства, представители которого рассматривали национальное освобождение как часть более широкого «дела народов».

Январское восстание 1863–1864 гг. в Царстве Польском неслучайно оказалось важным не только для польских повстанцев и активистов-эмигрантов, но и небольшого международного авангарда волонтеров, преданных делу революционной борьбы. Именно в него входил и франко-итальянский контингент под командованием полковника Франческо Нулло (1826–1863)², близкого соратника Джузеппе Гарибальди.

В исторической памяти народов Италии и Польши сохранился символический смысл тех событий. В них видели пример солидарности между борьбой Рисорджименто и усилиями польского национально-освободительного движения.

Культурное родство, которое подчеркивалось в литературе и периодической печати того времени, усиливало у итальянцев симпатию к Польше. Следует отметить, что польские восстания являлись постоянной темой в итальянском общественном дискурсе, прежде всего, в кругах либерального национализма XIX в. (об этом говорилось в донесениях русских дипломатов Н.П. Поггенполя и А.Я. Скарятина из Неаполя в 1862–1863 гг.³).

Многие итальянские патриоты воспринимали польскую борьбу как аналогичную собственной: оба народа представлялись как жертвы

¹ Польские революционеры играли заметную роль в борьбе периода Рисорджименто. Например, яркими эпизодами являются участие сформированного великим польским поэтом-романтиком А. Мицкевичем (1798–1855) Польского легиона в событиях 1848–1849 гг. в Ломбардии, Генуе, Риме и пр., а также назначение королем Карлом-Альбертом генерала В. Хшановского (1793–1861) главнокомандующим сардинской армией во время Первой войны за объединение Италии 1848–1849 г., деятельность графа В. Замойского (1803–1868) по созданию отрядов польских добровольцев и т.д.

² Нулло был видной фигурой в радикальной добровольческой среде, участником восстания в Ломбардии 1848 г., обороны Римской республики 1849 г., партизанской войны в Калабрии, экспедиции знаменитой гарибальдийской «Тысячи» на Сицилию в 1860 г. и пр.

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 722 (Константин Николаевич, Великий Князь, Сын Императора Николая I, Генерал-Адмирал). Оп. 1. 1862–1863 гг. Д. 411. Донесения Н.П. Поггенполя и А.Я. Скарятина из Неаполя. Л. 1–22 об.

династического и имперского раздела⁴. Отдельные деятели Рисорджименто принимали в ней активное участие.

Легион Нулло, обычно именуемый в современной историографии «Гарибальдийским» легионом, представляет собой наглядный пример международного революционного волонтерства второй половины XIX в. Его короткая кампания весны 1863 г. и последующая судьба бойцов показывает столкновение крупнейших национальных движений Европы с интересами Российской империи. Анализ боевой истории легиона и судеб его членов требует привлечения имеющихся документальных данных о наборе, составе и передвижениях с оценкой оперативной обстановки, в которую попали эти волонтеры.

Историю Легиона Нулло рассматривали польские историки К. Ферлей-Белянска [9], А. Островский [15], а также итальянские исследователи Дж.М. Локателли [11–14], А. Занки [16], А. Роберти [6], английский автор М. Гарднер [10] и др.

Среди исследований отечественных авторов обращают на себя внимание статьи советского историка Б.Г. Кубалова (1879–1966) [2–5] и современного исследователя А.С. Гулина (Российский государственный гуманитарный университет), в частности, его вступительная статья [1] к публикации воспоминаний одного из участников похода – французского журналиста Э. Андреоли. Их единственный перевод на русский язык также принадлежит Гулину, который первым в отечественной историографии осуществил реконструкцию боевого пути Легиона Нулло и дальнейшей судьбы его членов.

Источниковая база для изучения истории Легиона обширна и включает материалы Архива внешней политики Российской империи, ранее не становившиеся объектом исторического исследования⁵. Тематические материалы также находятся в Государственном архиве Российской Федерации⁶ и ряде других архивохранилищ страны. Важным

⁴ Важную роль здесь сыграла активная деятельность польских эмигрантских сетей, которые поддерживали «польский вопрос» по всей Западной Европе (например, сообщество «Отель Ламбер», называемое так по особняку в центре Парижа, где проживал знаменитый князь А.Е. Чарторыйский (1770–1861) и собирались сторонники консервативного направления польской эмиграции).

⁵ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «секретные дела»). Оп. 306. 1863 г. Д. 19. По отношению Управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии о пересылаемых из Варшавы в Сибирь итальянцах, взятых в числе инсургентов в Царстве Польском; Там же. Оп. 241. 1866 г. Д. 10. По отношению министра внутренних дел о находящихся в Сибири политических ссыльных иностранцах.

⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 38. 1-я экспедиция. 1863 г. Д. 23. Ч. 226. О беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях: об итальянцах, отправленных из Царства Польского в Сибирь за участие в мятеже.

источником являются воспоминания участников экспедиции Легиона – Э. Андреоли⁷ и А. Венансио. Свои записки Андреоли публиковал с 1869 г. во французском журнале «Revue moderne». Воспоминания Венансио были продиктованы им бергамскому историку Дж.М. Локатели, который впервые издал их в 1894 г. под названием «I bergamaschi in Siberia 1863–1867» [12].

Инициатива помощи польским повстанцам была следствием, с одной стороны, личных взглядов Нулло, а с другой – внутривосточной обстановки в молодом итальянском государстве, сложившейся после знаменитого боя при Аспромонте⁸. Ветеран Рисорджименто, Нулло сочетал в себе богатый военный опыт, в частности, формирования и командования повстанческими отрядами⁹, и приверженность радикальным республиканским идеям, а потому считал своим долгом оказать активную помощь восстанию.

Непосредственное влияние на его мотивацию оказали и политические события 1862–1863 гг. в Италии: падение правительства У. Ратацци после бурной общественной критики в связи с эпизодом в Аспромонте и резкие заявления главы кратковременного нового правительства Л. Фарини (имевшего на тот момент серьезные психические заболевания) в сторону короля Виктора-Эммануила II с требованием немедленной военной и дипломатической помощи восставшим полякам [1, с. 11]. Хотя действия Фарини и были сочтены неблагоприятными и привели вскоре к его отставке, однако стали для Нулло и его единомышленников, посчитавших, что тогдашние европейские правительства не окажут существенной поддержки Польше, призывом к действию.

Еще одним ключевым аргументом была позиция идейных лидеров Рисорджименто Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди. Взгляды Мадзини на борьбу польских революционеров оказывали существенное влияние на среду изгнанных, добровольцев и ветеранов-карбонариев, активно помогавших делу национального освобождения в Италии и за ее пределами. Скептически относясь к возможности вооруженных волонтеров существенно повлиять на исход восстания в Царстве Польском, он не сомневался в самой необходимости помощи польским повстанцам, более того, считал ее долгом итальянцев.

⁷ Андреоли Э. Из Польши в Сибирь: дневник пленного, 1863–1867 / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А.С. Гулина. Чита, 2011.

⁸ В бою при Аспромонте 29 августа 1862 г. отряд добровольцев Дж. Гарибальди (в числе которых был и Нулло), двигавшийся на Рим с целью включить его в состав молодого итальянского государства, был остановлен итальянскими же королевскими войсками Виктора-Эммануила II, опасавшегося негативной реакции Франции. После непродолжительного боя Гарибальди, приказавший не стрелять в нападавших, был ранен и взят в плен, а его сторонники частью пленены, частью скрылись.

⁹ Например, «Железной бригадой» в составе «Тысячи».

Показательны строки его письма из Лондона в марте 1863 г. Он писал: ««Клич – да здравствует Польша!» является кличем Италии, кличем Европы, кличем всех тех, которые в душе протестуют во имя права и вечной справедливости против произвола, тирании и зла» [цит. по: 8, с. 253]. Однако там же Мадзини констатирует: «Польше нельзя помочь недействительными протестами или виватами в честь умирающих; нельзя помочь ей посылкою немногих эмигрантов, большинство которых арестовывается враждебными правительствами раньше, чем успеют перейти границу <...> помочь Польше можно – расширив круг восстания, открыв путь для необходимого ей оружия, дав ей вместо враждебных правительств дружественные народы. Спасение Польши обретается в Венеции, в Белграде, в Пеште» [цит. по: 8, с. 253–254].

Позицию Мадзини разделял и Гарибальди. В письме с о. Капрера к польской эмиграции 5 февраля 1863 г. он писал: «Мои братья по оружию! Вы просите у меня слова – я хотел бы предложить Вам дела. Вполне справедливо, чтобы Италия взволновалась из-за вас, проливших свою кровь на полях битв за ее искупление, – и я на это надеюсь» [цит. по: 8, с. 256–257].

Состав Легиона, собравшегося в Кракове в конце апреля – начале мая 1863 г., был весьма неоднородным по национальному и региональному признакам и уровню боевой подготовки к партизанской войне. Он был сформирован в Бергамо во многом на средства еще одного активного участника движения Рисорджименто, графа Луиджи Кароли¹⁰ (1834–1865) [10, с. 331]. Однако не все итальянцы добрались до Польши, поскольку были задержаны австрийской полицией [9, с. 161–162].

В конечном составе Легиона [Там же, с. 159–160] оказалось 16 итальянцев¹¹ (10 из Бергамо, 2 из Комо, 2 из Швейцарии, 1 из Реджо-нель-Эмилия и 1 сицилиец), 7 французов¹² и 3 поляка¹³. Формально Легион был интегрирован в более широкое боевое соединение – т.н. «Мазовецкий корпус» полковника Юзефа Кароля Миневского (1841–1926). Он включал в себя около 600 чел. [Там же, с. 162] и представлял собой разношерстную и плохо сплоченную группу, где пылкие добровольцы и студенты находились бок о бок с авантюристами, которых привлекли форма и жалованье.

¹⁰ Офицер Королевского Пьемонтского кавалерийского полка, сражавшийся некогда при Мадженте и Сольферино, а на тот момент жаждавший искупить в глазах итальянской общественности позор, связанный с романом с невестой самого Дж. Гарибальди маркизой Джузеппиной Раймонди, за который тот проклял Кароли и запретил участвовать в Экспедиции Тысячи [10, с. 330–331].

¹¹ Все из них, кроме Л. Кароли, были ветеранами войск Дж. Гарибальди [9, с. 160].

¹² В частности, автор упомянутых выше воспоминаний парижский журналист и историк корсиканец Эмиль Андреоли.

¹³ Прежде всего, переводчики.

Миневский величал себя «генералом» и стремился осуществлять единоличное командование, что вызывало острую критику со стороны Ф. Нулло, его адъютантов Л. Кароли и С.Э. Маркетти и рядовых членов Легиона, в частности, Э. Андреоли¹⁴.

Боевые действия группировки Миневского и Легиона Нулло отличал сумбурный характер. В ночь со 2 на 3 мая 1863 г. отряд тайно отбыл и 4 мая переправился из Галиции в Царство Польское. Уже после первого столкновения с немногочисленным русским патрулем у границы началось дезертирство из корпуса Миневского.

Отсутствие у командиров повстанцев точных сведений о дислокации и передвижениях противника (особенно на фоне своевременно полученных русскими от агентуры в Кракове и австрийских сил правопорядка данных) привело их к катастрофе близ деревни Кшикавки, на подступах к Олькушу. Легион Нулло был разгромлен силами 4-й, 7-й и 9-й рот Витебского пехотного полка генерала А.И. Шаховского (1822–1891) 5 мая [9, с. 163–164]. В тактическом отношении повстанцы, полагавшиеся на свой боевой дух и эффект неожиданности (который давно был ими утрачен), оказались в крайне невыгодном положении по сравнению с русскими регулярными войсками, имевшими численное превосходство и действовавшими в соответствии со скоординированным маневром.

Нулло погиб, пытаясь поднять бойцов в атаку, погиб также и капитан Маркетти. 7 мая остатки «Мазовецкого корпуса» под командованием Миневского отступили на территорию Австрийской империи. В плен попало около 30 иностранных повстанцев, в их числе итальянцы А. Джуппони, братья Меули, Ф. Арканджели, Дж. Клеричи, А. Бенди (Борджиа) и Л. Кароли и др.; французы – Э. Андреоли, Л.-А. Дие и др.; и несколько поляков [Там же, с. 160–161]. Остальным иностранцам удалось укрыться на австрийской территории, откуда после ареста они были высланы властями на родину. Следы части бывших легионеров затерялись.

Следует подчеркнуть, что эти события имели важные символические последствия. «Мученичество Нулло» нашло отклик в итальянской и польской общественной памяти как яркое выражение межнациональной солидарности [Там же, с. 5–7]. Ветеран Рисорджименто, один из ближайших соратников Дж. Гарибальди, погибший за чужое, но «славное» дело, был вписан в нарратив о взаимном долге и героическом самопожертвовании.

¹⁴ Андреоли Э. Из Польши в Сибирь: дневник пленного, 1863–1867 / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А.С. Гулина. Чита, 2011. С. 84.

Военно-судебный процесс над пленными гарибальдийцами, которых содержали сначала в Ченстохове, а с 17 июня в Александровской цитадели Варшавы, является важным примером функционирования российского имперского чрезвычайного правосудия в Царстве Польском¹⁵.

С одной стороны, ему присущи характерные черты действия механизма государственного контроля в условиях активной борьбы с повстанцами. Полевой суд собирался по ускоренному графику и комплектовался действующими офицерами, набранными из соседних подразделений¹⁶ [9, с. 173–174]. Юридически это было допустимо, т.к. в соответствии с военными уставами для полевых трибуналов военного времени на практике означало, что судебный орган был тесно связан со структурой командования и решал первостепенные задачи военной кампании против повстанцев. Следствие и суд продвигались стремительно¹⁷. Их отличали сокращенные слушания отчетов командиров, последовательное применение военных уставов и ограниченные возможности защиты подсудимых – реакция на условия военного времени.

С другой стороны, имело место особое внимание российских властей¹⁸ к данному процессу. Оно было вызвано усиленным международным дипломатическим давлением европейских держав (прежде всего, Франции и Италии) в связи с событиями в Польше [Там же, с. 172], превратившем пленных иностранцев в объекты межгосударственного интереса и выведшем на первый план роль политического расчета высшего уровня. В конечном итоге, это привело к особенной правовой интерпретации российской имперской администрацией в Царстве Польском иностранного военного участия в восстании.

Приговоры были вынесены 26 июня 1863 г., утверждены Полевым аудиториатом в Варшаве и конфирмованы 1 июля 1863 г. наместником

¹⁵ Олицетворяемого такими разными фигурами как сторонник «мягкой силы» наместник Царства Польского в октябре 1863 г. – январе 1874 г. гр. Ф.Ф. Берг и знаменитым своими жесткими мерами виленским генерал-губернатором в 1863–1865 гг. гр. М.Н. Муравьевым.

¹⁶ В случае с гарибальдийцами из Кексгольмского гренадерского Императора Австрийского и Санкт-Петербургского гренадерского короля Фридриха-Вильгельма III полков, а также 1-го и 2-го саперных батальонов.

¹⁷ 21 июня командующий войсками Варшавского военного округа барон П.И. Корф отдал приказ о проведении суда над военнопленными в Кексгольмском гренадерском полку, а уже 23 июня состоялось первое заседание.

¹⁸ 24 мая Дипломатическая канцелярия при Наместнике Царства Польского вел. кн. Константине Николаевиче запросила у начальника штаба генерала А.Ф. Минквица сведения о пленниках иностранцах, за исключением прусских и австрийских подданных, прежде всего, французах и итальянцах. В ответ 1 июня начальник отдела Варшавско-Венской железной дороги барон Раден сообщил в Ставку список взятых в плен при Кшикавке. А 15 июня великий князь принимает решение об их скорейшей отправке в Варшаву [9, с. 172–173].

Царства Польского (май 1862 г. – октябрь 1863 г.) вел. кн. Константином Николаевичем.

Отметим, что судебная российская система имела законные основания вынести гарибальдийцам как лицам, «взятым в плен с оружием в руках» и имеющим «явное намерение принимать деятельное участие в вооруженном восстании»¹⁹, в соответствие со ст. 185, Т. XV Свода законов Российской империи и ст. 174 и 175 1 книги Военно-уголовного Устава смертные приговоры, однако трибунал счел возможным отнести их ко 2-й категории повстанцев (т.е. они «не были не предводителями мятежных шаек, ни эмиссарами») согласно циркуляру от 24 мая к военным начальникам отделов Царства Польского²⁰.

В итоге, гарибальдийцы были лишены «всех прав состояния» и подлежали ссылке в каторжную работу в Сибирь. В рудники на 12 лет отправлялись Э. Андреоли, Л. Кароли, Ж. Клеричи, А. Венансио, Л. Меули, Дж. Меули и А. Джупони. А Л.-А. Дие, Ш. Ришар и А. Бенди (Борджиа), «как стоящие по званию и положению своему в обществе гораздо ниже первых», – в крепости на 10 лет²¹.

Вердикт можно рассматривать как политически рассчитанный компромисс: достаточно суровый, чтобы удовлетворить императивы сдерживания и внутреннего порядка, но смягченный, чтобы уменьшить риск провоцирования длительного дипломатического кризиса и избежать появления образа иностранцев-мучеников, казни которых могли бы воспламенить общественное мнение за рубежом.

Военный суд над гарибальдийцами показал, что в условиях борьбы с повстанцами право функционировало не только как независимая судебная сфера, но и как политический инструмент, формируемый оперативной необходимостью, влиянием внешнеполитических отношений и освещением самого процесса в иностранной периодической печати. Суды служили легитимацией карательных мер государства, одновременно являясь инструментами дипломатического управления посредством смягчения приговоров.

Жизненный путь гарибальдийцев от пленения на поле боя и военноплевого суда к каторжным работам был длительным и определялся сложным административно-логистическим процессом, связывавшим военное правосудие с имперской пенитенциарной инфраструктурой.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 38. 1-я экспедиция. 1863 г. Д. 23. Ч. 226. О беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях: об итальянцах, отправленных из Царства Польского в Сибирь за участие в мятеже. Л. 101 об.

²⁰ Там же. Л. 103.

²¹ Там же. Л. 102–103 об.

Гарибальдийцам под конвоем пришлось преодолеть маршрут²² [1, с. 23] по железной дороге из Варшавы через Гродно и Санкт-Петербург в Москву, оттуда на «почтовых» через Владимир, Нижний Новгород, Казань, Вятку и Пермь в Тобольск²³, затем пешком, на «почтовых» через Тару, Каинск, Томск, Ачинск, Красноярск, Иркутск²⁴ и Читу²⁵ в Забайкалье, в ведомство комендатуры Нерчинской каторги²⁶ с последующим распределением. Вначале их направили на Петровский железоделательный завод; после реорганизации управления каторгой и выделения двух категорий политических ссыльных²⁷ они оказались ближе к концу 1864 г. на разных рудниках (Кличинский рудник, Александровский Завод, Кадаинский рудник и пр.) [4, с. 140].

Режим транспортировки пленников отражал более общие организационные недостатки российской каторжной системы. Этапирование политических преступников осуществлялось совместно с уголовниками. У ведомства был ограниченный транспортный ресурс. Существовали сезонные ограничения, скудным было снабжение продовольствием. Помимо этого, сказывались болезни и обострение боевых ран гарибальдийцев на фоне физического и морального истощения, а также недостаточного медицинского обслуживания.

Распределение узников по местам отбывания наказания было направлено на снижение вероятной опасности их сопротивления; были изолированы те из них, от кого можно было ожидать такого сопротивления, и за ними необходимо было обеспечить интенсивный надзор.

Однако отнюдь не все мероприятия оказались продуманными; затрудняло контроль то обстоятельство, что французы и итальянцы быстро интегрировались в круг польских и русских политических ссыльных. Например, Л. Кароли, Э. Андреоли, А. Венансио на Кадаинском руднике сдружились с содержащимися там же Н.Г. Чернышевским и М.Л. Михайловым²⁸ [Там же, с. 140]. Общение в рамках

²² Время которого с июля 1863 г. по февраль 1864 г. не входило в срок отбытия наказания.

²³ Где в 1822–1869 гг. действовал созданный по инициативе М.С. Сперанского Тобольский приказ о ссыльных, занимавшийся приемом, учетом и распределением ссыльных [7].

²⁴ Центр Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, возглавляемого в 1861–1871 гг. генерал-лейтенантом М.С. Корсаковым.

²⁵ Центр Забайкальской области, военным губернатором которой был в 1864–1874 гг. генерал-майор Н.П. Дитмар.

²⁶ В 1864–1874 гг. возглавлялась генерал-майором М.С. Шиловым.

²⁷ I категория – представители привилегированных сословий и опасные ссыльные, например, Л. Кароли и Э. Андреоли, II – все остальные [1, с. 38].

²⁸ Более того, Э. Андреоли и Л. Кароли жили с Чернышевским в одной хижине [6, с. 184–185].

кружка новых знакомых занимало центральное место в редком досуге гарибальдийцев. Организовывались лекции, читательские кружки и даже неформальные «университетские» вечера [4, с. 142–143]. К этой деятельности администрация Нерчинской каторги относилась терпимо до определенного предела, т.к. она занимала заключенных и являлась своеобразной гарантией предотвращения беспорядков. Но пристальная слежка не отменялась.

Быт ссыльных сочетал жесткую дисциплину, материальную необеспеченность и жесткое бюрократическое регулирование. Каторжная работа была изнурительной, а подверженность внешним воздействиям – повсеместной. Заключенные дробили руду на открытом воздухе, расчищали рельсы, выполняли плотницкие и другие работы по техническому обслуживанию на сильном морозе или в душающей пыли. Невыполнение жестких норм влекло за собой наказание: больных, которые не могли работать, часто дополнительно наказывали, урезая рацион или снова заковывая в кандалы. Медицинское обслуживание существовало, но было непоследовательным. Однако из всех гарибальдийцев скончался лишь Л. Кароли (в Кадае, 8 июня 1865 г., от инфекции головного мозга). Цепи – пятифунтовые кандалы на ногах и, когда требовала дисциплина, кандалы на руках – были постоянным физическим и психологическим спутником.

Официальные пайки были скудными и плохо соответствовали местным ценам. Базового месячного пайка (75 коп. в месяц, а также 2-х пудов муки) было недостаточно на забайкальском рынке, в результате чего гарибальдийцы были вынуждены продавать часть государственной муки, заниматься ремеслами (резьбой по дереву, сапожным делом, производством сигарет) и пр. [1, с. 30–31]. Денежные переводы от родственников (прежде всего, от семьи Л. Кароли) несколько меняли ситуацию. Однако они строго контролировались (был установлен ежемесячный лимит в 25 руб. на человека выделяемых администрацией каторги денег из получаемых ссыльнокаторжными личных средств) и зачастую переводы задерживались из-за волокиты²⁹.

Контакты с внешним миром строго регламентировались. Почта проходила через комендатуру или канцелярию; письма проверялись, цензурировались и направлялись по административным каналам. «Политические» имели право писать «на волю» 3 раза в год. Прошения

²⁹ Однако к некоторым гарибальдийцам у каторжной администрации было особое отношение. Например, графу Л. Кароли генерал Н.П. Дитмар разрешил превышать установленный лимит на 50 руб. ежемесячно, узнав, что получаемые деньги тот делил между товарищами [9, с. 182].

о получении газет, книг и т.д. требовали одобрения нерчинского коменданта М.С. Шилова³⁰.

Ключевое значение для получения родными гарибальдийцев информации об их судьбах, доставления писем и денег имели существовавшие международные каналы связи между С.-Петербургом, Италией и Францией, ведущую роль в которых играли высокопоставленные сотрудники российского МИДа – товарищи министра иностранных дел Н.А. Муханов (1802–1871) в 1861–1866 гг. и в 1866–1875 гг. В.И. Вестман (1812–1875), а также итальянские³¹ и французские³² дипломаты.

О продуктивности и позитивной роли активной деятельности российского МИДа по рассматриваемому вопросу позволяют судить следующие события, нашедшие отражение в архивных материалах³³.

Важным эпизодом является дипломатическая переписка³⁴ в августе–декабре 1863 г. между Н.А. Мухановым и Дж.Н. Пеполи по обращению последнего с просьбами о доставлении ему сведений о состоянии здоровья итальянских пленных, маршруте этапирования их на каторгу и передачи писем. Ее результатом стало обращение Муханова в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее III отделение. – *И.С.*) к его управляющему в период с октября 1861 г. по июль 1864 г., начальнику штаба Корпуса жандармов генерал-майору А.Л. Потапову (1818–1886), по итогам которого он сообщил имеющиеся сведения Пеполи 2 декабря 1863 г.

К лету 1863 г. относится получение российским МИДом шести писем к Л. Кароли от его близких, которые было указано перевести и отослать вместе с оригиналами Потапову³⁵.

Следующие эпизоды относятся к судьбе Э. Андреоли. Переписка³⁶, касающаяся доставления ему писем от родителей и ответов на них, велась в период с декабря 1863 г. по осень 1866 г. по обращению Ланна,

³⁰ Когда Л. Кароли близко познакомился с Н.Г. Чернышевским, утвердившим в нем любовь и интерес к русской литературе, то изъявил желание получить (за свой счет) последние издания произведений Пушкина и Лермонтова [4, с. 143]. Его воля, к слову, была исполнена.

³¹ Чрезвычайные и полномочные послы Королевства Италия в России в 1863–1864 гг. маркиз Дж.Н. Пеполи (1825–1881) и в 1864–1867 гг. Э. де Лонэ (1820–1892).

³² Чрезвычайные и полномочные послы Франции в России в 1858–1864 гг. Л.Н. Ланн, герцог Монтебелло (1801–1874) и в 1864–1869 гг. барон Ш. де Талейран-Перигор (1821–1896).

³³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «секретные дела»). Оп. 306. 1863 г. Д. 19. По отношению Управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии о пересылаемых из Варшавы в Сибирь итальянцах, взятых в числе инсургентов в Царстве Польском.

³⁴ Там же. Л. 14–21 об.

³⁵ Там же. Л. 3–13 об.

³⁶ Там же. Л. 22–28, 31, 33, 37–39, 42–45, 67–71.

Талейран-Перигора и графа де Массиньяка³⁷. Летом 1863 г. родители Андреоли через Ланна³⁸ попросили сообщить сведения о сыне, от которого уже давно не было вестей. В ответ Муханов 10 (22) июля 1863 г. уведомил французского посла о вынесенном Андреоли приговоре³⁹.

9 (21) июня 1864 г. граф де Массиньяк обращается⁴⁰ к Муханову с просьбой от родителей Андреоли узнать, почему нет ответа от сына на письмо от ноября прошлого года. Уже 16 (28) июня Муханов информирует об этом главу III отделения и шефа Отдельного корпуса жандармов в 1856–1866 гг. князя В.А. Долгорукова (1804–1868) и 20 июня (2 июля) получает пространный ответ⁴¹ от А.Л. Потапова. Тот сообщал, что упомянутое письмо было оправлено тогда же «по принадлежности», а письма самого Андреоли не могли быть отправляемы, т.к. только 14 (26) мая 1864 г. было Высочайше разрешено политическим преступникам сообщать о себе раз в 3 месяца самым близким родным, но т.к. теперь такое разрешение имеется, то к ответу прилагается письмо Андреоли, которое III отделение просит передать «по принадлежности», и сверх того сообщить родителям Андреоли, что они могут адресовать впредь письма к сыну прямо в Иркутск, в Управление губернатора Восточной Сибири. В итоге, уже 23 июня (5 июля) Муханов пересылает извещение от Потапова и письмо Андреоли графу де Массиньяку⁴².

Путь к освобождению гарибальдийцев был сложным административным процессом, тесно переплетенным с внутренней российской политикой и европейской дипломатией. С того момента, как полевые суды вынесли суровые приговоры, иностранные дипломаты и семьи ссыльных начали непрерывные кампании с требованием амнистии.

Архивные материалы позволяют отметить основные вехи этого процесса. В 1864 г.⁴³ с просьбой о помиловании обращаются письменно

³⁷ Временный поверенный в делах Франции в Санкт-Петербурге.

³⁸ Нота Л.Н. Ланна от 28 июня (10 июля) 1863 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «секретные дела»). Оп. 306. 1863 г. Д. 19. По отношению Управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии о пересылаемых из Варшавы в Сибирь итальянцах, взятых в числе инсургентов в Царстве Польском. Л. 1–1 об.

³⁹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «секретные дела»). Оп. 306. 1863 г. Д. 19. По отношению Управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии о пересылаемых из Варшавы в Сибирь итальянцах, взятых в числе инсургентов в Царстве Польском. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Л. 25–25 об.

⁴¹ Там же. Л. 27–27 об.

⁴² Там же. Л. 28.

⁴³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 38. 1-я экспедиция. 1863 г. Д. 23. Ч. 226. О беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях: об итальянцах, отправленных из Царства Польского в Сибирь за участие в мятеже. Л. 65, 67, 69–70, 111.

в сентябре Барбара Меули (мать братьев Меули), а в октябре семья Кароли (брат Бернард и сестра Элиза, последняя в т.ч. на аудиенции во время пребывания Александра II в Ницце [9, с. 85]) и Фанни Джупони (жена А. Джупони), и, наконец, лично к Александру II в Лионе родители Андреоли. В 1865 г. они через барона Талейран-Перигора вновь просят об амнистии сына, а в начале 1866 г. об амнистии гарибальдийцам ходатайствовал российский посланник в Австрии граф Э.Г. фон Штакельберг (1814–1870)⁴⁴.

Вынести решение по данным обращения было Высочайше поручено наместнику Царства Польского графу Ф.Ф. Бергу, т.к. приговор был подтвержден в свое время в Царстве Польском. Во всех случаях в помиловании было отказано. В первом – потому что амнистия не могла касаться лишь некоторых из осужденных по одному делу⁴⁵, а во втором и третьем – потому что в отношении гарибальдийцев уже ранее было проявлено более чем значительное послабление (смертная казнь заменена ссылкой)⁴⁶.

Наконец, в конце февраля – начале марта 1866 г. III отделением, вице-канцлером А.М. Горчаковым, а затем императором был одобрен проект тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича (1828–1894) об устройстве быта политических ссыльных во вверенной ему губернии. Входящие в их число иностранцы (их было немного) выслались на родину с запретом въезда на территорию Российской империи «навсегда»⁴⁷.

Особый интерес представляет справка⁴⁸, составленная в связи с обращением 31 августа (12 сентября) 1866 г. от Министерства внутренних дел к начальнику III отделения, в котором дело Э. Андреоли сравнивается с аналогичным делом австрийского подданного А. Мидовича, получившим в итоге помилование, и особо отмечается, что «вина Андреоли не больше этого»⁴⁹.

⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 38. 1-я экспедиция. 1863 г. Д. 23. Ч. 226. О беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях: об итальянцах, отправленных из Царства Польского в Сибирь за участие в мятеже. Л. 112–112 об.

⁴⁵ Там же. Л. 112.

⁴⁶ Там же. Л. 113.

⁴⁷ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «Секретный стол»). Оп. 241. 1866 г. Д. 10. По отношению министра внутренних дел о находящихся в Сибири политических ссыльных иностранцах. Л. 1–2.

⁴⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии). Оп. 38. 1-я экспедиция. 1863 г. Д. 23. Ч. 226. О беспорядках в Царстве Польском и в западных губерниях: об итальянцах, отправленных из Царства Польского в Сибирь за участие в мятеже. Л. 111–114.

⁴⁹ Там же. Л. 113 об. – 114.

Процесс помилования гарибальдийцев был ускорен после манифестов 16 (28) апреля и 28 октября (9 ноября) 1866 г. (изданным вслед за неудачным покушением Д. Каракозова на Александра II 4 (16) апреля 1866 г.). Срок каторжных работ был сокращен⁵⁰ сначала вполнину для Л. и Дж. Меули, Дж. Клеричи, А. Джуони, А. Венансио, а затем остальное время еще на четверть. Для Ф. Арканжелли также предписывалось сократить срок работ вполнину, а затем остальное время на одну треть, а после выдворение на казенные земли Енисейской губернии. Э. Андреоли же высылался на родину. В декабре 1866 г. помилованы А. Бенди, Ш. Ришар⁵¹.

Процесс освобождения и реализации принятых постановлений растянулся на значительное время. Сначала гарибальдийцы переводились в разряд «испытуемых», затем «исправляющихся» [1, с. 46–47], серьезную задержку планам каторжной администрации доставило восстание польских ссыльных на Кругобайкальском тракте 24 июня – 25 июля 1866 г. Оставались также нерешенные вопросы с документами возвращающихся ссыльных, обеспечение транспортом и пр.

Подводя итог, отметим, что рассмотрение участия гарибальдийских добровольцев в Январском восстании 1863–1864 гг. в Царстве Польском требует учета нескольких взаимосвязанных факторов: внутривосточных процессов в Италии, связанных с событиями при Аспромонте 1862 г.; тесных связей движения Рисорджименто и польского национального движения; и более широкого феномена международной революционной националистической солидарности XIX в.

Историю Легиона полковника Ф. Нулло и дальнейшую судьбу его членов следует рассматривать в контексте участия волонтеров в революциях XIX в. Она показывает особенности функционирования российской судебной и пенитенциарной системы в условиях принятия правительством Александра II чрезвычайных мер по борьбе с польским восстанием 1863–1864 гг. на фоне давления европейских держав и необходимости решения сложного юридического и дипломатического вопроса внешнеполитическими ведомствами Российской империи, Италии и Франции.

⁵⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 155 (Департамент внутренних сношений I – 4 «секретные дела»). Оп. 306. 1863 г. Д. 19. По отношению Управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии о пересылаемых из Варшавы в Сибирь итальянцах, взятых в числе инсургентов в Царстве Польском. Л. 54–57 об.

⁵¹ Там же. Л. 63.

Библиографический список / References

1. Гулин А.С. Гарибальдийцы в Январском польском восстании и на Нерчинской каторге 1863–1867 // Андреоли Э. Из Польши в Сибирь: дневник пленного, 1863–1867 / пер. с фр., вступ. ст., примеч. А.С. Гулина. Чита, 2011. С. 9–67. [Gulin A.S. Garibaldians in the Polish January Uprising and in the Nerchinsk penal servitude of 1863–1867. *Andreoli E. Iz Polshi v Sibir: dnevniki plennogo, 1863–1867*. A.S. Gulin (trans. from French, intro. article, notes). Chita, 2011. Pp. 9–67. (In Rus.)]
2. Кубалов Б.Г. Гарибальдийцы и поляки-повстанцы в Тарбагатае // Ученые записки Географического Общества СССР. Вост.-Сиб. отд. обл. музея краеведения. Вып. 4. Ч. 1. Вопросы истории Сибири. Иркутск, 1971. С. 98–101. [Kubalov B.G. Garibaldians and Polish insurgents in Tarbagatai. *Uch. zapiski Geograficheskogo Obshchestva SSSR. Vost.-Sib. otd. obl. muzeia kraevedeniia*. Issue 4. Part 1 (Questions of the History of Siberia). Irkutsk, 1971. Pp. 98–101. (In Rus.)]
3. Кубалов Б.Г. Из сибирских встреч Н.Г. Чернышевского // Исторический архив. 1963. № 3. С. 283–284. [Kubalov B.G. From Siberian encounters with N.G. Chernyshevsky. *Historical Archive*. 1961. No. 3. Pp. 283–284. (In Rus.)]
4. Кубалов Б.Г. Н.Г. Чернышевский, М.Л. Михайлов и гарибальдийцы на кадаинской каторге // Сибирские огни. 1959. № 6. С. 139–144. [Kubalov B.G. N.G. Chernyshevsky, M.L. Mikhailov and the Garibaldians at the Kadayinsk Katorga. *Sibirskiye Ogni*. 1959. No. 6. Pp. 139–144. (In Rus.)]
5. Кубалов Б.Г. Страницы из жизни гарибальдийцев в Петровском заводе // Свет над Байкалом. 1960. № 4. С. 139–141. [Kubalov B.G. Pages from the life of the Garibaldians at Petrovsky Zavod. *Svet nad Baikalom*. 1960. No. 4. Pp. 139–141. (In Rus.)]
6. Роберти А. Луиджи Кароли и итальянские гарибальдийцы в Сибири и их взаимоотношения с Николаем Гавриловичем Чернышевским // Н.Г. Чернышевский: статьи, исследования и материалы. 2018. Вып. 21. С. 180–186. [Roberti A. Luigi Caroli and the Italian Garibaldians in Siberia and their relations with Nikolai Gavrilovich Chernyshevsky. *N.G. Chernyshevskiy: stati, issledovaniya i materialy*. 2018. No. 21. Pp. 180–186. (In Rus.)]
7. Фёдорова И.В. Сибирская реформа М.М. Сперанского и регламентация ссылки // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 46–53. [Fedorova I.V. M.M. Speransky's Siberian Reform and the regulation of exile. *Voprosy rossiiskoi iustitsii*. 2019. No. 4. Pp. 46–53. (In Rus.)]
8. Шрейдер Г.И. Италия и Польша в 1863 г. // Голос минувшего. 1915. № 4. С. 249–263. [Shreider G.I. Italy and Poland in 1863. *Golos Minuvshego*. 1915. No. 4. Pp. 249–263. (In Rus.)]
9. Ferlej-Bielañska K. Nullo i jego towarzysze. Warszawa, 1923.
10. Gardner M. An Italian Tragedy in Siberia. *The Sewanee Review*. 1926. Vol. 34. No. 3. Pp. 329–338.
11. Locatelli G.M. I Bergamaschi in Polonia nel 1863, ricordi della spedizione di Francesco Nullo, narrati da un superstite (cap. Paolo Mazzoleni) e raccolti da G. Locatelli. Bergamo, 1893.
12. Locatelli G.M. I Bergamaschi in Siberia 1863–1867. Ricordi di un volontario di Nullo, deportato nel Trans-Bajkal raccolti de G. Locatelli. Bergamo, 1894.

13. Locatelli G.M. La spedizione di Francesco Nullo in Polonia (1863). Con prefazione di Stefan Żeromski. Rome, 1913.
14. Locatelli G.M. Nella Siberia orrenda. Faville di italico eroismo sulle steppe e nelle galere siberiane. Narrazione di Alessandro Venanzio, compagno di Nullo nella spedizione in Polonia del 1863. Milano, 1933.
15. Ostrowski A. Francesco Nullo, bohater Polski i Włoch. Warszawa, 1970.
16. Zanchi A. Il dramma di Luigi Caroli. Pagine inedite di dolore e d'amore di forzati in Siberia per l'indipendenza della Polonia (1863–1866). Bergamo, 1936.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025, принята к публикации 22.12.2025
The article was received on 05.11.2025, accepted for publication 22.12.2025

Сведения об авторе / About the author

Соловьёв Иван Сергеевич – аспирант кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Ivan S. Solovyov – PhD student at the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ivan-solovyov22@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-58-77

УДК 94(47).083

Е.Е. ЮдинМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Графы Шереметевы и их лесные владения в 1890–1914 гг.

На основе изучения архивных источников в статье рассматривается проблема организации лесного хозяйства во владениях крупнейших земельных собственников Российской империи в период 1890–1914 гг. Материалы по имениям графов Шереметевых дают необходимую информацию с точки зрения анализа структуры и способов ведения лесного хозяйства, его доходности и экономической эффективности в условиях капиталистической экономики в ее индустриальной стадии. В отличие от утвердившихся в историографии представлений о «хищническом» отношении российских помещиков к своим лесным владениям после аграрной реформы 1861 г. источники более позднего времени показывают совершенно другую экономическую стратегию крупнейших землевладельцев. В течение всего периода 1890–1914 гг. богатейшие российские аристократы демонстрировали вполне прагматический подход к организации лесного хозяйства, основанный на понимании необходимости его рационализации, в том числе в плане не только повышения доходности, но и сохранения и качественного улучшения лесных насаждений.

Ключевые слова: графы Шереметевы, помещичье землевладение, лесное хозяйство в крупных имениях, рациональное лесоводство в Российской империи

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Юдин Е.Е. Графы Шереметевы и их лесные владения в 1890–1914 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 58–77. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-58-77

© Юдин Е.Е., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-58-77

E.E. YudinMoscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The Sheremetev Counts and their forest holdings in 1890–1914

Based on the study of archival sources, the article examines the problem of the organization of forestry in the holdings of the largest landowners of the Russian Empire in the period 1890–1914. Materials on the estates of the Sheremetev counts provide the necessary information in terms of analyzing the structure and methods of forestry, its profitability and economic efficiency in a capitalist economy in its industrial stage. In contrast to the ideas established in historiography about the “predatory” attitude of Russian landlords towards their forest holdings after the agrarian reform of 1861, later sources show a completely different economic strategy of the largest landowners. Throughout the period 1890–1914, the richest Russian aristocrats demonstrated a completely pragmatic approach to the organization of forestry, based on an understanding of the need for its rationalization, including in terms of not only increasing profitability, but also preserving and improving the quality of forest plantations.

Key words: Sheremetev Counts, landownership, forestry on large estates, rational forestry in the Russian Empire

CITATION: Yudin E.E. The Sheremetev Counts and their forest holdings in 1890–1914. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 58–77. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-58-77

Реформа по отмене крепостного права, осуществленная в России в 1861 г., нанесла серьезный удар по дворянскому землевладению: почти половина земельной собственности (в основном пахотные земли) была передана на условиях выкупной сделки крестьянским общинам. В то же время практически в полном объеме помещики сохранили свои лесные владения, которые с вступлением российской экономики в стадию индустриального капитализма стали представлять особую ценность.

В период 1890–1914 гг. как никогда ранее стоимость лесных массивов росла опережающими темпами, что незамедлительно отразилось на экономической стратегии крупных землевладельцев. В материалах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902), опиравшихся на выводы местных комитетов в 49 губерниях европейской России, констатировалось, что во многих местностях средней и южной полосы «выгодность лесного хозяйства обуславливается недостатком леса и, как следствие, высокими ценами на лесные материалы»¹. Строительство железных дорог стимулировало коммерческое освоение лесных территорий не только из-за устойчивого роста цен на продукцию лесного хозяйства, но и вследствие открывавшегося доступа на рынки сбыта отдаленных до сих пор районов. Эта экономическая конъюнктура побуждала крупных землевладельцев к перестройке своих лесных хозяйственных комплексов на более рациональной основе. В этом отношении богатейшие российские аристократы следовали успешному примеру титулованных землевладельцев Германии (особенно западного и южнонемецкого дворянства) [7, с. 128–135] и Австро-Венгрии². А.П. Энгельгардт, товарищ министра земледелия и государственных имуществ, отмечал в своем исследовании, что в Германии и в особенности в Австро-Венгрии сохранены обширные леса, принадлежавшие бывшим владетельным князьям и причисленные к майоратным владениям, в которых ведется правильное лесное хозяйство и лес сохраняется в целом³.

Состояние лесов, находившихся в руках крупных российских земельных собственников, в период 1890–1914 гг. вызывала разные оценки и у современников, и у историков. Все дискуссии велись вокруг следующего вопроса: способствовало ли частное владение лесами их сохранению и улучшению, или, наоборот, приводило к их уничтожению и обеднению? В исследованиях советского времени, как правило, развивались положения, восходящие к известному высказыванию К. Маркса, что в условиях капитализма «развитие культуры и промышленности... сопровождалось настолько энергичным уничтожением лесов, что по сравнению с этим все, что было сделано ими для поддержания и насаждения новых посадок леса, представляет собой совершенно ничтожную величину»⁴. Подобный подход был характерен, в частности,

¹ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Лесное хозяйство / сост. Д.С. Шилкин. СПб., 1904 г. С. 1–3.

² Фаас В.В., Рогер Ю.А. Леса и лесная торговля Австро-Венгрии. Отчет по заграничной командировке. Пг., 1915. С. 1–3.

³ Энгельгардт А.П. О лесном хозяйстве в Европейской России. СПб., 1904. С. 53.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. 2-е изд. Т. 24. С. 275.

для работ А.М. Анфимова, который в духе марксистских постулатов доказывал крайний вред частной земельной собственности для развития народного хозяйства. Особенно большую роль, отмечал советский историк, сыграли русские леса для поддержания помещичьего хозяйства в тяжелые для него годы сельскохозяйственного кризиса, поразившего Россию вслед за Западной Европой в 1880-е гг. и продолжавшегося до середины 1890-х гг. Согласно его выводам, практика ведения частновладельческого лесного хозяйства не оставляла никакого сомнения в том, что в самом непродолжительном времени были бы истреблены все ценнейшие леса в Европейской России [1, с. 258].

В более современных исследованиях также можно обнаружить достаточно скептический взгляд в отношении способности российских крупных землевладельцев вести лесосберегающее хозяйство [7, с. 134–135]. Так, анализируя материалы лесоводческого съезда 1917 г., С. Брэнн констатирует, что лишь незначительное меньшинство делегатов готово было утверждать, что вмешательство российского государства всегда заканчивается беспорядком и что только частные землевладельцы, движимые финансовыми стимулами, могут относиться ответственно к управлению лесами. Мнение «угасающей русской аристократии», по его словам, имело мало веса, поскольку большинство голосов в периодической печати и на конференциях, казалось, соглашались с тем, что свободный рынок не способствует сохранению лесов и что государство должно принять решительные меры в этой сфере [8, с. 21]. Д. Бовуа в своей работе отмечает, что постепенная распродажа огромных лесных богатств польскими магнатами на Правобережной Украине (как и в Белоруссии и Литве) в течение десятков лет после отмены крепостного права была самым простым средством получать денежные средства в условиях, когда практически полностью отсутствовал банковский кредит. Особенно жестокое уничтожение лесов велось до 1890 г., до тех пор, пока на сахарные и винокурные заводы крупных помещиков не начал поступать уголь из Донбасса [3, с. 873].

Действительно, материалы хозяйственных комплексов крупнейших землевладельцев Российской империи показывают постоянный и прогрессирующий рост в 1880–1914 гг. доходов от лесного хозяйства в имениях. Так, например, доходы лесного хозяйства графа С.А. Строганова в его обширных уральских владениях росли стремительными темпами. Они равнялись в 1903 г. 77,2 тыс. руб., в 1904 г. – 160,7 тыс. руб., в 1906 г. – 296,8 тыс. руб., а в 1910 г. – 599,5 тыс. руб. [1, с. 256]. Прибыль от продажи леса в пермских владениях князя С.С. Абамелек-Лазарева в конце 1880-х гг. находилась в пределах 150–160 тыс. руб. В 1910–1911 гг. она уже определялась в 360–430 тыс. руб. [4, с. 491]. В начале 1870-х гг.

доходы от продажи леса в Юринском имении Шереметевых (Нижегородская губ.) были в пределах 40–55 тыс. руб. В 1908–1913 гг. чистая прибыль за 1908–1913 гг. от продажи леса в Юринском имении составила уже 208 897 руб. [6, с. 42].

Огромные прибыли извлекали графы Бобринские из лесного хозяйства своего Смелянского имения в Киевской губ. (общая площадь лесов в имении в 1912 г. составляла 15 606 десятин). За 1880–1914 гг. денежные поступления от продажи леса здесь также выросли примерно на 20% (табл. 1).

Таблица 1

**Чистая прибыль по лесному хозяйству
Смелянского имения графов Бобринских (руб.)**

1880–1881 гг.	125 388	1905–1906 гг.	153 912
1891–1892 гг.	132 813	1907–1908 гг.	168 594
1895–1896 гг.	127 159	1909–1910 гг.	173 975
1900–1901 гг.	147 274	1911–1912 гг.	145 543

Данные приведены по: Смела. Краткое статистико-экономическое описание имений и заводов графов Льва Алексеевича, Алексея, Андрея и Георгия Александровичей Бобринских в Киевской губернии для Всероссийской выставки 1913 года в Киеве. Киев, 1913. С. 92.

Однако этот экспонентный рост прибылей от продажи леса в имениях крупнейших российских землевладельцев в 1890–1914 гг. невозможно объяснить массовыми, так называемыми «хищническими» рубками. Во всех этих имениях наблюдалась серьезная реорганизация всей системы лесного хозяйства. В ее основу легли меры по таксации лесной площади, увеличению срока рубки и искусственному лесовозобновлению. Крупные землевладельцы постепенно отказывались от практики сдачи лесных площадей в аренду с правом вырубки и переходили к организации их экономической эксплуатации. Именно коммерциализация этой сферы хозяйства во владениях крупнейших российских землевладельцев приводила к более интенсивному и основанному на научных достижениях лесоводству, которое позволило существенно повысить производство древесины без ущерба для лесов. Это стало общей стратегией, которая осуществлялась на всех территориях, где располагались крупные имения. Особое значение это приобретало в Центрально-Черноземных губерниях, где крестьяне практически свели все свои леса и существовал огромный спрос на продукцию лесного хозяйства.

Огромное внимание в 1890–1914 гг. уделяли развитию лесного хозяйства в своих владениях такие крупные землевладельцы, как графы А.Д. и С.Д. Шереметевы. В этом отношении источники, отложившиеся в их личных архивных фондах, представляют особый интерес. Они позволяют детально рассмотреть те изменения, которые в этот период произошли в организации лесного хозяйства в их крупных имениях, оценить динамику доходов и рентабельность.

Общий капитал графа С.Д. Шереметева в виде сельскохозяйственных имений, городской недвижимости и ценных бумаг составлял 13,4 млн руб. При этом его лесные владения оценивались в 2,1 млн руб. (больше, чем, например, городская недвижимость (1,6 млн руб.) и ценные бумаги (1 млн руб.)⁵). В период 1880–1914 гг. в имениях графа С.Д. Шереметева денежные поступления от лесного хозяйства росли по восходящей, что было отмечено еще А.М. Анфимовым. Так, доходы по продаже леса по Баландинской даче составляли в 1888 г. 5 тыс. руб., а в 1909 г. – 20 141 руб.; по Ивановской вотчине доход с 1888 г. по 1909 г. вырос с 18 200 руб. до 112 034 руб.; по Михайловской даче в Курской губ. – с 4 тыс. руб. до 19,3 тыс. руб.; по Прудской вотчине в Тульской губ. – с 800 руб. до 11 843 руб. В целом же чистый доход от продажи и разработки леса в имениях графа С.Д. Шереметева в 1909 г. составил 250 тыс. руб. [2, с. 244–246]. Согласно бюджетным статьям на 1913 г., общие денежные поступления от его 20 вотчинных имений определялись в 574 469 руб.⁶ Таким образом, примерно 40–50% всей прибыли от земельных владений этого титулованного аристократа накануне 1914 г. давало именно лесное хозяйство.

Как отмечает А.С. Грузинов, специально изучавший бюджетные сметы хозяйственного комплекса графа С.Д. Шереметева, работы по таксации лесных массивов в имениях к 1910 г. были близки к завершению. По сметам на 1910 г. в 18 имениях (из 19) фиксируются прибыли от продажи леса, в том числе в 17 осуществлялись работы по искусственному лесовозобновлению, и минимум в 14 велись заготовки лесоматериалов экономическим способом. Шереметевы содержали внушительный штат лесничих, в том числе на 1896 г. – 16 специалистов с высшим образованием, более двух десятков лесничих были иностранцами по происхождению. По мнению А.С. Грузинова, проявление деловой активности и привлечение «в предприятие» собственных капиталов свидетельствовало о предпринимательском характере шереметевского лесного хозяйства [5, с. 259].

⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 1. Ед. хр. 5923. Л. 22 об. – 23.

⁶ Там же. Л. 6.

Серьезная реорганизация лесного хозяйства в имениях графа С.Д. Шереметева началась уже в начале 1880-х гг. и в основном была завершена к концу 1890-х гг. Так, в 1886 г. при содействии Петербургского лесного общества было устроено правильное лесное хозяйство в Борисовской даче (3268 дес.) Шереметевых в Грайворонском уезде Курской губ.⁷ В эти же годы лесное хозяйство было реорганизовано и в Ново-Пебальдской вотчине Шереметевых в Венденском уезде Лифляндской губ.⁸ В 1896 г. на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде лесное хозяйство графа С.Д. Шереметева было удостоено золотой медали. К этому времени таксационные планы были составлены на 58,7% лесов Шереметева (в том числе 63% по сложным методам лесоустройства), а в процессе устройства находилось еще 37% лесов [5, с. 254]. В 1897 г. владелец имел основания направить прошение следующего содержания в Московско-Тверское управление министерства государственных имуществ: «В подмосковных моих имениях Московского, Подольского, Бронницкого, Коломенского, Волоколамского, Звенигородского и Клинского уездов Московской губ. и Корчевского уезда Тверской губ. с 1880 по 1897 г. включительно производится искусственное лесовозобновление и лесоразведение, причем всего разведено леса 1820 дес. 729 саженей. Желая воспользоваться правом на получение премии и награды, согласно приложения к ст. 721-й примеч. 3-го Лесного Устава по продолжению 1895 г., честь имею покорнейше просить Управление сделать распоряжение о командировании лица для осмотра в означенных моих имениях искусственно произведенных лесовозобновлений и лесоразведений»⁹.

В августе 1905 г. управляющий Михайловским имением доносил графу С.Д. Шереметеву, что ходатайство перед Курским лесоохранительным комитетом от 12 июля 1903 г. о присуждении премии за искусственное лесоразведение в Михайловской вотчине на площади в 203,33 дес. было удовлетворено. В частности, в ходе лесокультурных работ в Михайловском и Алексеевском имениях серьезное внимание уделялось укреплению и защите от промывания оврагов, пересадке деревьев различных пород, устройству плетней и фашинных сооружений¹⁰.

Второй этап – на более совершенном уровне – рационализации лесного хозяйства во владениях графа С.Д. Шереметева пришелся

⁷ Пономарев Н.В. Современное состояние государственного, общественного и частного лесного хозяйства в России. СПб., 1901. С. 327.

⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 1. Ед. хр. 5982. Л. 116.

⁹ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 854. Л. 4.

¹⁰ Там же. Оп. 7. Ед. хр. 51. Л. 47.

на предвоенный период (1908–1914). Крупнейшим лесным владением Шереметева была Иваново-Вознесенская вотчина, которая находилась во Владимирской губ. (Шуйский и Ковровский уезды). Общая ее площадь составляла 10 061 дес., в том числе лесной площади – 9194 дес. Вотчина не представляла собой одного сплошного массива, а состояла из 57 урочищ и была вытянута с севера на юг на 45 верст. Фабричный город Иваново-Вознесенск делил это владение на две неравные части. Границы вотчины были четко размежеваны и от крестьянских владений отграничены канавами. Рыночная конъюнктура для этой вотчины Шереметевых была крайне выгодна за счет близости к такому промышленному центру, как Иваново-Вознесенск, а также к фабричному селу Кохма и большому количеству сел и деревень. Удобное географическое положение несколько портило плохие коммуникации (неприспособленность местных дорог и лесных просек к лесоперевозкам). Поэтому лес вывозился зимой по санному пути. По отчетам за 1909 г. следовало, что продукты лесной дачи шли по преимуществу на местной рынок. Основными потребителями были местные крестьяне, фабриканты из Кохмы и городские лесопромышленники. Любопытно, что шереметевское владение практически не имело конкурентов на местном рынке, т.к. леса местных фабрикантов не удовлетворяли всех их потребностей, а крестьянские леса были практически все вырублены¹¹. Кроме лесного хозяйства, Ивановская вотчина приносила доход за счет арендной платы за усадебные места, за торговые помещения, а также за счет водяной мельницы и кирпичного завода¹².

Шереметевы достаточно поздно обратились к современной рациональной организации лесного хозяйства в своей Ивановской вотчине. В течение всего пореформенного периода 1860–1880-х гг. хозяйство не имело никакой планомерной организации или велось по упрощенному плану, составленному приглашенным казенным лесничим. Именно к этому времени применим вывод о малоэффективном «хищническом» использовании лесных владений. Как отмечалось в отчете по реорганизации лесного хозяйства в этом имении в 1909 г., лес рубился без всякого порядка, «гнались исключительно за денежной выгодой»¹³. Однако в 1899 г. под руководством управляющего Обрехта было произведено правильное лесоустройство Ивановской дачи. За основу была принята хозяйственная часть с двумя формами хозяйства – высокоствольным

¹¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 6. Ед. хр. 523. Л. 1–3 об.

¹² Там же. Л. 14 об. – 15.

¹³ Там же. Л. 17.

и низкоствольным.оборот рубки первого был установлен в 80 лет, второго – в 40 лет¹⁴.

Во время реорганизации лесного хозяйства Ивановской вотчины в 1909 г. были выявлены серьезные дефекты в предшествующей системе лесоустройства. В первую очередь стало ясно, что естественное возобновление вырубленных пород шло неудовлетворительно. Из 1290 дес. хвойных пород, вырубленных в предшествующем ревизионном периоде (1899–1909), 855 дес. возобновились лиственными, а 364 дес. совсем не возобновились. Несмотря на утверждение плана хозяйства в 1899 г., «хищничество» сократилось, но не исчезло полностью. Рубки велись беспорядочно, и по-прежнему продолжали вырубаться более близкие к рынку участки. По мнению лиц, ответственных за ревизию лесного хозяйства в Ивановской вотчине в 1909 г., лесоустроитель совершил три существенные ошибки: гонясь за большим доходом в настоящем, назначил в рубку все кварталы, ближайшие к рынку; позволил отвести в рубку на десятилетие верстовые кварталы, из-за чего лесничий вынужден был закладывать широкие лесосеки, от 70 до 100 саженей в лиственных и от 50 до 70 саженей в хвойных, а срок примыкания определил в 1 год в лиственных и хвойных насаждениях, что «совершенно недопустимо в лесоводстве»; отвел в рубку несколько кварталов, непосредственно примыкающих друг к другу. Также отмечалось, что значительная доля вины в неуспешности возобновления вырубок лежало на практикующем способе хозяйственных заготовок¹⁵.

В 1909 г. под руководством ученого лесоведа И. Кириченко и главного лесничего Л. Рейхардта был составлен новый план ведения лесного хозяйства в Ивановской вотчине, что отражало стремление владельца добиться большей экономической эффективности и увеличить денежные поступления. Инновация заключались в следующем. Во-первых, предполагалось особое предпочтение сделать возобновлению сосновых насаждений (сосна обладала лучшим приростом, наибольшей устойчивостью и долговечностью) за счет сокращения доли других хвойных пород, а также лиственных насаждений. Во-вторых, предполагалось, сохранив две принятые ранее формы хозяйства – высокоствольное и низкоствольное как вполне рациональное, сделать некоторые дополнения. В частности, вся площадь вотчины по расстоянию от рынка разделена была на 3 района, соответствующих разрядам казенных лесничеств. В-третьих, абсолютно недопустимым признавался принятый

¹⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 6. Ед. хр. 523. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 17–17 об.

оборот рубки в 80 и 40 лет. Данные, полученные в результате исследования насаждений на 87 пробных площадях и обработанные согласно требованию казенной лесоустроительной инструкции 1908 г., говорили, что для березы и осины необходимо было повысить оборот до 50 лет, а для сосны его следовало повысить на 10 или 20 лет (от 80). В следующее десятилетие (1909–1919 гг.) нормальные годовые лесосеки определялись в хвойном хозяйстве в 66,6 дес., в лиственном – в 83,44 дес. (или 1,63% от всей лесной площади в год). Всего же было предложено к вырубке 700 дес. При этом отмечалось, что большинство насаждений, отнесенных к спелым, находится только в начале IV класса, в возрасте 62–70 лет, и что «дальнейшее оставление которых на корню не только экономически выгодно для хозяйства, но и необходимо для накопления в даче более старых насаждений, которых здесь очень мало»¹⁶. Более рационально устраивались сами рубки. Принимались во внимание все условия, способствующие естественному возобновлению лесосек. Площадь в 1055 дес. требовала дополнительных культур в помощь естественному возобновлению, а 364,87 дес. – полных культур. Расширялся штат постоянных лесных рабочих, и вводилась должность особого помощника лесничего¹⁷.

К 1914 г. организованное лесное хозяйство велось в Серебряно-Прудском имении Шереметевых в Тульской губ. В 1913 г. был составлен отчет о ревизии в этом хозяйстве. Лесничество общей площадью 1762 дес., состоящее из 6 дач, располагалось в Веневском уезде в 20–30 верстах от г. Венева. Сравнительно небольшая площадь лесничества (13% от общей площади Серебряно-Прудской вотчины) играло служебную роль по отношению к сельскому хозяйству имения. Тем не менее доля экономии в потреблении лесных материалов дачи стремительно росла в предвоенные годы (1908 г. – 25%, 1909 г. – 30%, 1910 г. – 30%, 1911 г. – 40%, 1912 г. – 80%). В то же время невысокая лесистость района и относительная густота населения с недостаточностью лесных наделов у крестьян, как отмечалось в отчете, создавали выгодную рыночную конъюнктуру в случае повышения объемов продукции лесничества¹⁸.

И в данном случае владельцы были крайне заинтересованы в увеличении эффективности лесного хозяйства, что и предопределило проведение ревизии и улучшение методов эксплуатации. Согласно данным

¹⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 6. Ед. хр. 523. Л. 18.

¹⁷ Там же. Л. 18–24.

¹⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 212. Л. 1–2.

на 1913 г., из общей площади хозяйства на лесную площадь приходилось 1607 дес. (91,2%), на угодья – 148 дес., на неудобные земли – 6,9. Из лесной площади (1607 дес.) были покрыты лесом 1356, не покрыты – 144,4 дес., редины занимали 39, а необлесившиеся лесосеки – 66 дес. Почти 71% лесной площади занимали лиственные породы: дуб – 321,6 дес., ясень – 9,1, осина – 626,5, липа – 97, береза – 75,5 дес. Под хвойными деревьями находилось 227 дес.¹⁹

Впервые лесоустройство дачи было произведено в 1900 г. Общая площадь тогда составляла 1978 дес., под лесом было 1265, под угодьями – 708, под неудобными землями – 4,6 дес. К 1913 г. общая площадь лесничества уменьшилась на 216 дес. Это объяснялось переходом значительной части угодий в ведение сельскохозяйственной экономики, назначением части дачи к раскорчевке и переход ее также под сельское хозяйство (за 1914–1924 гг. – 63,9 дес.), продажей обществу крестьян части Дубинского леса (70 дес.). Лесная площадь за 1900–1913 гг., напротив, увеличилась с 1265 до 1607 дес. (на 341 дес.). Эти данные весьма показательны с точки зрения методов ведения лесного хозяйства Шереметевыми. Никакого «хищнического» сведения лесов, разумеется, не наблюдалось. Другой вопрос, что менялось качество лесных насаждений. Лесостроительный отчет 1900 г. отмечал, что прежде велись то выборочные рубки, поставленные на наиболее ценные породы, то сплошные. В 1900 г. при новой организации хозяйства оборот рубки был принят: для твердых лиственных пород – 80 лет, для мягких – 40 лет. В отчете ревизии за 1913 г. указывалось, что данная система не очень удовлетворительна, поскольку эти величины оборота рубки устанавливались произвольно, и в следующую ревизию 1924 г. они должны быть пересмотрены, особенно в категории дубовых насаждений²⁰.

За период с 1897 по 1914 г. общая площадь вырубки леса в Серебряно-Прудской вотчине Шереметевых определялась в 401 дес. При этом площадь вырубки дуба составила 77,1 дес., а площадь вырубки осины – 324,2. В первом случае возобновилось 22,3 дес. лесной площади (54,8 не возобновилось). Во втором случае возобновилось 305,6 дес. (не возобновилось всего лишь 18,5). Как следствие, в отчете ревизии 1913 г. особо подчеркивалось, что «одной из главнейших забот местного хозяина и должно было явиться принятие мер возобновления дубовых насаждений»²¹.

¹⁹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 212. Л. 8, 10 об. – 11.

²⁰ Там же. Л. 19–21.

²¹ Там же. Л. 26.

На самом деле подобные меры принимались и ранее. В 1900 г. площадь непокрытых лесом почв в Серебряно-Прудском лесничестве составляла 20,8% от общей площади. В результате культурных посадок с 1888 по 1913 г. лесные насаждения были возобновлены на площади в 245 дес. (в том числе 77,3 дес. дуба и 124 – сосны)²². Общий план лесного хозяйства Серебряно-Прудской вотчины, принятый в 1913 г., предусматривал сохранение двух основных пород – дуба и осины – с оборотом рубки в 80 и 40 лет; сохранение сплошной рубки, но с обязательным возобновлением дубовых пород. На период с 1914 по 1924 г. отводилось для рубки всего 203 дес. Предполагалось активно перейти к искусственному возобновлению пород. Чистый доход за 1914–1924 гг. определялся в 92 174 руб., т.е. по 9,2 тыс. руб. в год., при самых неблагоприятных обстоятельствах. Максимально чистый доход рассчитывался в 15 тыс. руб. в год²³.

Налицо была лесосберегающая стратегия развития хозяйства в Серебряно-Прудской вотчине при сохранении стабильного уровня денежных поступлений от продажи леса. Ежегодная площадь вырубок в 1897–1914 гг. варьировалась в пределах 1–2% от всей лесной площади, лишь в 1905–1906 гг. поднявшись до 3,39% (табл. 2).

Графу С.Д. Шереметеву принадлежала также Волочановская лесная дача, располагавшаяся в Волоколамском уезде Московской губ. Ближайшая к этому владению железнодорожная станция (Князьи Горы) Московско-Виндавской железной дороги находилась в 8–10 верстах, до г. Волоколамска насчитывалось 45 верст, а до Москвы – 162 версты. На большом протяжении к границам дачи прилегали пахотные земли крестьян и лесные земли частных владельцев. В основном потребителями лесных материалов из хозяйства Шереметевых были местные крестьяне. Отдаленным рынком сбыта была Москва.

В 1912 г. владельцы здесь также провели ревизию данного лесного хозяйства. Уже в начале составленного для графа С.Д. Шереметева отчета указывалось, что все лесные материалы сбываются полностью и «в будущем надо рассчитывать на полный сбыт и на повышение цен, т.к. лесные дачи, конкурирующие в настоящее время с Волочановской (например, гг. Крылова, Филатова и др.), скоро будут вырублены»²⁴.

²² Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 212. Л. 26–26 об.

²³ Там же. Л. 30–36.

²⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 154. Л. 2–2 об.

**Вырубка леса в 1897–1914 гг.
в Серебряно-Прудской экономике Шереметевых**

Год	Общая площадь вырубки, дес.	Чистый доход, руб.
1897/1898	11,2	–
1898/1899	24,2	–
1899/1900	26,2	–
1900/1901	28,8	–
1901/1902	19,7	–
1902/1903	26,0	19 969
1903/1904	19,1	36 513
1904/1905	32,2	8 799
1905/1906	54,4	31 178
1906/1907	21,0	15 475
1907/1908	19,1	12 464
1908/1909	21,7	17 900
1909/1910	22,3	18 590
1910/1911	22,6	16 016
1911/1912	18,2	15 203
1912/1913	14,8	11 190
1913/1914	19,2	13 702

Данные приведены по: Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 212. Л. 23 об.

Из общей площади дачи в 2251 дес. под лесом находилось 2111 (140 дес. занимали угодья и неудобные земли). При этом покрыто лесом было 1641 дес., редин было 254 дес., новообновившиеся лесосеки занимали 154 дес., посеки и дороги – 62. Из пород деревьев большая часть приходилась на березу и осину (1081 дес., 66%). Остальные

виды были представлены елью (368 дес., 22%) и сосной (192 дес., 12%). Насаждения Волочановской дачи группировались в двух хозяйствах – хвойном и лиственном. Размер главной ежегодной рубки был принят в 3 дес. по первому хозяйству и 30 – по второму (или 1,56% от всей лесной площади в год). Это соответствовало примерно оборотам рубки в 80 и 40 лет. Фактически же лиственные насаждения вырубались в возрасте 60–75 лет.

В отчете отмечалось, что к хозяйству лиственных пород были отнесены во многих случаях участки, имевшие господство хвойных пород, что при большой площади ежегодной главной рубки значительно повышало доходность дачи. В последнее время в даче применялись «сплошнолесосечные» рубки без принятия определенной величины лесосеки, срока примыкания и порядка рубки. В результате почти вся площадь вырубленных за последнее десятилетие лесосек возобновилась неуспешно и притом почти одними второстепенными породами. Именно неудовлетворительность естественного возобновления в Волочановской даче потребовала перейти к искусственному. Всего таким образом было засеяно 107 дес. Большинство новых культур, как указывалось в отчете, «в настоящее время удовлетворительного роста и состояния»²⁵.

В ходе ревизии 1912 г. были произведены дополнительные выделы участков, сняты все лесосеки прошлого десятилетия и инструментально отграничены наделы лесной стражи (дача охранялась 5 лесниками и 1 объездчиком, которые, кроме жалования, имели и надельную землю). К новым принятым мерам также относилось усиление ухода за новыми посадками, ограничение выпаса крестьянского скота и прекращение сенокосения. Новый ревизионный период устанавливался в 10 лет (1912/1913–1921/1922 гг.)²⁶.

В Михайловской лесной даче (Курская губ.) Шереметевых ревизия была проведена в 1910 г., был составлен соответствующий отчет (табл. 3).

В отчете указывалось, что такая высокая норма расходов объяснялась невысокими аграрными ценами на продукцию полей и лугов, разбросанностью дачи, удаленностью ее от железной дороги, неудовлетворительным состоянием проселочных дорог и высокими налогами. Чистый доход с десятины общей площади равнялся 3,62 руб. и 3,75 руб. – удобной площади. Этот доход считался незначительным, и требовалось серьезное вмешательство владельцев в развитие имения с целью

²⁵ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 154. Л. 6 об. – 11.

²⁶ Там же. Л. 15–16.

увеличения доходности. Достаточно откровенно в отчетах ревизии говорилось о «недостаточно внимательном отношении к имению и желании взять из него все и не дать ему взамен ничего, и состояние имения во многих своих частях это ясно иллюстрирует»²⁷.

Таблица 3

**Доходы и расходы по Михайловской лесной даче
графа С.Д. Шереметева (1905–1909 гг.), руб.**

	Годы				
	1905	1906	1907	1908	1909
Валовой доход от главной рубки	18 288	11 227	15 067	16 448	11 720
Валовой доход от полей и лугов	28 285	26 023	26 479	28 397	28 339
Общий доход	52 618	45 084	49 993	53 184	50 680
Расход	26 355	24 696	26 147	27 672	25 704
Чистая прибыль	26 263	20 387	23 845	25 511	24 975

Данные приведены по: Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 396. Л. 2–2 об.

Впервые устройство лесной дачи в Михайловском имении было произведено в 1889 г. на площади в 1636 дес. К 1910 г. эта площадь увеличилась до 1889 дес. В 1889 г. леса, расположенные на возвышенном берегу р. Сваны, изрытом оврагами и водомоинами (урочище Прудок, Среднее и Городище), общей площадью 234 дес. были причислены к защитным. Таким образом, в незащищенных дачах оставалось 1402 дес. В 1890 г. защитная площадь лесов была увеличена еще на 160 дес. (Жидеевка), и в незащищенных дачах осталось 1241 дес. По плану устройства 1910 г. в защитные дачи решено отвести все вновь произведенные сосновые посадки в урочищах Жидеевка, Городище, Среднее и Прудок. Это признавалась законным при подаче соответствующего заявления в Курский лесоохранительный комитет. По расчетам 1910 г., площадь защитных дач равнялась 677 дес. Незащищенная площадь леса определялась в 1212 дес. Любопытно, что в силу требования закона на защитную часть дачи составлялся отдельный план хозяйства при непосредственном участии чиновников лесного ведомства.

²⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 396. Л. 3.

В отчете лесоустройства Михайловского имения в 1910 г. также отмечалось, что обе площади в незащитных лесах в 1889 и 1910 г. (1241 и 1212 дес. соответственно) были почти одинаковы. Следовательно, казалось, что увеличение общей лесной площади, по данным 1910 г., произошло за счет защитных дач. Однако это равенство было нарушено в самом начале осуществлением плана 1889 г. путем сплошной вырубке лесной площади в 169 дес. Это было сделано с целью обращения лесной площади под сельскохозяйственное пользование. Однако, по данным 1910 г., произошло не уменьшение общей лесной площади, а только изменение в составе и возрасте насаждений. Новые полевые участки выделялись под посадку сосны, а часть лесной площади – под заказник дуба. В то же время из-за этой рубки (урочище Куток) был совершенно оголен участок в 733 дес. «Вообще же нужно сказать, – говорились в отчете, – что это один из лучших в вотчине участков и если для полной его ценности чего и не хватает, так это именно леса, который с такой легкостью сведен»²⁸.

При всех просчетах ведения лесного хозяйства в Михайловском имении владельцы сохранили и даже несколько увеличили свои лесные владения. Кроме того, из сравнения планов хозяйства 1889 г. и 1910 г. видно, что площадь, например, дуба как самой главной и ценной породы в даче осталась почти без изменений, т.е. дубовые вырубки обсеменялись той же материнской породой. В будущем предполагалось отказаться от слишком короткого 50-летнего оборота рубки в дубовом хозяйстве и перейти к искусственному возобновлению породы²⁹.

Из отчета по Юхотской вотчине Шереметевых за 1914 г. следует, что из общего дохода в 70 182 руб. на продажи леса приходилось 43 924 руб. Кроме того, поступления приносили сдаваемые в аренду водяные мельницы, покосы и выгоны, торговые помещения, а также гончарное производство и лесопильные заводы³⁰. О планах владельцев по расширению и улучшению лесного хозяйства в этой лесной вотчине можно судить по письму главного лесничего графу С.Д. Шереметеву (06.05.1913): «В Юхоти много говорили с графом Борисом Сергеевичем о положении этого имения и пришли к заключению, что прежде чем определенно высказываться о тех или других хозяйственных мероприятиях, необходимо произвести целый ряд исследований чисто экономического характера. В программу предполагаемых работ входит обследование

²⁸ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 396. Л. 7–8.

²⁹ Там же. Л. 8 об.

³⁰ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 102. Л. 300–313.

и изучение рынков сбыта, технических свойств древесины, исследование торфяных болот и т.д. Все эти работы желательно произвести еще в текущем году, для чего потребовался бы дополнительный кредит в размере около 3000 руб. Вопрос об аренде торфяных болот, ввиду неопределенности железнодорожных дел, приходится временно отложить»³¹.

Важнейшим вопросом для владельцев стало изыскание способов соединения Юхотской вотчины, ориентированной на вывоз древесины, с транспортными коммуникациями. 28 мая 1913 г. в Комиссии о новых железных дорогах был рассмотрен в благоприятном смысле для владельцев вопрос о постройке железной дороги Савелово – Калязин – Углич. В письме управляющего Шереметеву отмечалось, что «в настоящее время нам весьма важно, чтобы постройка дороги от Углича до Рыбинска была бы назначена в первую очередь»³². Шереметевы пытались даже через брата своего управляющего, входившего в железнодорожную комиссию, повлиять на направление прокладки железнодорожного пути: «Вчера состоялось собеседование моего брата с гг. строителями (Молостовым и Андреевым) о направлении будущей железной дороги от Углича до Рыбинска выяснения причин отклонения пути от села Нового. <...> После долгих убеждений удалось получить согласие гг. строителей представить помимо намеченного ими направления вариант наибольшего отклонения пути в сторону интересов имения “Юхоть”»³³.

В марте 1914 г. главный лесничий вновь сообщал графу С.Д. Шереметеву об этом деле: «Судя по тем сведениям, которые Вы любезно посылаете мне, Верхне-Волжской железной дороги дело, как будто, налаживается. При всех тех хлопотах, которые Вы имели по этому делу, я надеюсь, у Вас был разговор с Рейнботом о линии Углич – Новое – Рыбинск, т.к., только благодаря влиянию Вашего Сиятельства, дело приняло другой оборот. После всего этого Обществу едва ли будет удобно проектировать какую-либо другую линию помимо Нового»³⁴. Очевидно, что граф С.Д. Шереметев использовал свое влияние в высших сферах, чтобы проектируемая железная дорога прошла в непосредственной близости от его Юхотского имения.

Материалы по лесному хозяйству графа С.Д. Шереметева показывают, что утвердившиеся в историографии благодаря трудам А.М. Анфимова представления о «хищническом» отношении крупных землевладельцев

³¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 5980. Л. 47–47 об.

³² Там же. Л. 113.

³³ Там же. Л. 113–113 об.

³⁴ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1287. Шереметевы. Оп. 7. Ед. хр. 5981. Л. 62.

к лесным ресурсам своих имений не соответствуют действительности. Беспланные сплошные вырубki с целью получения быстрой прибыли наблюдались во владениях этой аристократической семьи в первые пореформенные десятилетия, но с 1888 г. мы видим переход к организованному лесному хозяйству. Безусловно, первые два десятилетия его существования не были идеальными с точки зрения эффективности и сохранения качества лесных массивов, но бессмысленного массового сведения лесов не наблюдалось. Новые ревизии и планы по реорганизации лесного хозяйства, проведенные в имениях Шереметевых накануне 1914 г., свидетельствовали о прагматическом понимании владельцами необходимости рационализации лесного хозяйства, в том числе в плане не только повышения доходности, но и сохранения и качественного улучшения лесных насаждений.

Подобная экономическая стратегия в сфере лесного хозяйства к 1914 г. стала доминирующей и во владениях других крупнейших земельных собственников Российской империи: Юсуповых, Строгановых, Шуваловых, Воронцовых-Дашковых, Орловых-Давыдовых, Бярятинских, Бобринских. Сохранение огромных лесных массивов в руках крупных земельных собственников в результате аграрной реформы 1861 г. в долгосрочной перспективе не только позволило уберечь их от тотального сведения (что наблюдалось с крестьянскими лесами или в случае перехода бывших помещичьих лесов в руки «спекулянтов» из числа торговой буржуазии), но и способствовало организации современных форм ведения хозяйства в этой области, соответствующих центрально-европейским образцам, которые демонстрировали в эту эпоху представители германской, австрийской и чешской аристократии.

В основе отношения российских аристократов к своим лесным владениям лежал экономический прагматизм, требовавший более эффективного использования этого вида их частной собственности. Крупные землевладельцы закрывали доступ в свои леса крестьянам и их скоту, прибегали к более интенсивному применению научных достижений в области лесоводства, расширяли искусственные лесопосадки. В свою очередь, увеличение доходности лесного хозяйства в крупных имениях стимулировало вложения капитала в различные технические производства (лесопильные заводы, картонные фабрики и пр.). В меньшей степени, на наш взгляд, в вопросе сохранения лесных массивов действовал традиционный габитус крупнейших землевладельцев, рассматривавших леса как неотъемлемую часть визуального образа ландшафта своих владений, как мест проведения охот и конных прогулок. Тем не менее, данная категория восприятия и оценивания видна в источниках личного происхождения, что, безусловно, влияло на мотивацию выбора экономической стратегии.

К 1914 г. лесное хозяйство во владениях крупнейших землевладельцев Российской империи превратилось в организованное капиталистическое предприятие, ориентированное на обслуживание экономики индустриального типа.

Библиографический список / References

1. Анфимов А.М. Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX – начале XX века // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. [Anfimov A.M. Private forestry in Russia in the late 19th – early 20th centuries. *Istoricheskiye zapiski*. Moscow, 1958. T. 63. Pp. 244–258. (In Rus.)]
2. Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (кон. XIX – нач. XX в.). М., 1969. [Anfimov A.M. *Krupnoye pomeshchichye khozyajstvo Yevropeyskoy Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Large landlord economy of European Russia (the end of the XIX – beginning of the XX century)]. Moscow, 1969.]
3. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. [Beauvois D. *Gordiev uzel Rossiyskoy imperii. Vlast, shlyakhta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine (1793–1914)* [Le nœud gordien de l’Empire russe : le pouvoir, la noblesse polonaise et le peuple en Ukraine de la rive droite (1793–1914)]. Traduction du français. Moscow, 2011.]
4. Грузинов А.С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. М., 2009. [Gruzinov A.S. *Khozyaystvennyy kompleks knyazey Abamelek-Lazarevykh vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Economic complex of the princes Abamelek-Lazarev in the second half of the 19th – early 20th centuries.] Moscow, 2009.]
5. Грузинов А.С. Рост капиталов графа С.Д. Шереметева на рубеже XIX–XX вв.: результат хозяйственной деятельности владельца или «паразитической» переоценки стоимости принадлежащих ему земель? // Многогранный талант историка. Памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2019. С. 247–264. [Gruzinov A.S. The growth of Count S.D. Sheremetev’s capital at the turn of the 19th and 20th centuries: The result of the owner’s economic activity or a “parasitic” overvaluation of his lands? *Mnogogrannyi talant istorika. Pamyati doktora istoricheskikh nauk professora Avenira Pavlovicha Korelina*. Yu.A. Petrov (ed.). Moscow, 2019. Pp. 247–264. (In Rus.)]
6. Иванов А.Г., Филонов А.А. Лесное хозяйство в Юринском имении дворян Шереметевых в Васильсурском уезде Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2015. № 4 (36). С. 38–44. [Ivanov A.G., Filonov A.A. Forestry in the Yurinskoye estate of the Sheremetev nobles in the Vasilsursky district of the Nizhny Novgorod province in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik NIi gumanitarnykh nauk pri pravitelstve Respubliki Mordoviya*. 2015. No. 4 (36). Pp. 38–44. (In Rus.)]

7. Ливен Д. Аристократия в Европе 1815–1914. СПб., 2000. [Lieven D. Aristokratiya v Evrope: 1815–1914 [Aristocracy in Europe. 1815–1914]. Transl. from English. St. Petersburg, 2000.]
8. Brain S. Song of the Forest. Russian forestry and Stalinist environmentalism, 1905–1953. Pittsburg, 2011.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025, принята к публикации 22.12.2025
The article was received on 17.11.2025, accepted for publication 22.12.2025

Сведения об авторе / About the author

Юдин Евгений Евгеньевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Evgeny E. Yudin – PhD in History; associate professor at the Department of History of the Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

E-mail: evgeny_yudin@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-78-92

УДК 94(410)"1485/1603"

М.Д. Петров

Государственный университет просвещения,
105005 г. Москва, Российская Федерация;

Московский городской педагогический университет,
129226 г. Москва, Российская Федерация

Военная революция и королевская реформация в Англии XVI века

В статье рассматривается проблематика факторного влияния военной революции на проведение королевской реформации в Англии в годы правления короля Генриха VIII. В ходе исследования автор анализирует расходы королевства на проведение трех англо-французских войн, перманентно увеличивающиеся на протяжении всей первой половины XVI в. В ходе работы были использованы исторические источники, такие как трактат «О долге короля» Дж. Уиклифа, памфлет «Мольба о нищих» С. Фиша, а также ряд официальных документов и писем должностных лиц, которые позволяют пролить свет на то, каким именно образом связаны эти, казалось бы, совершенно несопоставимые процессы – военная революция и королевская реформация.

Ключевые слова: Генрих VIII, Томас Кромвель, Анна Болейн, военная революция, королевская реформация в Англии, англо-французские войны XVI века

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петров М.Д. Военная революция и королевская реформация в Англии XVI века // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 78–92. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-78-92

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-78-92

M.D. Petrov

Federal State University of Education,
Moscow, 105005, Russian Federation;
Moscow City University,
Moscow, 129226, Russian Federation

Military Revolution and Reformation in England in XVI century

The article examines the problems of the factorial influence of the Military Revolution on the implementation of the Royal Reformation in England during the reign of King Henry VIII. In the course of the study, the author analyzes the expenses of the kingdom for the conduct of three Anglo-French wars, which were constantly increasing throughout the first half of the XVI century. In addition, historical sources were used in the course of the work, such as the “Tractatus de Officio Regis” by John Wycliffe, the pamphlet “A Supplication for the Beggars” by S. Fish, as well as a number of documents and letters from officials that shed light on exactly how these seemingly completely disparate processes are connected.

Key words: Henry VIII, Thomas Cromwell, Anne Boleyn, military revolution, reformation in England, Anglo-French wars of the XVI century

CITATION: Petrov M.D. Military Revolution and Reformation in England in XVI century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 78–92. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-78-92

Проблематика английской королевской реформации, казалось бы, давно уже освещена во множестве научных трудов как зарубежных, так и отечественных историков, в связи с чем не представляет особого интереса для современного исследователя. Ее основную причину чаще всего

связывают с желанием Генриха VIII (1509–1547) развестись со своей бесплодной супругой с целью заключить новый брак, что вызвало острый конфликт с римским понтификом. Так, Д. Маккалох в своей пространной книге о протестантизме указывает, что именно после того, как королю «не позволили аннулировать брак с Екатериной» Арагонской, он «вдруг вспомнил о “древней истине”, гласившей, что только монарх... является Верховным главой Церкви в своих владениях» [9, с. 247]. Схожего мнения придерживаются Дж. Гай и Дж. Фокс, утверждающие, что ради любви к Анне Болейн правитель «разорвал отношения с папой» и «использовал парламент для принятия законов, изменивших религиозные убеждения народа» и «угрожал Европе войной» [2, с. 36–37]. Аналогичной точки зрения придерживались в разное время Н.И. Карев [5, с. 183–184], О. Чедвик [13, с. 101], а также многие другие ученые.

Иной подход к проблеме был характерен для историков-марксистов, которые во главу угла ставили экономические и политические интересы короны. Н.А. Смирнова, к примеру, писала: «подчинение церкви королю... стало одним из самых действенных средств усиления могущества английской абсолютной монархии» [10, с. 6]. А проведенная Генрихом VIII секуляризация сыграла «важную роль в решении экономических проблем правительства» [Там же]. Последний тезис попытался развить в своей небольшой статье современный исследователь В.В. Клочков. Он отметил, что именно за счет доходов от продажи конфискованных монастырских земель был покрыт бюджетный дефицит в 800 тыс. фунтов стерлингов, образовавшийся в результате «неудачной военной кампании во Франции в 1539 г.»¹ [6, с. 115].

Таким образом, напрашивается вывод о том, что именно военный фактор в большой степени определил церковную политику во второй четверти XVI в. В связи с этим встает вопрос о том, почему же именно в этот период власть решила прибегнуть к такому экстраординарному способу финансирования боевых действий? Ведь в истории Англии были и более тяжелые вооруженные конфликты, такие, как финальный этап Столетней войны 1337–1453 гг., завершившийся утратой всех ее континентальных владений, за исключением порта Кале. К тому же Генрих VIII не был первым королем, вступившим в конфликт с папской властью. Еще в начале XIII в. Иоанн Безземельный, как и второй правитель из династии Тюдоров, был отлучен от церкви и тоже остро нуждался в деньгах. Его же конфликты с Францией привели к потере

¹ Здесь автор цитаты допустил явную ошибку в дате, т.к. в годы правления Генриха VIII было несколько англо-французских войн (в 1512–1514, 1522–1526 и 1543–1546 гг.), но ни одна из них не выпала на 1539 г. О том, какая именно война привела к образованию значительного бюджетного дефицита, см. далее.

Нормандии и Анжу в 1204 г., а также к поражению в битве при Бувине в 1214 г. [26, р. 109, 111], что было несравнимо с незначительными неудачами кампаний начала раннего Нового времени.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к работам М. Робертса и Д. Паркера – основоположников концепции «военной революции». Ее суть можно свести к следующим тезисам. Во-первых, на рубеже Средневековья и эпохи Модерна в военном деле западноевропейских стран произошли кардинальные перемены, связанные с внедрением новых средств и методов ведения боевых действий. Во-вторых, распространение этих нововведений дало старт процессу перманентного увеличения численности армий и, следовательно, стоимости их содержания, вооружения и снабжения. В-третьих, «эти изменения, и сам новый стиль проведения боевых действий, потребовали новых административных методов и стандартов; и новая администрация с самого начала была централизованной и королевской» [24, р. 195–196]. Исходя из этого, «чисто военные разработки» стали важными «агентами и помощниками конституционных и социальных изменений» [Ibid., р. 205], которые «усилили авторитет государства (частично за счет подданных)» [21, р. 213–214].

Тем не менее, указанные авторы, как и многие их последователи, не стали развивать тезис о значительном влиянии армейских нововведений на трансформацию политических институтов и систем западноевропейских государств. Исключение составил Б. Даунинг, который посвятил данной проблематике отдельную монографию, содержащую ряд весьма спорных и расплывчатых по форме умозаключений. В главе, посвященной Англии, он указал, что, хотя военные расходы королевства перманентно возрастали на протяжении всей первой половины XVI в., «деньги на них выделялись за счет парламентских субсидий, иногда дополняемых специальными мерами, но ни одна из них сама по себе или в сочетании с другими, не обеспечила постоянный независимый источник королевских доходов» [16, р. 166]. Далее он утверждает, что «этих доходов было недостаточно, и их пришлось увеличить за счет продажи королевских земель (включая недавно конфискованную церковную собственность)» [Ibid., 167]. Однако ниже он приводит цитату из труда Л. Стоуна: «если бы эта собственность была сохранена... она могла бы обеспечить государство огромными ресурсами, которые могли бы сделать его практически независимым от парламентского налогообложения» [Ibid.]. То есть исследователь, несмотря на вышесказанное, в итоге косвенно соглашается с тем, что реформация в теории могла способствовать возникновению на острове некоего подобия абсолютной монархии континентального образца.

Также автору настоящей статьи представляется, что Даунинг слишком поверхностно, а в определенных местах и ошибочно смотрит на затрагиваемую им проблематику. Во-первых, он так напрямую и не решается утверждать, что процессы, происходящие в военном деле, стали значимым фактором в деле проведения в Англии королевской реформации и секуляризации. Возможно, это связано с тем, что историк почему-то не видит признаков военной революции на протяжении всего (!) периода правления династии Тюдоров. Во-вторых, из текста его монографии можно сделать вывод о том, что доходы от секуляризации стали лишь незначительным источником доходов казначейства по сравнению с суммами парламентских субсидий. И, наконец, в-третьих, судя по приведенным исследователем тезисам, значимыми изменениями политических систем европейских государств, на которые оказывала влияние военная революция, представляется исключительно переход от «смешанной» или ограниченной монархии к абсолютной и обратно. В это же время ее воздействие на трансформацию позднесредневековой государственной модели в модерновую игнорируется [16, р. 162, 166].

Ставя перед собой цель выявить факторное воздействие военной революции на проведение королевской реформации в Англии, автору статьи необходимо было решить следующие задачи: во-первых, показать, что в эпоху первых Тюдоров в стране можно наблюдать все основные признаки военной революции. Во-вторых, рассмотреть затраты казначейства на ведение первых двух англо-французских войн времен правления Генриха VIII. В-третьих, выяснить, почему монархия не могла обойтись исключительно парламентскими субсидиями для финансирования боевых действий. В-четвертых, проанализировать финансовый аспект секуляризации в контексте подготовки к третьему вооруженному конфликту с Францией. В-пятых, обозначить изменения в английской политической системе, ставшие следствием конфискации церковных владений. В-шестых, сделать вывод о том, почему секуляризация так и не смогла создать полноценный ресурсный базис, необходимый для ликвидации зависимости короны от субсидий представительного органа.

Итак, согласно Паркеру, военная революция включает в себя три основных компонента: массовое использование огнестрельного оружия, распространение фортификации нового типа, а также рост численности армий [22, р. 43]. Все они, вопреки точке зрения Даунинга, могут быть найдены и в первой половине XVI в. В этот период в Англии начинаются массовые закупки различных видов артиллерийских орудий и аркебуз, в т.ч. и боеприпасов к ним. Преимущественно они проводились у иностранных поставщиков, однако развивалось и отечественное производство [23, р. 29–31]. Строятся и принципиально отличные

от средневековых замков оборонительные сооружения, концепция которых во многом аналогична укреплениям, построенным по передовой технологии итальянского обвода [25, р. 24–30]. Вдобавок на протяжении столетия прослеживается и увеличение численности войск, в частности, ополчения [19, р. 34]. Все это, естественно, требовало значительных финансовых затрат.

Ю.Е. Ивонин указывает, что общая стоимость ведения боевых действий в 1512–1513 гг. составила 813 тыс. фунтов стерлингов [4, с. 83]. Ю.И. Царева же, ссылаясь на исследование Р. Хойла, называет сумму в 900 тыс. фунтов стерлингов [12, с. 130]. Такие крупные расходы потребовали значительного повышения налогов. Это во многом стало неожиданностью для членов Палаты общин. Во время подготовки к кампании они мало представляли себе, во что действительно им обойдется конфликт, начавшийся в эпоху военной революции. Если изначально коммонеры с радостью выделили Генриху VIII 600 тыс. фунтов стерлингов [7, с. 38–39], то уже к 1514 г. они отказались субсидировать корону еще на 480 тыс. фунтов стерлингов, предоставив лишь 160 тыс. [4, с. 83].

Перед следующим конфликтом, начавшимся в 1522 г., лорд-канцлер кардинал Т. Уолси запросил у парламента еще большую сумму – не менее 800 тыс. фунтов стерлингов. Среди депутатов разразились острые дебаты, и «нашлись определенные люди, назначенные заявить о невозможности этого требования»². Они указывали на «бедность и ограниченность [в средствах] королевства», но кардинал ответил им, что «он предпочел бы вырвать себе язык пинцетом, нежели заставить короля взять меньшую сумму»³. Он заявил, что англичане славятся своим богатством, а несогласные коммонеры владеют «роскошными домами, посудой и одеждой» и регулярно проводят «пышные пиры с изысканными блюдами»⁴. После же того, как посланник короля покинул здание Палаты общин, ее члены объявили, что «изобилие товаров выгодно королевству, а не расточительно»⁵.

Данный случай наглядно иллюстрирует расхождение между стремлениями Генриха VIII, с одной стороны, и парламентариев – с другой. Последних волновал, прежде всего, не престиж страны на международной арене и реванш за Столетнюю войну, а их собственная экономическая деятельность, не ограниченная боевыми действиями и налогами на их проведение. Желание представителей джентри не только

² Subsidy of 1523 // Tanner J.R. Tudor constitutional documents with an historical commentary, A.D. 1485–1603. Cambridge, 1922. P. 608–609.

³ Ibid. P. 609.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

сохранить свой бизнес, но и накопить еще большие капиталы, резко контрастировало с планами короны по осуществлению затратной внешней экспансии. Так, владельцы суконных мануфактур в Саффолке утверждали, что, если они заплатят данный налог во всей полноте, то им придется уволить всех своих рабочих. В итоге размер субсидии был максимально сокращен. Казначейство получило лишь 136 тыс. фунтов стерлингов [14, р. 93], что почти в 6 раз меньше, чем та минимальная сумма, которую затребовал Уолси.

В результате монархия оказалась в ситуации невозможности осуществлять кампании на континенте исключительно за счет ординарных доходов и парламентских субсидий. Да, первые, начиная с 1485 г., неуклонно возрастали. К 1540-м гг. они достигли вместо 32 тыс. фунтов стерлингов около 200 тыс. в год [16, с. 143]. Это означало следующее: чтобы осуществить вышеупомянутую экспедицию без дополнительных затрат, необходимо было откладывать деньги на протяжении практически половины десятилетия. И это без учета стандартных ежегодных расходов на содержание королевского двора и гардероба, строительства дворцов, выплаты довольствия должностным лицам и солдатам гарнизонов. Вместе взятые, они, согласно подсчетам Дица, составляли около 145 тыс. фунтов стерлингов в год [15, р. 74]. Учитывая вышеприведенные данные, если откладывать оставшиеся 55 тыс. каждый год, то войну можно было бы начать только через 15 лет, а взяв в расчет инфляцию и прочие факторы, срок стал бы еще бóльшим.

Чтобы получить необходимые для ведения современной войны финансовые средства, Генриху VIII было необходимо выбрать один из следующих вариантов развития событий. Первый – открытый конфликт с парламентом. Второй – поиск не зависящего от представительного органа источника доходов, достаточного для финансирования дорогостоящих кампаний. Из-за отсутствия в подчинении короля многочисленной постоянной армии, способной не только продемонстрировать силу, но и в короткие сроки подчинить сторонников сословного представительства, противоборство монархии с оппозицией могло вылиться в очередной затяжной и масштабный гражданский конфликт.

В ситуации же, когда еще не были забыты кровопролития и нестабильность времен Войны Алой и Белой Розы, это было политическим самоубийством для только что укрепившейся на троне династии Тюдоров. В связи с этим, в качестве противника, обладавшего значительными земельными и финансовыми ресурсами, был выбран институт иностранного происхождения, но имевший юрисдикцию на английской земле, – католическая церковь. К тому же борьба английских правителей с ее обширными привилегиями имела длительную историю [8, с. 36],

а идея использования королевской властью церковных богатств для нужд национальной обороны была известна англичанам с XIV в.

Именно тогда оксфордский профессор Джон Уиклиф в своем трактате «О долге короля» писал, что, «когда возникает срочная необходимость защитить город, то будет законно снести церковь и построить на ее месте башню, и расплавить чашу, используемую для причастия, чтобы заплатить солдатам»⁶. Более того, он призывал монархию распределить имущество духовенства среди рыцарей, которые способны защитить страну от врагов, что привело бы «к укреплению обороны, снижению налогов, усилению единства внутри королевства и способствовало бы экономическому процветанию»⁷. Однако светская власть прислушалась к советам проповедника-радикала лишь в начале XVI в. Наверняка это произошло в т.ч. и благодаря его идейному последователю – Саймону Фишу. В памфлете «Мольба о нищих», напечатанном в 1529 г., он прямо утверждал, что богатства, накопленные и удерживаемые священниками, являются угрозой обороноспособности Англии, т.к. церковники неоднократно отказывались делать взносы на ведение боевых действий, что приводило к сокращению парламентских субсидий короне. Это, по мысли автора, в конечном итоге может привести страну к поражению и политической нестабильности. Секуляризация же в этом контексте виделась им не только справедливым актом, но и инструментом национального самосохранения в условиях перманентного роста затрат на ведение боевых действий и содержание армий⁸.

Тезисы о необходимости секуляризации с целью подготовки Англии к обороне от внешнего противника позволили монархии снизить градус недовольства населения по поводу ломки традиционного религиозного уклада. Также подобные утверждения должны были помочь успокоить и некоторых подданных, в частности, членов парламента, которые, вопреки стремлениям короля, не хотели втягивания страны в очередную завоевательную войну на континенте. В связи с этим интересен документ, предназначенный для представления членам Палаты общин и найденный среди бумаг главного «архитектора» королевской реформации – советника Генриха VIII и государственного секретаря Томаса Кромвеля. Его авторы, следуя логике Фиша, указывали, что «изъятие церковных излишков», в частности доходов архиепископов Кентерберийского и Йоркского, превышающих 2 тыс. марок⁹ и 1 тыс. фунтов

⁶ Wyclif I. *Tractatus de officio regis*. L., 1887. P. 185.

⁷ *Church temporalities // Select English works of John Wyclif*. L., 1869. Vol. III. P. 216–217.

⁸ Fish S. *A Supplication for the Beggars, written about the Year 1529 by Simon Fish*. L., 1871. P. 14.

⁹ Марка – денежная единица, равная двум третям фунта.

стерлингов в год, соответственно, необходимо «для защиты королевства»¹⁰. В частности, для «оборонительных и наступательных действий против ирландцев», «создания гавани в г. Дувре», а также «строительства крепостей, блокаузов и других сооружений на границе с Шотландией»¹¹.

Реформация позволила монархии конфисковать в свою пользу многочисленные владения монастырей, в то время как военный фактор был одним из основных в деле принятия решения о проведении секуляризации. В соответствии с Актом о Супрематии 1534 г., сделавшим правителя главой англиканской церкви, король также обзавелся правом владеть и распоряжаться церковными доходами¹². В его распоряжении оказались и «все украшения, драгоценности, товары, движимое имущество», которое «принадлежало любому из главных монастырских управляющих»¹³. Все это позволило Генриху VIII получить независимый от субсидий источник финансов. Помимо значительной суммы в 525 100 фунтов стерлингов в виде прибыли от нераспроданных секуляризованных земель, а также 79 500 фунтов стерлингов из реквизированной казны многочисленных упраздненных аббатств, он стал обладателем 712 200 фунтов стерлингов от церковных налогов [6, с. 116].

Монархия смогла продолжить внешнеполитическую экспансию, используя исключительно собственные средства. Данную точку зрения высказал и Д. Юингс. Однако он сконцентрировал свое внимание на затратах, связанных с подавлением очередного восстания в Ирландии [3, с. 187]. Проблема же была значительно шире, и связана она была именно со стремлением короны вести активную завоевательную политику во Франции.

Следует также отметить, что Анна Болейн, любовь монарха к которой, по мнению некоторых историков, стала основной причиной реформации, не приветствовала секуляризацию в том виде, в каком ее планировали осуществить Генрих VIII и Т. Кромвель. Она хотела, чтобы конфискованные монастырские богатства были направлены на реализацию

¹⁰ Things to be moved to the Kings Highness, for an increase and augmentation to be had for maintenance of his most royal state; and for the defence of his realm, and necessary to be provided for taking away the excess; which is the great cause of the abuses in the Church // Ecclesiastical memorials relating chiefly to religion, and the reformation of it, and the emergencies of the Church of England, under King Henry VIII, King Edward VI, and Queen Mary I. Vol. I. Part I. Oxford, 1822. P. 421–425.

¹¹ Ibid. P. 422–425.

¹² Акт о Супрематии. 1534 г. // Английская реформация (документы и материалы) / под ред. Ю.М. Сапрыкина. М., 1990. С. 19.

¹³ Act for the Dissolution of the Lesser Monasteries, 1536 // Tudor Constitutional Documents A.D. 1485–1603 with an historical commentary by J.R. Tanner, Litt. D. Cambridge, 1922. P. 61.

масштабной программы помощи бедным, разработанной У. Маршаллом. У мужа королевы и его главного советника были совершенно иные планы, и ей оставалось только ходатайствовать перед ним за сохранение аббатств Соли, Каверем, Кэтсби, Нан-Монктон и др., а также уговаривать их настоятелей выделять деньги на поддержку бедных студентов [2, с. 492–494].

Реформация и связанная с ней секуляризация позволили укрепить институт монархии и по другим причинам.

Во-первых, продажа церковного имущества сформировала слой землевладельцев, лояльных монархии. Они не только получили необходимые средства для ведения рыночного хозяйства, но и, превратившись в лордов-маноров, повысили свой социальный статус, который позволил им претендовать на должности мировых судей [27, р. 123]. Многие представители рыцарства и джентри шли на всевозможные ухищрения для того, чтобы бывшая монастырская собственность досталась именно им и с этой целью «предлагали большие деньги» королевским чиновникам в виде взятки¹⁴. Не отставали от них и титулованные аристократы. В письме испанского посланника Шапюи к Карлу V от 1 апреля 1536 г. утверждалось, что «все эти лорды намерены владеть фермами из имущества упомянутых церквей, а герцоги Норфолк и Саффолк уже в значительной степени обеспечены ими»¹⁵. В связи с этим, как верно подметил один из папских агентов в Англии, короля и его подданных будет трудно привести к исправлению мечом, а другими средствами еще труднее, «потому что жадность сильно проникла в его секту»¹⁶.

Во-вторых, за счет удаления католических прелатов из Палаты лордов, которые до нововведений Генриха VIII составляли в ней большинство [6, с. 115], был значительно усилен королевский контроль над представительным органом. Их места заняли светские феодалы, получившие свои лены за счет бывших монастырских владений. Лояльные же священнослужители, «отрезанные от международной церкви, стали более прямо и очевидно зависеть от короны» [20, р. 4].

Данная абсолютистская политика, вызванная военными потребностями и направленная в т.ч. на дальнейшее подчинение монархии как духовной, так и светской аристократии, стала фактором еще одного значимого институционального изменения, связанного с Королевским советом. В конце XV в. он был достаточно обширным и состоял

¹⁴ Sir Francis Brian to Cromwell. Wolbarton, 28 March. 1536 // Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the reign of Henry VIII. Vol. X. L., 1887. P. 223.

¹⁵ Chapuys to Charles V. London, 1 April 1536 // Ibid. P. 244.

¹⁶ Plans for reconciling England to the Church // Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII. Vol. 14. Part 1. January–July 1539. J. Gairdner, R.H. Brodie (eds.). L., 1894.

из более чем 200 членов. При его преемнике численный состав этого органа уменьшился сначала до 120, а затем и до 19 человек после нововведений Т. Кромвеля, одного из «архитекторов» реформации. Кроме того, возник и «ближний» Тайный совет, состоящий из наиболее приближенных к монарху лиц. На протяжении эпохи Тюдоров он «все в большей степени принимал на себя ответственность за управление, особенно финансовое и юридическое администрирование, а также местные органы управления» [1, с. 225, 433].

Этот процесс стал одним из основных составляющих т.н. «Тюдоровской революции в правительстве». Она, согласно Д. Элтону, помимо вышеописанного новшества, выразилась в следующем: во-первых, «королевскому двору была придана более совершенная ведомственная организация». Двор превратился в «государственный департамент, ответственный за выполнение специализированных задач, касающихся персоны монарха» [18, р. 415]. Во-вторых, «финансы стали предметом ведения национальных учреждений, а не личных слуг короля, которые управляли ими до 1530-х гг.» [Ibid.]. В-третьих, полномочия «государственного секретаря и Тайного совета вышли за пределы ответственности за ведение хозяйства в рамках домена на национальную арену» [Ibid.]. Канцелярия же первого стала центром управления страной, вытеснив с этой роли хранителей малой печати, деятельность которых превратилась в формальную рутину. В-четвертых, были созданы новые судебные инстанции [Ibid.].

Таким образом, появилась тенденция к созданию национальной бюрократии. Она была вызвана, прежде всего, именно армейскими изменениями, потребовавшими качественно новой организации управления процессами в этой сфере. Тем самым тезис Ч. Тилли о том, что в исследуемый период «внутренняя структура [национальных государств] складывается в результате подготовки к войне», подтверждается и для Англии. Именно «строительство и содержание армии» [11, с. 114, 121] ренессансного типа во время правления Генриха VIII начнет «вызывать к жизни и другие обслуживающие учреждения: финансовые органы, бюджетные ведомства обеспечения поставок, аппараты набора в армию, налоговые и многие другие» [Ibid., 121]. Это же, в определенной степени, можно и сказать про национальную церковь, которая стала одним из инструментов проведения государственной политики.

В связи с этим интересно отметить, что Даунинг, высоко оценивающий труды профессора Элтона, совершенно не видит связи между процессами, происходящими в рамках военного дела, подчинением церкви, «Тюдоровской революции в правительстве» и снижением политической роли парламента. Он утверждает: в первой половине XVI в. реформы

Генриха VIII и Кромвеля «не нанесли ущерба местным центрам власти, не подорвали парламент и не отменили верховенства закона. Хотя власть канцелярии действительно возросла, не следует становиться жертвой метафоры качелей, в которой усиление королевской власти обязательно означает ослабление парламента» [16, р. 162].

По мнению автора статьи, данное утверждение является весьма спорным. Согласно Даунингу, возвышение монархии «произошло не за счет конституции, а за счет пэров и католических епископов, закрытой элиты в верхней палате» [Ibid.]. Последних все же невозможно рассматривать в отрыве от самой Палаты лордов. Она, будучи одной из корпораций внутри представительного органа, де-факто после секуляризации стала намного более лояльной к королевской власти. Вместе с тем среди многих коммонеров впоследствии окажутся владельцы бывших монастырских земель, что на десятилетия, вплоть до рубежа XVI–XVII вв., предопределило их верноподданнические взаимоотношения с короной. Реформация способствовала изменению части конституционных основ английского королевства в пользу монархии, т.к. сделала короля главой национальной церкви, а духовенство зависимым от светской власти. Следовательно, т.н. «метафора качелей» может отражать реальное положение дел и в представленном случае.

Почему же тогда секуляризация не помогла сделать монархию полностью независимой от парламентских субсидий? Здесь снова проявился фактор военной революции. Последний англо-французский конфликт времен Генриха VIII стал не только самым технологичным, но и самым затратным. На его ведение было потрачено 2 млн 134 тыс. фунтов стерлингов. Для его финансирования короне пришлось «продать гораздо больше монастырских земель, чем она когда-либо намеревалась» [6, с. 115]. За период с 1535 по 1547 гг. было распродано порядка $\frac{3}{4}$ бывших церковных территорий, что пополнило казну на 789 400 и позволило лишь частично погасить расходы на кампанию [Ibid.]. Если бы правитель не решил в очередной раз высадить свои войска на континенте, то он мог бы в последующий период получать более 136 тыс. фунтов стерлингов годовой прибыли от ренты [20, р. 3–4]. Его же потомкам не пришлось бы вновь искать новый источник доходов для осуществления своей политики, в т.ч. внешней.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: во-первых, Англия первой трети XVI в. не была изолирована от континентальных процессов, происходящих в рамках военной революции. Во-вторых, растущие расходы на содержание войск и организацию континентальных кампаний стали одной из причин проведения в стране реформации и секуляризации, а также привели к значительным

изменениям внутри государственного аппарата. В-третьих, нежелание Генриха VIII отказаться от вступления в очередной конфликт с Францией свело на нет финансовый потенциал секуляризации, что поставило королевскую власть в ту же экономическую ситуацию, в которой она была до 1530-х гг.

Библиографический список / References

1. Гай Дж. Англия Тюдоров: Полная история эпохи от Генриха VII до Елизаветы I. М., 2023. [Guy J. Angliya Tyudorov: Polnaya istoriya epochi ot Genrixa VII do Elizavety I [Tudor England: A complete history of the era from Henry VII to Elizabeth I]. Transl. from English. Moscow, 2023.]
2. Гай Дж., Фокс Дж. Охота на сокола: Генрих VIII и Анна Болейн: Брак, который перевернул устои, потряс Европу и изменил Англию. М., 2024. [Guy J., Fox J. Oxota na sokola: Genrich VIII i Anna Bolejn: Brak, kojiy perevernul ustoi, potryas Evropu i izmenil Angliyu [Hunting the Falcon: Henry VIII, Anne Boleyn and the marriage that shook Europe]. Transl. from English. Moscow, 2024.]
3. Девятова Е.Ю. Британская историография второй половины XX века: о секуляризации в Англии в правление Генриха VIII // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 186–191. [Devyatova E.Yu. British historiography of the second half of the 20th century: On secularization in England during the reign of Henry VIII. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. No. 4 (25). Pp. 186–191. (In Rus.)]
4. Ивонин Ю.Е. Императоры, короли, министры. Политические портреты XVI в.: Исторические очерки. Днепропетровск, 1994. [Ivonin Yu.E. Imperatory, koroli, ministry. Politicheskie portrety XVI v.: Istoricheskie ocherki [Emperors, kings, ministries. Political portraits of the XVI century: Historical sketches.]. Dnepropetrovsk, 1994.]
5. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв. М., 2015. [Kareev N.I. Istoriya Zapadnoj Evropy v Novoe vremya. Razvitie kulturnyx i socialnyx otnošenij. Reformaciya i politicheskaya zhizn v XVI i XVII vv. [The history of Western Europe in Modern Times. Development of cultural and social relations. The Reformation and political life in the 16th and 17th centuries]. Moscow, 2015.]
6. Клочков В.В. Реформация и эволюция институтов английской монархии // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2011. № 11. С. 114–118. [Klochkov V.V. The reformation and evolution of the institutions of the English monarchy. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Texnicheskie nauki*. 2011. No. 11. Pp. 114–118. (In Rus.)]
7. Козлов М.Е. Развитие военной системы Англии в правление династии Тюдоров в XVI веке: дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2013. [Kozlov M.E. Razvitie voennoj sistemy Anglii v pravlenie dinastii Tyudorov v XVI veke [The development of the military system of England under the rule of the Tudor dynasty in the 16th century]. PhD dis. Smolensk, 2013.]

8. Лазарев С.С. Способы ограничения юрисдикции церковных судов в средневековой Англии // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2020. № 4 (19). С. 35–38. [Lazarev S.S. Ways to limit the jurisdiction of ecclesiastical courts in medieval England. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki*. 2020. No. 4 (19). Pp. 35–38. (In Rus.)]
9. Маккалох Д. Реформация. Полная история протестантизма / пер. с англ. В.А. Измайлова. М., 2024. [MacCulloch D. *Reformaciya. Polnaya istoriya protestantizma* [The Reformation: A history]. V.A. Izmailov (transl. from English). Moscow, 2024.]
10. Смирнова Н.А. Становление национальной церкви и формирование доктрины англиканства. 1534–1553 гг. // Английская реформация (Документы и материалы) / под ред. Ю.М. Сапрыкина. М., 1990. С. 6–43. [Smirnova N.A. The formation of the national Church and the formation of the doctrine of Anglicanism. 1534–1553. *Anglijskaya reformaciya (Dokumenty i materialy)*. Yu.M. Saprykin (ed.). Moscow, 1990. Pp. 6–43. (In Rus.)]
11. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992 гг. М., 2015. [Tilly C. *Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva: 990–1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States. AD 990–1992]. Transl. from English. Moscow, 2015.]
12. Царева Ю.И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603). М.; СПб., 2020. [Czareva Yu.I. *Finansovaya politika Tyudorov (1485–1603)* [Financial policy of the Tudors (1485–1603)]. Moscow, St. Petersburg, 2020.]
13. Чедвик О. Реформация. Противостояние католиков и протестантов в Западной Европе XVI–XVII вв. М., 2011. [Chedwick O. *Reformaciya. Protivostoyanie katolikov i protestantov v Zapadnoj Evrope XVI–XVII vv.* [The Reformation]. Transl. from English. Moscow, 2011.]
14. Bernard G.W. Who ruled Tudor England. An essay in the paradoxes of power. L., 2021.
15. Dietz F.C. *Finances of Edward VI and Mary*. Northampton, 1918.
16. Downing B.M. *The Military Revolution and Political Change. Origins of democracy and autocracy in early modern Europe*. Princeton University Press, 1992.
17. Elton G.R. *The Parliament of England, 1559–1581*. Cambridge University Press, 1989.
18. Elton G.R. *The Tudor revolution in government*. Cambridge University Press, 1953.
19. Heath I. *Armies of the Sixteenth Century: The armies of England, Scotland, Ireland, the united provinces, and the Spanish Netherlands 1487–1609*. St. Peter Port, 1997.
20. Hill C. *Economic problems of the Church, from Archbishop Whitgift to the Long Parliament*. Oxford, 1963.
21. Parker G. The “Military Revolution,” 1560–1660 – a myth? *The Journal of Modern History*. 1976. Vol. 48. No. 2. Pp. 195–214.
22. Parker G. *The Military Revolution. Military innovation and the rise of the West, 1500–1800*. 2nd ed. Cambridge University Press, 1996.
23. Raymond J. *Henry VIII’s Military Revolution: The Armies of Sixteenth-century Britain and Europe*. L.; N.-Y., 2007.

24. Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660. *Roberts M. Essays in Swedish History*. University of Minnesota Press, 1967. Pp. 195–225.
25. Rutton W.L. Henry VII's Castles at Sandown, Walmer, Deal, Sandgate and Camber. *Archaeologia Cantiana*. 1898. Vol. 23. Pp. 24–30.
26. Turner R.V. King John. England's evil king? Stroud, 2014.
27. Youings J.A. Landlords in England: The Church. *The Agrarian History of England and Wales. 1500–1640*. J. Thirsk (ed.). Cambridge University Press, 1967. Pp. 306–355.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025, принята к публикации 22.12.2025

The article was received on 17.11.2025, accepted for publication 22.12.2025

Сведения об авторе / About the author

Петров Михаил Дмитриевич – соискатель степени кандидата исторических наук факультета истории, политологии и права, Государственный университет просвещения, г. Москва; преподаватель-исследователь, учитель истории и обществознания университетской школы, Московский городской педагогический университет

Mikhail D. Petrov – candidate for the PhD degree of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education, Moscow; teacher-researcher, history and social studies teacher at the University Secondary School, Moscow City University, Russian Federation

E-mail: petrov1995@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-93-101

УДК: 94(410).07

А.А. Куницын

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация;

Московский государственный технический университет
им. Н.Э. Баумана,
105005 г. Москва, Российская Федерация

«Компания мистера Френда отнюдь не предосудительна». С.Т. Кольридж и дело У. Френда в Кембридже в 1793 г.

Период конца 1792 г. – начала 1793 гг. стал поворотным моментом в истории английского общества. Оказавшись на пороге войны с революционной Францией, оно было в высшей степени поляризовано. Огромное количество политических памфлетов, статей и книг как сторонников войны, так и ее противников привело к радикализации большей части общества. Каждый политический судебный процесс, каждое решение Парламента и суда Англии рассматривались журналистами «под микроскопом» и становились общественным достоянием, будоража умы. Политика не прошла и мимо университетского городка Кембриджа, где в 1793 г. состоялось слушание дела диссентера Уильяма Френда, оказавшее значительное влияние на умы студентов, среди которых был и С.Т. Кольридж, будущий знаменитый философ, поэт-романтик, теолог. Дело Френда дало Кольриджу толчок к началу активной радикальной политической деятельности, которой он посвятит себя в ближайшие годы.

Ключевые слова: Сэмюэль Тейлор Кольридж, романтизм, английский романтизм, английские поэты, Англия, Французская революция конца XVIII в., Уильям Френд, диссентеры

© Куницын А.А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Куницын А.А. «Компания мистера Френда отнюдь не предосудительна». С.Т. Кольридж и дело У. Френда в Кембридже в 1793 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 93–101. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-93-101

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-93-101

A.A. Kunitsyn

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;

Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, 105005, Russian Federation

“Mr. Frend’s company is by no means invidious”. S.T. Coleridge and the W. Frend Case in Cambridge in 1793

The end of 1792 and the beginning of 1793 marked a turning point in the history of English society. On the verge of war with revolutionary France, it was highly polarized. A huge number of political pamphlets, articles and books by supporters of both the war and its opponents have led to the radicalization of a large number of people inside the country. Every political trial, every decision of the Parliament and the Court of England was examined by journalists “under a microscope” and became public domain, stirring minds. Politics did not pass by the university campus of Cambridge, where in 1793 the hearing of the case of dissenter William Frend took place, which left a significant mark and imprint on the minds of students, among whom was S.T. Coleridge, the future famous philosopher, romantic poet, theologian. Frend’s case gave Coleridge the impetus to begin active radical political activity, to which he would devote himself in the coming years.

Key words: Samuel Taylor Coleridge, romanticism, English romanticism, English poets, England, the French Revolution of the late 18th century, William Frend, dissenters

CITATION: Kunitsyn A.A. «Mr. Frend's company is by no means invidious». S.T. Coleridge and the W. Frend Case in Cambridge in 1793. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 93–101. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-93-101

С самого начала революции во Франции в конце XVIII в. британское правительство боролось с обострившимся проявлением радикализма и движениями за парламентские реформы, которые на фоне событий в Париже стали увереннее заявлять о себе. Ситуацию еще больше накалил выход в ноябре 1790 г. труда Э. Берка «Размышления о Французской революции», что отчасти спровоцировало серьезные гражданские столкновения внутри Англии. Так, например, в июле 1791 г. лоялисты под лозунгами «За короля и церковь!» разгромили дома диссентеров в Бирмингеме. Событие получит название «Бунты Пристли», по имени одного из ведущих сторонников реформы парламента, ученого и священника-унитариста Джозефа Пристли, выступавшего также за отмену законов, ограничивающих права англичан, не принадлежавших к государственной Англиканской церкви, – «Акта о проверке веры» (1673, 1678) и «Акта о корпорациях» (1661) [2, р. 69–71].

Понимая, что с общественным мнением нельзя справиться исключительно насилием, правительство поддержало создание историком права и государственным чиновником Джоном Ривсом «Ассоциации для защиты свободы и собственности против республиканцев и левеллеров», целью которого была борьба за запрет сочинений авторов, поддержавших Французскую революцию и парламентские реформы в Англии [1, с. 137].

Численность организации стремительно увеличивалась, поскольку владельцы питейных заведений понимали, что вступление в нее является обязательным условием для продления их лицензий. Арендодатели, сдававшие помещения реформистским обществам, массово вступали в Ассоциацию, чтобы уберечь свои залы от разгрома со стороны патриотически настроенных банд, вооруженных дубинками и факелами. Показательно, что в Бристоле, где было особенно много диссентеров и квакеров, местное общество трактирщиков, виноделов и поставщиков провизии публично пообещало «искоренять любые подстрекательские сочинения и прилагать все усилия для привлечения их авторов к суду» [7, р. 26].

Еще в последние десятилетия XVIII в. Кембридж, в частности, Колледж Иисуса, становится надежным оплотом для диссентеров. Именно в Кембриджском университете в 1770-х гг. складывается организованная группа учащихся и преподавателей, среди которых были

Джон Джебб (1736–1786), Капель Лофт (1751–1824), Джон Дисней (1746–1816), Теофилиус Линдси (1723–1808), которые начнут выступать за отмену «Актов о присяге» («Тест-актов»), ограничивавших возможности обучения студентов-диссентеров [5, р. 89–90]. Несмотря на отказ без каких-либо объяснений, предложение получило определенную поддержку среди ведущих ученых, состоявших в ученом совете, и религиозная свобода становится полуправовой в Кембридже. Вскоре уже студентам-бакалаврам не было необходимости приносить присягу на верность учению Англиканской церкви. Когда в парламент были внесены законопроекты об ослаблении политических ограничений для диссентеров, Уильям Питт, как член парламента от Кембриджа, охотно их поддержал. По мнению исследователя П.М. Залла, если бы не падение Бастилии, эти ограничения могли быть сняты еще до 1790 г. [7, р. 27]. Но Бастилия пала, и надежды диссентеров рухнули. Часть либеральной профессуры с восторгом встретила революцию во Франции, устраивала торжественные ужины в честь Франции, а также укрепляла связи с реформационными обществами в Лондоне [5, р. 31–32]. Было лишь делом времени, когда Кембриджский университет привлечет к себе бдительное око роялистов.

Начало 1793 г. стало предопределяющим для молодого студента Колледжа Иисуса Сэмюэля Тейлора Кольриджа. Друг Кольриджа Ч. Ле Грайс будет писать о весне 1793 г.: Кольридж «был очень старателен в учебе, но чтение его было бессистемным и капризным... Эсхил, Платон и Фукидид отодвигались в сторону вместе с грудой словарей, чтобы обсудить памфлеты дня... Памфлеты роем вылетали из печати. Кольридж читал их все; а вечером, подогретый вином с водой, сахаром и специями, он дословно пересказывал их нам»¹. В то время читать и правда было что. В декабре 1792 г. состоялся процесс над Т. Пейном, обвинявшемся в нападках на короля и подрывной деятельности. Суд и защитная речь знаменитого адвоката Т. Эрскина породит волну книг и памфлетов как среди радикалов, так и среди лоялистов [2, р. 92]. Вскоре, в конце января 1793 г., будет напечатано знаменитое письмо Чж.Дж. Фокса «К независимым избирателям Вестминстера», в котором лидер вигов давал разъяснения о мотивах своих парламентских инициатив середины декабря 1792 г. по предотвращению войны с Францией и в очередной раз обрушивался с критикой на Кабинет У. Питта-младшего².

¹ The Gentleman's Magazine. 1834. Vol. 2: July to December. P. 606.

² The Speeches of the Right Honourable Charles James Fox in the House of Common. L., 1853. P. 853–862.

Это письмо произвело огромное впечатление на молодого поэта. В письме от 7 февраля 1793 г. он напишет своей возлюбленной Мэри Эванс в Лондон: «Вы уже читали письмо Фокса избирателям Вестминстера? Оно весьма обсуждаемо здесь в Кембридже, и уже обратило многие души в Фоксизм»³. Другой работой, на которую обратил внимание Кольридж, была работа его преподавателя, либерального священника У. Пэйли, «Основания для довольства своим положением, обращенные к трудящимся британской нации», в котором он утверждал, что погоня за богатством и статусом приводит к тревоге, зависти и несчастью, в то время как жизнь трудящегося предлагает более простые, более достижимые и, следовательно, более надежные удовольствия⁴. Кольридж не разделял все пункты аргументации Пэйли, но отправил эту брошюру «великого и хорошего человека» матери сестер Эванс⁵. При этом он обратил особое внимание на некоторые страницы, где Пэйли пишет про то, что фундаментальные человеческие ценности – любовь, дружба, семья, красота природы – в равной степени доступны всем, и бедняки даже более свободны в этом, чем высшее общество⁶. Другой важной работой, захватившей умы молодых студентов, была книга У. Годвина «Исследование о политической справедливости», вышедшая в середине февраля 1793 г.

Генри Ганинг, оставивший воспоминания о жизни в Кембридже в то время, писал, что в течение зимы 1792/1793 гг. в городе начались шумные собрания роялистов, которые иногда перерастали в погромы молельных домов диссентеров⁷. Отношение горожан к диссентерам можно было описать фразой местного жителя сэра Бусика Харвуда: «каждого человека следует считать честным, пока он не окажется мошенником... и каждого диссентера следует считать мошенником, пока он не окажется честным человеком»⁸.

На фоне гражданского противостояния в феврале 1793 г. в Кембридже была опубликована работа бывшего преподавателя и стипендиата Колледжа Иисуса У. Френда «Мир и союз, рекомендованный объединенным

³ Collected Letters of Samuel Taylor Coleridge. Vol. 1. 1785–1800. Oxford University Press, 1956. P. 51.

⁴ Paley W. Reasons for contentment; addressed to the labouring part of the British public. L., 1793.

⁵ Collected Letters of Samuel Taylor Coleridge. Vol. 1. 1785–1800. Oxford University Press, 1956. P. 48.

⁶ Paley W. Reasons for contentment; addressed to the labouring part of the British public. L., 1793. P. 12.

⁷ Gunning H. Reminiscences of the university, town, and county of Cambridge, from the year 1780. Vol. 1. Cambridge, 1854. P. 250–251.

⁸ Ibid. P. 253.

организациям республиканцев и анти-республиканцев»⁹. Главной целью автора было прекратить массовые беспорядки, грозившие перерасти в гражданскую войну. Он заявил, что вина лежит на обеих крайностях политического спектра, и предложил компромиссный путь. Вместо полного уничтожения или безоговорочного принятия существующего строя он призвал к его временному «улучшению», отложив окончательное совершенствование для будущих поколений. Среди его предложений были, например, трехгодичные парламенты с оплатой труда депутатов и более справедливое распределение мест в соответствии с численностью населения. Он выступал за расширение представительства в избирательной системе и резко критиковал республиканскую форму правления, отмечая: «Мудрость нации была бы собрана, словно в фокусе, но мы забываем, что ее глупость была бы столь же сильно сконцентрирована»¹⁰.

Далее, призвав к реформе устаревших экономических институтов вроде майората и манориальных прав, Френд перешел к вопросу о государственной церкви. По его мнению, это был сугубо политический институт, чье существование и финансирование полностью зависели от государства. Союз правительства и церкви, основанный на взаимной выгоде, сохранял дискриминацию инакомыслящих еще долгое время после исчезновения причин, породивших восстановление ее авторитета в 1689 г. При этом Френд призывал и самих диссентеров умерить пыл, сосредоточившись на очищении обрядов и полагаясь на силу общественного мнения в борьбе с гонениями. В качестве практических шагов он предлагал парламенту отменить церковную десятину, пересмотреть литургию и упразднить «Акт о присяге»: эти меры могли бы, по его мысли, послужить мостом через растущую пропасть между мирянами и духовенством.

После публикации памфлета уже через 12 дней группа активных студентов-лоялистов призвала руководство университета провести расследование и суд над Френдом. Главной причиной, почему текст вызвал такие споры, была открытая принадлежность автора к унитарийской церкви, а быть тогда диссентером – означало получить клеймо ярого республиканца и якобинца [7, р. 27].

Уильям Френд (1757–1841), сын почетного гражданина, одного из старейшин (олдерменов) г. Кентербери, готовился стать торговцем, однако, после окончания колледжа Иисуса в 1780 г. под руководством У. Пэйли, решил стать священником. Согласно его биографии, в 1781 г. ему предложили отправиться в Санкт-Петербург, где он должен был

⁹ Frend W. Peace and union recommended to the associated bodies of republicans and anti-republicans. Cambridge, 1793.

¹⁰ Ibid. P. 15.

стать воспитателем и учителем математики, логики и греческого языка малолетнего Александра Павловича, будущего императора России Александра I. Френдлу было предложено жалование порядка 2 тыс. фунтов стерлингов в год, а также пенсия по возвращению в Англию порядка 800 фунтов стерлингов в год [3, р. 37]. Но молодой священник отказался от столь щедрого предложения, и в 1783 г. принял приход Мэдингги недалеко от Кембриджа, совмещая учебу и преподавание. В 1787 г. Френд после долгих раздумий разорвет отношения с Англиканской церковью и станет унитарием. После того как для получения степени магистра искусств ему предложат произнести клятву верности, он откажется, и вскоре опубликует свое «Обращение к жителям Кембриджа», в котором открыто заявит о своей вере и призовет власти и университет к религиозной терпимости¹¹. После этого руководство университета было вынуждено лишить его всех должностей в Колледже Иисуса, но, учитывая большую популярность среди студентов, его оставили в стенах университета. Зная, что связь с диссентером может навредить младшему брату, Джордж Кольридж еще в начале 1792 г. предупреждал Сэмюэля быть осторожней, зная, что если тот отклонится от Англиканской церкви, то лишится степени и шанса на стипендию в колледже. В ответ будущий поэт отвечал брату, что «компания мистера Френда отнюдь не предосудительна. Даже сам Пирс¹² близок с ним¹³».

Это обращение спровоцировало Сенат университета на создание документа, в котором содержалось требование о судебном преследовании Френда и отвергались «принципы, рассчитанные на то, чтобы ввести в заблуждение умы молодых людей»¹⁴. Сложившаяся ситуация стала для противников Френда удобной возможностью для мобилизации всего аппарата университетской власти. 3 апреля руководство Колледжа Иисуса большинством голосов (7 против 4) приняло решение об исключении Френда, что заставило того подать апелляцию в Сенат университета¹⁵. Начавшийся 3 мая процесс привлек такое внимание, что первоначальное место заседаний в здании юридического факультета пришлось сменить на более вместительное помещение Сената университета. В течение мая состоялось восемь судебных заседаний, каждое из которых длилось от 3 до 6 часов. Обвинитель Томас Киплинг, следуя

¹¹ An address to the inhabitants of Cambridge and its neighbourhood, occasioned by Mr. Friend's late address, and designed as an answer to it. Cambridge, 1788.

¹² Уильям Пирс (1744–1820) – священник и магистр Колледжа Иисуса в Кембридже.

¹³ Collected Letters of Samuel Taylor Coleridge. Vol. 1. 1785–1800. Oxford University Press, 1956. P. 20.

¹⁴ Gunning H. Reminiscences of the university, town, and county of Cambridge, from the year 1780. Vol. 1. Cambridge, 1854. P. 255.

¹⁵ Ibid. P. 262.

протоколам о проведении подобных дел, потратил первые четыре заседания на попытки доказать авторство Френда, хотя сам Френд неоднократно прерывал Киплинга, с юмором напоминая, что эта информация и так указана на титульной странице брошюры [7, р. 29]. Безусловно, Кольридж не мог не присутствовать на этих заседаниях. Вероятнее всего, тот саркастический тон, который он заметил у Френда, подтолкнул Кольриджа к использованию насмешек и юмора как средство убеждения в его будущих политических речах, особенно в газете «The Watchman» [4, р. 117]. По воспоминаниям Ганнинга, «студенты единодушно высказывались в пользу мистера Френда, и каждое сатирическое замечание, бросающее вызов поведению и мотивам его обвинителей, бурно приветствовалось»¹⁶.

Так, например, в опубликованных материалах о деле Френда рассказывается, что обвиняемый в шутку вспоминал Священное писание: «в одном месте я читал, что Ахитофел¹⁷ пошел и удавился, а в другом сказано: иди и ты поступай так же, – совет, который я не собираюсь давать моему обвинителю»¹⁸, что вызвало бурные овации и смех у присутствующих студентов. Кульминацией защиты стало 24 мая, когда Френд в течение пяти часов излагал свою позицию. Несмотря на это, через три дня был вынесен обвинительный вердикт, хотя ему и предоставили возможность отречься от своих взглядов. После шести дней раздумий Френд с негодованием отверг это предложение. В это время весь город был исписан студентами словами поддержки «Френд навсегда!», «Френд и Свобода!» [7, р. 30], а одним из наиболее активных сторонников опального диссентера был С.Т. Кольридж¹⁹. Последовавшая апелляция в Суд делегатов была отклонена 29 июня, и Френд был вынужден покинуть Кембридж, после чего отправился в Лондон, где он отойдет от активной политической жизни, но будет активно коммуницировать с участниками Лондонского корреспондентского общества.

Окончательное изгнание Френда из Кембриджа продемонстрировало, что университет, некогда бывший центром терпимости, более не приемлет инакомыслия, видя в нем угрозу государству. Дело Френда показало, что в новой постреволюционной реальности религиозная идентичность

¹⁶ Gunning H. Reminiscences of the university, town, and county of Cambridge, from the year 1780. Vol. 1. Cambridge, 1854. P. 272.

¹⁷ В Библии мудрейший советник царя Давида, который впоследствии его предал, перейдя на сторону его сына Авессалома. Однако Авессалом не слушал его советов, из-за чего проиграл, а Ахитофел был вынужден покончить с собой.

¹⁸ William Friend, An account of the proceedings of the University of Cambridge against William Friend. Cambridge, 1793. P. 66.

¹⁹ Gunning H. Reminiscences of the university, town, and county of Cambridge, from the year 1780. Vol. 1. Cambridge, 1854. P. 270–274.

диссентера стала неотделима от политической неблагонадежности. Это был конец эпохи терпимости и начало времени, когда лозунг «Церковь и Король!» стал не просто патриотическим возгласом, а идеологическим оружием в борьбе за умы и сохранение «старого порядка».

Сам же Кольридж встал на путь политического радикала. Его привлекали диссентерские взгляды Френда. Он станет священником унитарной церкви на несколько лет, а также начнет борьбу за мир, справедливость и веротерпимость, чему посвятит несколько следующих лет своей жизни.

Библиографический список / References

1. Айзенштат М.П. История в политическом дискурсе Британии в 90-е годы XVIII века // Люди и тексты. Исторический альманах. 2023. № 16. С. 131–160. [Aizenshtat M.P. History in British political discourse in the 1790s. *Lydi i teksty. Istoricheskiy almanah*. 2023. No. 16. Pp. 131–160. (In Rus.)].
2. Crosby M. The voice of Flattery vs sober Truth: William Godwin, Thomas Erskine and the 1792 trial. *The Review of English Studies. New Series*. 2011. Vol. 62. No. 253. Pp. 90–112.
3. Knight F. University rebel: The life of William Frend (1757–1841). L., 1971.
4. Norman D. Coleridge's humour in *The Watchman*. *Romanticism*. 2019. No. 25. Pp. 117–128.
5. Roe N. Wordsworth and Coleridge: The radical years. Oxford University Press, 2018.
6. Rose P.B. The Priestley Riots of 1791. *Past & Present*. 1960. No. 18. Pp. 68–88.
7. Zall P.M. The cool world of Samuel Taylor Coleridge: The Trials of William Frend. *The Wordsworth Circle*. 1971. Vol. 2. No. 1. Pp. 26–31.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025, принята к публикации 19.01.2026
The article was received on 10.11.2025, accepted for publication 19.01.2026

Сведения об авторе / About the author

Кунцын Александр Александрович – кандидат исторических наук; доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; старший преподаватель кафедры истории (СГН-1), Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана

Aleksandr A. Kunitsyn – PhD in History; associate professor at the Department of Modern and Contemporary History of European and American Countries of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; senior lecturer at the History Department, Bauman Moscow State Technical University

E-mail: alexandermartes@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-102-118

УДК 94(410)

А.К. ШабунинаИнститут всеобщей истории Российской академии наук,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Голод как маркер бедности в социокультурном пространстве викторианской Англии

В статье анализируется рецепция голода и ее отражение в социокультурном пространстве Англии XIX в. Актуальность темы объясняется интересом современного научного сообщества к анализу форм противодействия бедности в исторической ретроспективе, расширению проблемных полей в рамках современной парадигмы трансдисциплинарности. Исследование ставит своей целью выявить отношение викторианцев к голоду как к последствию бедности, порицаемой в социуме. Объектом исследования выступают культурные и аксиологические основания рецепции и этического оценивания феномена голода в викторианском обществе. Исследование выполнено в рамках актуального научного направления новой социальной истории, базируется на принципе историзма и интердисциплинарности, что позволило рассматривать голод не только как социально-биологическое явление, но и анализировать его в поле социокультурных практик викторианцев. Источниковой базой исследования выступил комплекс источников из коллекции Национального архива Великобритании и викторианская пресса. В ходе исследования было выявлено, что в викторианском обществе были распространены страхи, связанные с общественным порицанием бедных, которые оказывали влияние на повседневные практики потребления и эффективность помощи пауперам в рамках всей страны. Автор приходит к выводу, что голод как проявление нищеты и социальное явление оценивался современниками через традиционно сложившиеся ценности, в иерархии которых наиболее доминирующей являлась аксиологическая категория «труд» и связанные с ней социально одобряемые этические нормы и поведенческие практики.

© Шабунина А.К., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: викторианская Англия, социокультурные практики, викторианская мораль, голод, бедность, пауперы, аксиологический подход, социальный компромисс

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Шабунина А.К. Голод как маркер бедности в социокультурном пространстве викторианской Англии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 102–118. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-102-118

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-102-118

A.K. Shabunina

Institute of World History Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

Hunger as a marker of poverty in the socio-cultural field of Victorian England

The article analyzes the reception of famine and its reflection in the sociocultural space of 19th century England. The relevance of the topic stems from the contemporary scholarly community's interest in analyzing forms of poverty resistance in historical retrospect and expanding the scope of problematic fields within the modern transdisciplinarity paradigm. The study, presented in the article, aims to identify Victorians' attitudes toward famine as a consequence of socially stigmatized poverty. The object of the research is the cultural and axiological foundations of the reception and ethical evaluation of the phenomenon of famine in Victorian society. The study, conducted within the framework of the current scholarly field of modern social history, is based on the principles of historicism and interdisciplinarity, which allows the article to consider famine not only as a socio-biological phenomenon but also to analyze it within the framework of Victorian sociocultural practices. The research source base is a set of sources from the collection of the National Archives of Great Britain and Victorian periodicals. The study revealed that fears associated with the social stigma of poverty were widespread in Victorian society, influencing everyday

consumption practices and the effectiveness of pauper aid nationwide. The article concludes that famine, as a manifestation of poverty and a social phenomenon, was assessed by contemporaries through traditionally established values, the most dominant in the hierarchy of which was the axiological category of “work” and the socially approved ethical norms and behavioral practices associated with it.

Key words: Victorian England, sociocultural practices, Victorian morality, hunger, poverty, paupers, axiological approach, social compromise

CITATION: Shabunina A.K. Hunger as a marker of poverty in the socio-cultural field of Victorian England. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 102–118. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-102-118

Голод в социокультурном пространстве викторианской Англии выступал как ординарное явление событийности. Вопросы, связанные с ограниченностью потребления и недоедания, отразились в исторической памяти англичан и стали постоянным рефреном межклассового диалога на фоне демографического всплеска начала XIX в., ограниченности и зависимости сельскохозяйственного рынка Британии от зарубежных поставок. На восприятие потребления бедняков оказывали влияние и страхи о голоде, вызванные отсутствием в ранневикторианском обществе мер социальной поддержки, которые были бы соразмерны переломным экономическим изменениям периода промышленной революции.

Голод и прецеденты голодной смерти бедняков становились маркером, который, с одной стороны, фиксировал в оценках низовой викторианской культуры уровень благополучия страны, с другой стороны, позволял судить об эффективности проводимой внутренней политики парламента. В свою очередь, периодически повторяющиеся эпизоды преодоления голода в долгой исторической памяти способствовали проникновению его как мировоззренческой оценочной категории в культурное поле, оказались вписанными в систему ценностно-значимых концептов.

В первой трети XIX в. вопросы продовольственной безопасности Англии стояли как никогда остро. Война с наполеоновской Францией и связанная с ней континентальная блокада подчеркнули проблему ограниченности рынка зерна. В этих условиях среди правящей элиты происходит пересмотр роли голода и связанных с ним бедствий в понимании социальных и демографических процессов, происходящих в период бурной урбанизации, вызванной промышленной революцией.

Был сформирован новый дискурс о голоде, где голодающие вызывали у современников не сострадание, а осуждение. Он сформировался благодаря соединению в одном интеллектуальном пространстве, во-первых, набравших популярность идей Т. Мальтуса, предупреждавшего о необходимости ограничения численности населения в стране, чья скорость рождаемости, по мнению современника-экономиста, превзошла способность увеличивать запасы продовольствия [3, р. 5–6]; во-вторых, идей протестантизма и специфичной викторианской морали, стремящейся не допустить распространение пороков социального дна.

Голод как следствие бедности оценивался через идею трудолюбия, неприятия тунеядства. При этом можно говорить, что вопросы, связанные с голодом как с социокультурным явлением и связанный с ним страх в среде рабочих вытесняли из общественного фокуса диалог о голоде как исключительно биологическом явлении. Однако страх голода оставался и постоянно поддерживался экономической нестабильностью, дополнялся страхом быть порицаемым, падшим человеком в глазах общественной морали.

Исследователи не обнаруживают свидетельств массового голода, охватившего всю территорию Англии и все социальные группы в викторианский период. Однако голод и связанные с ним страхи, отраженные в культуре и мировоззрении, оказывали влияние на реализацию социокультурных практик, оценивание обществом происходящих трансформационных социально-экономических процессов.

Прецеденты голода вызывали страхи среди бедняков и давали политическим оппонентам аргументы в рамках межпартийного противостояния. Недоедание широких групп бедняков на фоне имперских успехов могло быть воспринято как свидетельство провала внутренней политики и как причина роста революционных настроений. В политическом пространстве викторианской Англии проблему голода было необходимо решать и сглаживать, что формировало защиту властной элиты от социальной дестабилизации, вызванной голодными бунтами пауперов. Радикальные политики призывали «избавить Мегалополис от сокрушительной бедности, спасти от ужасного национального позора англичан, умирающих от голода на наших улицах»¹. Дж.Ст. Милль расценивал голод буквально как «провал управления» [2, р. 8]. При этом для викторианцев проблемы экономического и социального характера отражались в культурной плоскости, затрагивали вопросы эволюции социальной доктрины и морали трансформирующегося общества. В частности, Милль подчеркивает: «политика должна формироваться с пониманием

¹ Bee-Hive. 1869. Dec. 18.

того, что экономический и моральный миры составляют единую взаимосвязанную систему. Реформы в одной сфере практически бессмысленны без реформ в другой» [2, р. 9]. Общество было обеспокоено тем, как голод и недоедание могут повлиять на культуру и мировоззрение бедняков. Современники задавались вопросом о влиянии недоедания на восприятие бедняками лояльно существующей общественной морали и как скажутся прецеденты голодных смертей на радикализацию социальных низов. В ранневикторианский период утверждается мысль, что формирование нравственного образа рабочего, следующего викторианской морали и протестантской этике, должно происходить в условиях достаточного продовольственного обеспечения. В частности, газеты вопрошают: «Бедняки опустили до самого низкого уровня существования: картофель и соль часто являются их единственной пищей. Кто может сказать, как они должны сохранить свой моральный облик, проходя через такие мучительные трудности? Когда средства содержания бедняка хуже, чем в тюрьмах, какое может быть устрашение в законе? Когда его труд не позволяет ему содержать семью, которая ему доверяет, когда он видит вокруг себя полуголодную жизнь, какой может быть импульс к развитию промышленности?»². Считалось, что формирование личности и моральных качеств бедняка для викторианца были связаны с вопросами количественного и качественного потребления продуктов. Борьба с голодом при этом воспринималась как защита страны. Раздавались призывы: «Необходимо решительно выступить и поддержать нынешнее движение за приведение страны в надлежащее состояние защиты, движения против смертей от пьянства и голода»³. Однако в управленческих практиках ранневикторианской властной элиты проблема голода связывалась с необходимостью не проводить социальные реформы, а искать причины недоедания в невежестве бедняка, нежелании работать и склонности к моральным порокам. Голод рассматривался в более широком контексте, нежели экономическое и биологическое явление. Он выступал оценочным инструментом «культурного» в реализации викторианцами своих социокультурных практик для выявления с морально-ценностной точки зрения «одобряемого» и «порицаемого» англичанина в пространстве повседневно-бытового взаимодействия.

Выбор модуса социального поведения викторианца был обоснован «обычаями, культурой и разумом» [5, р. 78–79]. Недоедание среди бедняков оказывало влияние на оценку политической ситуации в стране через аксиологическую призму и затем влияло на поведенческий

² Keene's Bath Journal. 1838. Nov. 29.

³ Sheffield Daily News и Morning Advertiser. 1859. Dec. 28.

выбор. И если рассматривать голод как фактор распространения протестных настроений, то «при условии присутствия первичного стимула дистресса, поведение вкладывалось в выполнение более сложной, культурно опосредованной функции... для мировосприятия англичан можно прочесть некое узаконивающее понятие почти в каждом продовольственном бунте: еда придавала легитимность действиям мятежников, поскольку они считали, что они защищали права и обычаи общества» [5, р. 79]. Не сам голод, а нарушение в глазах социальной этики негласных законов и прав, а также аксиологическая оценка обществом бедняков создавали условия для социального отчуждения разных общественных страт.

Восприятие общества как единой социокультурной среды, а не суммы культурно-этических субсообществ внутри своей страты, требовало от викторианцев стремления к социальному консенсусу, единения нации для решения социальных проблем.

В ряде протестных выступлений бедняков, относящихся к более раннему периоду, нежели хронологические рамки данного исследования, можно проследить мысль, что именно закон и его соблюдение состоятельными слоями общества должны были обеспечить необходимый уровень жизни честно трудящегося человека. Фактически, призывая к радикальным выступлениям, бедняки одновременно могли выступать в защиту прав и закона страны. Такая диспозиция реализовывалась в рамках той рецепционной модели социальных отношений, которая была выстроена в патерналистских традициях провинциальных графств, а благодаря процессам миграции и урбанизации провинциальные оценочные рамки все более проникала в низовую городскую культуру. Необходимо отметить, что в традициях английской протестной культуры заявление бедняка о том, что он голодает, в рамках культуры действующего социального договора означало «призыв к хаосу и беспорядку, голод был языком просьб, призывом о помощи и милосердии. Голодная смерть была языком сопротивления» [1, р. 33].

В городской низовой культуре распространяются страхи, так или иначе связанные с голодом, но напрямую не вызванные им. Страх голода вызывался комплексом социокультурных причин, где в условиях объективной скудости рациона рабочих и бурных обсуждений прецедентов голодных смертей в прессе пауперы, в первую очередь, боятся быть признанными голодными, встретиться с порицанием и социальным стыдом, нежели действительно испытывать биологический голод. Данный социокультурный феномен сочетает в себе и спектр проблем, вызывающих голод, и может быть вписан в более широкий контекст восприятия бедности в социокультурном пространстве викторианской Англии.

Голод как постоянный спутник городского паупера и сельского батрака в восприятии викторианцев из средних и элитарных слоев связывался с такими пороками социального дна, как воровство, алкоголизм и проституция. Общественность, желая видеть следование бедняков определенному социально одобряемому образу поведения, через попечительские советы и благотворительные организации могла отказать пауперу в помощи, даже если его «социальный грех» не был доказан. Признать себя голодающим означало признать себя бедным. Тогда как, согласно созданному Г.Р. Бакстером клише, что работный дом является «бастилией для бедных»⁴, обращение за помощью становилось актом признания себя преступником в глазах общественной морали.

Голод и работный дом рассматривались как устрашающие следствия тунеядства, которое воспринималось нарушением трудовой этики и аксиологических канонов протестантского социума. На страницах газет мелькали призывы к бережливости и рациональности, играя на типичных страхах викторианцев. Так, призывая к необходимости зимних продуктовых заготовок, провинциальная газета “Bury and Norwich Post” восклицает: «Невыносимая боль перед следующей зимой, и не боитесь ли вы, что единственный выбор, который останется у вас, будет выбором между голоданием и работным домом!»⁵. Схожие опасения в это же время выражает заметка столичной газеты: «Наш конец будет заключаться в том, что тысяча будет вынуждена избежать голодной смерти, ища убежища в работном доме, месте, которого они так боялись, в безжалостном месте»⁶. Демонстрация маркеров бедности означала признание себя паупером не только с экономической точки зрения. Ситуацию недоедания, нужды старались скрывать, поддерживая респектабельный образ до тех пор, пока это было возможно. В связи с чем нередко в работный дом обращались только в ситуации крайней нужды. Так, большинство случаев голодной смерти в работном доме происходили в первые сутки помещения в заведение. Архивы сохранили сведения о том, что в это время рабочих кормили одобренной попечителями рациональной диетой, без какого-либо сокращения, однако, поскольку многие бедняки обращались в работный дом как к крайней мере в силу действующих социокультурных страхов, их степень истощения в ряде случаев была настолько сильной, что врачи уже не могли им помочь. Регистрационные книги работных домов показывают печальную статистику, состоящую из кратких сообщений о голодной смерти только что

⁴ Baxter G.R. The book of the Bastiles; or, The history of the working of the new poor law. L., 1841.

⁵ Bury and Norwich Post. 1849. Dec. 25.

⁶ Bell's Weekly Messenger. 1849. Dec. 24.

обратившихся за помощью бедняков. Таково сообщение от 20 октября 1842 г. в журнале работного дома в Танстеле (Стаффордшир), фиксирующее смерть 35-летней женщины от «недостатка пищи и жизненной потребности»⁷. Ее нашли еще 17 октября на улице под навесом, определили в работный дом, но спасти женщину не удалось.

Смерть в рабочих домах не была редкостью, однако причинами зачастую становились условия жизни на улицах и в городских трущобах до помещения паупера в соответствующие заведения помощи. Заключение хирурга и местных врачей по прецеденту голодной смерти бедной женщины в 1847 г. в Сомерсете прямо отмечает: «Умерла от недостатка необходимых для жизни вещей, чему, несомненно, способствовала ненастная погода. Нельзя винить офицеров, принимающих в работный дом, поскольку она, кажется, предпочла смерть, чем пойти вовремя в работный дом»⁸. Для помощи такой категории бедняков после их смерти направлялись записки-рекомендации из Министерства здравоохранения в местные рабочие дома. Таковым был прецедент голодной смерти в 1851 г. в Бристоле, описанный в письме Джорджа Корнуолла, викария Паблоу, в Комиссию по делам о бедных по делу Джойса Брайанта, где отмечалось, что он умер от голода вскоре после того, как искал убежища с дочерью в приходе. Результатом обмена донесениями становится рекомендация правительства к рабочим домам, которая призывает «опекунов инструктировать посменно работающих в рабочих домах офицеров и предлагать помощь всем обратившимся, учитывая, что особенно усиленная помощь должна быть оказана слабым, робким и невежественным, на состояние которых может повлиять время и промедление оказания помощи»⁹. Подобные ситуации, в силу специфики прецедентного права Великобритании, становились импульсом для изменений внутреннего распорядка и снабжения рабочих домов. Внедрение нового закона о бедных требовало корректив в следующие десятилетия и в целом улучшало положение пауперов. Однако множество сообщений о смерти в рабочих домах, в т.ч. освещавшихся в газетах, делало образ данного учреждения все более устрашающим в восприятии паупера, что в общем социокультурном поле Англии делало систему рабочих домов, несмотря на ряд нововведений и улучшений, менее эффективной мерой борьбы с бедностью.

⁷ Copy of an entry from the Register of Deaths // The National Archives (TNA). MH 12/11196/327. P. 562.

⁸ Letter from Mr. C. Collins, Medical Officer for District // Ibid. MH 12/10322/301. 10684/B/1847. P. 483.

⁹ Letter from George Cornwall, Vicar of Publow, near Pensford // Ibid. MH 12/10322/242. P. 395.

Голод как маркер девальвации respectable статуса и социального реноме в корне менял взгляд на недоедание. Переноса проблему «еды–голода» в фокус социокультурных мировоззренческих категорий, викторианцы начинали формировать новые ценностные связи, где голод и голодная смерть могли выступать как инструмент воспитания и мотивации. Голод и еда могли быть «хорошими» и «плохими», «правильными» и «неправильными»; через эти категории повседневности могла происходить оценка поведения и статуса человека и семьи, которую он представлял.

В викторианский период происходит эволюция от голода «воспитывающего», мотивирующего бедняка на работу, до голода как негативного явления, приносящего страдание и с которым нужно бороться как с социальным злом. Располагая людей и образы ближе или дальше к полюсам дихотомии «еда–голод», современники считывали и демонстрировали друг другу состоятельность, рациональность распределения доходов, прагматизм, а также такие понятия, как благонадежность и respectable. Через категорию «еда» викторианец мог показать свой статус, свою лояльность общественной морали. В рамках дихотомичного восприятия существовала и обратная связь. Особенно ярко это проявлялось в ситуациях обращения в работный дом – акте, наиболее явно сигнализирующем о «переходе» рабочего в ряды порицаемых.

Социальная стигма как общественное клеймо, налагаемое на тех, кто оказывался в работном доме, могла порождать трагическую ситуацию. Паупер, спасаясь от голода, должен был смириться, что из уважаемого и добросовестного работника он в сетке моральных координат общества превращался в бездельника и изгоя, которого необходимо было изолировать в работном доме.

Рабочие, потерявшие работу, встречались не только с экономическими затруднениями, но и с резким изменением их восприятия социумом. Однако если было доказано, что паупер стал бедняком в силу объективных обстоятельств, а его поведенческий паттерн и следование социальной этике были прежде безупречными в глазах социальной морали, то общественность могла сделать исключение. На местах филантропы и магистраты могли идти вразрез принципам нового закона о бедных 1834 г. и спасти семью от социального позора помещения в работный дом, вернувшись, вопреки закону, к раздаче денежных пособий.

Так, зимой 1848 г. было направлено обращение в парламентскую комиссию по делам о бедных «относительно Джозефа Рукрофта, трудоспособного нищего, бывшего шахтера, с женой и шестью детьми из Аркенгартдейла. Рукрофт был нанят по пробной сделке (работа с новым оборудованием. – А.Ш.) которая оказалась полным провалом.

В канун Рождества он попросил помощи, т.к. он и его семья голодали. Поскольку он был трудоспособен, правление отказалось от помощи и предложило работный дом, от которого Рукрофт отказался, заявив, что он попытается отложить подачу заявления еще на одну неделю»¹⁰. Подобные прецеденты вызывали общественный резонанс и в ситуации, когда моральные нормы сталкивались с законодательными предписаниями, опекуны на локальном уровне нередко шли на нарушение закона и поддерживали бедняков теми формами, которые не могли запятнать их репутацию. Дело Рукрофта приняло позитивный оборот: «когда он повторно подал заявление в состоянии предельной нужды и голода, то совет одобрил денежную помощь в 12 шиллингов на одну неделю. Опекуны заявляют, что, поскольку дело Рукрофта исключительно, они надеются, что комиссары комиссии (Парламентская комиссия по делам бедных. – А.Ш.) одобряют денежные выплаты хорошему шахтеру»¹¹. В анализируемом документе неоднократно подчеркивается, что рабочий был трудоспособен и трудолюбив, чем создавался позитивный образ паупера, косвенно предлагалась его оценка для рассмотрения лондонскими комиссарами. Центральные власти отдельно рассматривают дело, принимая резолюцию: «ослабить запретительный порядок в случае Рукрофта»¹², таким образом, именно восприятие бедняка как «хорошего» работника позволяло обелить нуждающегося в глазах викторианцев.

Для социокультурного поля викторианского общества труд был основополагающей ценностной идеей, формирующей взгляд на социальную этику. В ряде случаев эта идея оказывалась более доминирующей в моральной плоскости, нежели закон и право. Бедняк, в поведении которого считывался социально одобряемый идеал труженика, воплощенный в понятиях трудолюбия и усердия, находил более широкое одобрение и вызывал большее сочувствие среди общественности, попечителей и филантропов, особенно в контексте рассмотрения дел, связанных с бедностью и помещением в работный дом. Репрезентация связи «голода» и «труда» в позитивной коннотации о трудолюбии рабочего как способе преодоления нужды вызывало большее сочувствие и способствовало повышению лояльности к рабочим семьям и стремлению избавить их от маркеров бедности, в т.ч. голода.

Схожий прецедент можно фиксировать в отношении бывшей медсестры Мэри Баллам, которая «11 лет жила в Саутгемптоне и исполнила долг медсестры до тех пор, пока возраст и немощь не вывели

¹⁰ Letter from Thomas Oliver on behalf of John Bailey Langhorne // The National Archives (TNA). MH 12/14588/71. P. 111.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

ее из строя... Ей отказались выплачивать пособие и вместо этого предложили ей место в работном доме. Вдова Баллам не хотела идти в работный дом. Она чувствовала, что может содержать себя, сочетая пособие вместе с небольшими заработками, которые она по-прежнему получала в качестве медсестры. Более того, она считала, что ее 67 лет дают ей право на пособие»¹³. При подаче запроса в парламентскую комиссию краткая история жизни медсестры сопровождалась письмами от представителей общественности, в которых подчеркивались ее трудолюбие, отзывчивость, готовность к выполнению долга. Обращение к парламентариям заканчивалось просьбой «возобновить выплату помощи Мэри Баллам, поскольку ее спасает от голода только ее доброта и доброта друзей»¹⁴. Позже для женщины установили выплаты, хотя в других подобных случаях, к которым не было приложено указаний на трудолюбие работника, рекомендацией было лишь помещение в работный дом.

На региональном уровне, в обход закона о бедных, в отношении обедневших рабочих, демонстрирующих одобряемый паттерн поведения в духе протестантской этики, могли быть выработаны отдельные формы спасения от голодной смерти. Рассматривая «Дело Роберта Сиварда, трудоспособного нищего пивовара» (1841), становится заметно, как общественность принимает решение в отношении трудолюбивого человека, находясь в мировоззренческом поле критериев социокультурной оценки бедняков.

Дело показывает, что Сивард, сельскохозяйственный рабочий 42 лет, женатый на женщине 47 лет и имеющий семерых детей, находится в бедности: «этот трудоспособный нищий просит о помощи на том основании, что он зарабатывает всего 7 шиллингов в неделю в качестве сельскохозяйственного рабочего, и только две его старшие дочери получают скудную заработную плату, работая кружевницами. Он должен заплатить от 1 до 2 шиллингов арендной платы, и поэтому не может содержать свою семью»¹⁵. Данный текст составлялся на основе показаний бедняков секретарем прихода, снабдившим дело рабочего следующим резюме: «Обсуждение и последующее решение опекунов по просьбе этого трудоспособного нищего о помощи имеет большое значение с учетом недавнего запретительного приказа (запрет на раздачу милостыни. – А.Ш.), изданного комиссией министерства. Поэтому опекуны запрашивают мнение Комиссии по поводу их решения по делу,

¹³ Letter from G. Brown to the Poor Law Board // The National Archives (TNA). MH 12/10999/238. P. 412.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Letter from Charles Bond, Clerk to the Guardians of the Axminster Poor Law Union // The National Archives (TNA). MH 12/2096/249. P. 458.

а именно о предоставлении жилья в рабочем доме двум детям, Джону и Роберту»¹⁶.

Неудивительно, что в условиях только что вышедших рекомендаций правительства для решения проблем пауперизма использовать не помощь деньгами, а систему рабочих домов, ответ правительственной комиссии был отрицательным: «Комиссия не согласится на возврат к системе пособий, и ее члены требуют, чтобы за двумя детьми были отправлены остальные дети. В случае если заявителю потребуется дополнительная помощь, что, учитывая его низкую заработную плату, будет необходимо, то тогда ему нужно предложить рабочий дом для него самого и всей его семьи. Рабочие классы должны быть научены принимать предложение правительства, а не доводить свои семьи почти до голода, в ситуации, возникшей из-за выплаты такой низкой заработной платы»¹⁷. Комиссия настаивает на предоставлении рекомендуемой помощи, делая акцент на голоде как проблеме социальной и аморальной, которую необходимо было решить в рамках принятого законодательного поля.

Однако, получив решение комиссии, попечители рабочего дома не стремятся его исполнять и идут вразрез с введенным законодательством, предлагая собственный компромиссный вариант помощи трудоспособному рабочему: «Возможно создать альтернативу для рабочей семьи и дать возможность Сиварду спасти свою семью от голода. Этот единственный способ – дать ему работу со справедливой оплатой труда, которая увеличила бы его заработок, а также трудоустроить с разумной зарплатой всех трудоспособных детей»¹⁸. Стремление к труду и нежелание пауперов демонстрировать маркеры бедности давало возможность социального спасения. Указание на это парламентариям приводит к тому, что на последнем листе дела появляется резолюция: «Комиссия разрешит помощь»¹⁹.

В данном деле произошло столкновение стремлений выполнять предписание парламента в рамках строгого следования закону с действующими моральными концептами общества, ценящего трудолюбие и семейные ценности. Утвержденный вариант помощи рабочему был исключительным случаем, демонстрирующим, что аксиологическая категория «труд», ее мировоззренческая ценность при реализации

¹⁶ Letter from Charles Bond, Clerk to the Guardians of the Axminster Poor Law Union // The National Archives (TNA). MH 12/2096/249. P. 458.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Letter from Charles Bond, Clerk to the Guardians of the Axminster Poor Law Union // The National Archives (TNA). MH 12/2096/249. P. 459.

социокультурного выбора могла быть выше даже идеи закона в викторианском обществе, в т.ч. среди представителей правящей элиты.

Средние классы викторианского общества стремились, прежде всего, точно заполнять наиболее глубокие лакуны социального диалога, что при условиях прецедентного мышления формировало позитивный образ представителя интеллигенции, вызывающий доверие как среди элиты, так и пауперов. Рассматривая социальный кризис в ракурсе изучения повседневно-бытовых паттернов поведения, становится заметно, что деятельность среднего класса викторианского общества проявлялась тем ярче, чем более ощутима в повседневной культуре была полярность между богатыми и бедными. Отмечу, что проблема еды и голода более всего обострялась в периоды праздников, особенно Рождества, где в фокус социокультурного конфликта в момент праздника попадали одновременно такие ведущие аксиологические категории, как религия, мораль, дом, семья, действующие на фоне резкого социального контраста. Британский исследователь Т. Мур подчеркивает: «Может показаться, что рождественская литература с ее прославленными описаниями переполненных столов и веселья не имеет места для обсуждения другой крайности – голода. Однако большая часть литературы XIX в., содержащей рождественские повествования, напрямую связана с национальными страхами перед голодом. Голод вошел в рождественскую литературу сначала как часть социальной аргументации, а затем как забота об устойчивой национальной идентичности, которая переплелась с самим Рождеством. Такие писатели, как Чарльз Диккенс, Бенджамен Фарджон, Августус и Генри Мейхью, создатели журнала “Punch” и Мэри Элизабет Брэддон, были авторами рождественских произведений, которые демонстрировали литературную реакцию на развивающиеся проблемы голода» [4, р. 489].

Рождественские книги ежегодно поднимали вопрос о голодных бедняках в рамках развивающейся риторики благожелательности по отношению к бедным. При этом растущий коммерциализм подчеркнул стремление общества к показному потреблению, одновременно высветив ту часть населения, которая не могла прокормить себя и, тем более, продемонстрировать в духе существующей морали свою респектабельность. Считываемый социальный конфликт представители интеллигенции предлагали сгладить при этом не через пересмотр классовой иерархии для предотвращения голода в будущем, а наполняли произведения романтизированными патерналистическими настроениями и приковывали внимание к наиболее острым социальным прецедентам вокруг проблем голода через романы, памфлеты, эссе и газетные статьи, что закрепляло статус голода как маркера бедности, приковывая к нему внимание общественности, а затем и властей.

Нередки были случаи, когда парламентарии делали отдельные запросы к местным властям в связи с газетными статьями, описывающими прецеденты голодной смерти, в ряде случаев требуя дополнительного рассмотрения дела. Такая хронология отражена в общественно-политическом диалоге произошедшей летом 1890 г. смерти Элизабет Баррет. Первые газеты с печальной новостью появляются в субботу 29 июня 1890 г., всего данный прецедент упоминали не менее 11 газетных выпусков. Уже 29 июня “Lloyd’s Weekly Newspaper” впервые пишет об обстоятельствах голодной смерти трудолюбивой вдовы²⁰. 4 июля 1890 г. в парламенте обращаются к местным властям по поводу смерти Э. Баррет, которые в ответ обещают собрать информацию о причинах смерти²¹. 5 июля о смерти кратко упоминает “Hampshire Independent”²², передавая локальную лондонскую новость в южные графства. 6 июля выходит еще одна заметка, где журналист приходит к выводу, что «такие смерти, как смерть Элизабет Баррет, безусловно, дискредитируют нашу систему оказания помощи бедным»²³. 8 июля парламентарий К. Грэхем озвучивает в парламенте следующее требование: «Я прошу запросить у председателя совета местного самоуправления, первое, будет ли он наводить справки о голодной смерти неизвестного человека в прошлую пятницу в общежитии на Хай-стрит, Вулидж. Второе, заметил ли он, что доктор Джеймс Уотсон уже доложил перед коронером, что, по его мнению, смерть наступила из-за голода, с чем были согласны присяжные, и третье, есть ли у него еще информация о голодной смерти Элизабет Баррет?»²⁴.

13 июля в воскресном номере газеты “Reynolds’s Newspaper”, в ответ на внимание парламента к освещению в газетах голодной смерти, размещаются призывы к пересмотру Закона о бедных: «Трагическая судьба постигла шестидесятилетнюю вдову Элизабет, которая умерла от голода, будучи вынужденной голодать. Медицинское освидетельствование показало, что ее тело было полностью лишено жира, а кишечник пуст, что свидетельствует о долгом и мучительном голодании... Причина такой жестокой участи остается неясной, возможно, это и проявление непостижимых замыслов судьбы. Несмотря на предъявленные обвинения, никто не мог назвать ее ленивой или злой, она никогда не прибегала к воровству или грабежу. Напротив, Элизабет была образцом

²⁰ Lloyd’s Weekly Newspaper. 1890. June 29.

²¹ Alleged Death From Starvation. *Hansard*. Vol. 346: debated on Friday 4 July 1890.

²² Hampshire Independent. 1890. July 5.

²³ Lloyd’s Weekly Newspaper. 1890. July 6.

²⁴ Death From Starvation At Woolwich. *Hansard*. Vol. 346: debated on Tuesday 8 July 1890. Col. 1094.

трудолюбия. Даже в преклонном возрасте она была скупа на собственные нужды, посвящая все свое время и силы шитью рубашек, работая до изнеможения. Весь год она боролась с голодом, переживая невыносимые страдания, которые, к счастью, мало кто из нас испытывает, но которые мы можем себе представить. Представьте, что эти рубашки, возможно, носят богатые жители Вест-Энда. Подумайте о ее измученных, дрожащих от слабости пальцах, которые с трудом заканчивали работу. Небольшая сумма, которую вы тратите на цветок в петлицу, превосходит ее заработок за целое изделие. Какое чудовищное положение дел – женщина умирает от голода в самом сердце мирового богатства! Несомненно, в будущем должно произойти пробуждение ужаса, если наша социальная система не изменится»²⁵. Данная газетная статья наглядно показывает, что культурно-аксиологический аспект продолжал оставаться доминантой в выборе социального поведения викторианца, нежелания признавать себя бедным.

Ситуация вокруг голодной смерти миссис Баррет показывает и то, насколько лишения социально одобряемого бедняка могли спровоцировать общественный резонанс и дестабилизировать обстановку. И если в 1840-х гг. дестабилизирующей силой выступали сами бедняки и страхи вокруг их возможного протеста, то в конце рассматриваемого периода мощнейшим инструментом стимулирования социальной трансформации становился средний класс, способный на основе популяризации прецедента, созданного в среде пауперов, создать значительный общественный резонанс.

Средний класс и благотворительные организации в поздневикторианский период оказываются на развилке дорог. С одной стороны, путь к мальтузианским принципам был уже закрыт в связи с пониманием последствий данных действий и страхом перед социальным радикализмом; с другой стороны, не было понятно, по какой траектории социального реформирования в проблеме недоедания бедняков можно двигаться дальше. В этих условиях при утверждении в викторианском обществе практики социального компромисса средний класс выбирает формы мягкого давления на парламент и поддержки принимаемого социального законодательства, способного сдержать революционные настроения в обществе.

К концу викторианского периода голод перестает воспитывать, он становится задачей, которую должно было решить все общество.

²⁵ Reynolds's Newspaper. 1890. July 13.

Для заинтересованных групп среднего класса и интеллигенции вопрос недоедания, особенно в условиях институционализированной помощи бедным, становится социокультурным вызовом, где проблемы потребления было необходимо решать, сгладив социальный контраст.

Широкая группа средних классов викторианского общества, поддерживая на практике бедняков, создавала новый образ социальной помощи, который был достаточно эффективен и экономически целесообразен для властной элиты и, одновременно, приемлем для бедняка, свободного от страха работного дома и голодной смерти. В данном конструкте расширяющийся средний класс смог создать канал коммуникации и медиации, ответив на вопрос двух антагонистов и, через дихотомию «еда–голод», показать возможность преодоления условий возрастания конфликтности и радикализации общества.

Можно сказать, что на протяжении викторианского периода перепиывается культурный код бедняка. Экономически паупер все еще продолжает быть нищим, но к концу века он из объекта порицания превращается в адресат направленности помощи, тогда как маркеры бедности, такие, как условия жизни в трущобах, санитарное состояние жилищ и недоедание, выступают вызовами, на которые не могла не реагировать власть, в то время как средний класс, филантропы и представители научной интеллигенции активно начинают предлагать проекты реформирования и модернизации в этих областях, от разработки очистных сооружений до распространения среди бедняков принципов экономной кулинарии.

Таким образом, рецепция голода в викторианский период английской истории была подчинена иерархии социальных ценностей, регламентировалась традициями поведенческих паттернов. Можно сказать, что распространенность недоедания среди бедняков позволяло современникам судить об эффективности внутренней политики государства. Вместе с тем, голод как маркер бедности был вписан в социокультурное поле посредством доминирующей в аксиологическом поле категории труда и трудолюбия.

Библиографический список / References

1. Griffin C.J. The politics of hunger: Protest, poverty and policy in England. Manchester University Press, 2020.
2. Lebow R.N. John Stuart Mill on Ireland. Philadelphia, 1979.
3. Mayhew R. Malthus: The life and legacies of an untimely prophet. Harvard University Press, 2014.

4. Moor T. Starvation in Victorian Christmas fiction. *Victorian Literature and Culture*. 2008. Vol. 36. No. 2. Pp. 489–505.
5. Thompson E.P. The moral economy of the English crowd in the Eighteenth Century. *Past & Present*. 1971. Vol. 50. Pp. 76–136.

Статья поступила в редакцию 29.11.2025, принята к публикации 19.01.2026

The article was received on 29.11.2025, accepted for publication 19.01.2026

Сведения об авторе / About the author

Шабунина Анастасия Константиновна – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник отдела историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва

Anastasia K. Shabunina – PhD in History; senior research fellow at the Department of Historical and Theoretical Research, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: shabunina@bk.ru

С.Д. Ариничев

Кубанский государственный университет,
350040 г. Краснодар, Российская Федерация

Внешнеполитические условия восточной политики Федеративной Республики Германия в 1949–1974 гг.

Настоящая статья посвящена анализу внешнеполитических условий восточной политики Федеративной Республики Германия в 1949–1974 гг. Создание под эгидой конкурирующих блоков двух германских государств отражало конфронтационный характер холодной войны и предопределило особенности внешнеполитического курса ФРГ на восточном направлении в 1950-х – начале 1960-х гг. Изменения международной среды во второй половине 1960-х гг., вылившиеся в разрядку международной напряженности, наряду с внутривнутриполитическими изменениями в ФРГ – приходом к власти кабинета Брандта-Шееля, позволили западногерманскому государству реализовать новаторскую политику в отношении стран Восточного блока. Переход от «жесткой» к «мягкой» конфронтации периода холодной войны вызывает особый исследовательский интерес в условиях кризисных явлений в современных международных отношениях. В ходе исследования использован метод исторического анализа при опоре на концепцию политико-психологического климата М. Хрусталёва. В результате выявлено, что изменения политико-психологического климата по линии «СССР – США» и «ФРГ – страны Восточного блока» внесли вклад в стабилизацию европейской подсистемы и снижение градуса глобального противостояния.

Ключевые слова: восточная политика ФРГ, Остполитик, внешняя политика ФРГ, Вилли Брандт, международные отношения, холодная война, разрядка международной напряженности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ариничев С.Д. Внешнеполитические условия восточной политики Федеративной Республики Германия в 1949–1974 гг. // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 119–131. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-119-131

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-119-131

S.D. Arinichev

Kuban State University,
350040, Krasnodar, Russian Federation

Foreign policy framework of the Federal Republic of Germany's Ostpolitik in 1949–1974

The article is devoted to the analysis of the foreign policy conditions of the Eastern policy of the Federal Republic of Germany (FRG) in 1949–1974. The creation of two German states under the auspices of competing blocs reflected the confrontational nature of the Cold War and predetermined the specifics of West Germany's Ostpolitik in the 1950s and early 1960s. The changes in the international environment in the second half of the 1960s, which resulted in the defusing of international tensions, along with the internal political changes in FRG – the coming to power of the Brandt-Scheel cabinet, allowed the West German state to implement an innovative policy towards the countries of the Eastern Bloc. The transition from the “hard” to the “soft” confrontation of the Cold War period is of particular research interest in the context of crisis phenomena in modern international relations. The research uses the method of historical analysis based on the concept of the political and psychological climate of M. Khrustalev. As a result, it was revealed that changes in the political and psychological climate along the lines of the “USSR – USA” and “Germany – Eastern Bloc countries” contributed to the stabilization of the European subsystem and a decrease in the degree of global confrontation.

Key words: German Eastern policy, Ostpolitik, German foreign policy, Willy Brandt, international relations, Cold War, defusing of international tensions

CITATION: Arinichev S.D. Foreign policy framework of the Federal Republic of Germany's Ostpolitik in 1949–1974. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 119–131. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-119-131

Проведение Россией специальной военной операции на Украине стало отражением окончательной деградации постбиполярной международно-политической системы, которая, к слову, так и не приобрела отчетливой правовой формы. Практическими проявлениями кризиса т.н. «современной системы международных отношений» являются ослабление международных институтов (например, ООН, ОБСЕ), эрозия ряда важнейших международно-правовых режимов (например, в сфере поддержания стратегической стабильности), несостоятельность системы европейской безопасности ввиду игнорирования озабоченностей России, а именно – продолжения процесса расширения НАТО на Восток. К тому же процесс постепенного «перемещения центра мирового развития с Запада, от США и Европы на Восток, в направлении Китая, стран ЮВА, Индии, Бразилии, других стран» [2] демонстрирует отчетливые изменения в мировой экономике и международных отношений по сравнению с 1990 г. и особенно – с 1945 г. Анализ уроков Второй мировой войны, холодной войны, однополярного момента 1990-х гг. необходим для понимания настоящего этапа в развитии международных отношений и мировой политики, нахождения путей выхода из текущего кризиса, осознания, что за военными действиями и концентрацией конфликтности последуют политико-дипломатические средства решения противоречий и разрядка в рамках международно-политической среды. Хоть история и не повторяется буквально, исторические уроки и некоторые исторические рефрены дают благодатную почву для размышлений [10].

Проведение кабинетом Брандта–Шеелла «новой восточной политики» (нем. *Neue Ostpolitik*) отразило общемировую тенденцию к процессу разрядки международной напряженности в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Тем не менее, для перехода от интеллектуального осмысления такой политики к ее практической реализации западногерманскому государству требовались определенные условия. Во-первых, к их числу можно отнести внутривнутриполитическую ситуацию. Приход к власти коалиции Социал-демократической партии Германии и Свободной демократической партии позволил во многом нивелировать негативные проявления восточной политики Христианско-демократического союза Германии в 1949–1969 гг. и сдержать оппозиционную реакцию

христианских демократов в 1969–1974 гг. Во-вторых, нормализация отношений по линиям ФРГ–США, ФРГ–Великобритания, ФРГ–Франция, конструктивное развитие таких отношений, участие ФРГ в процессе западноевропейской интеграции и вхождение ФРГ в НАТО укрепили веру западных партнеров в состоятельность западногерманского государства, хоть и не позволили сгладить все имеющиеся исторические обиды и противоречия. Наконец, преодоление конфликтного характера международно-политической среды 1950-х – первой половины 1960-х гг., разрядка в отношениях между США и СССР создали более прагматичный и конструктивный фон для проведения новаторского внешнеполитического курса ФРГ в отношении СССР и стран социалистического блока. Так, в своих воспоминаниях В. Брандт подчеркивал: «Мы были не против Атлантического союза, а за него, тем более что только вместе с союзниками можно было достигнуть разрядки в Европе и обеспечить мир. Мы были не против тесных отношений с США, а за них. Не против единства Западной Европы, а за него, так же, как и за тесные договорные связи с Францией, которым следовало придать нерушимый характер. Мы были за право на самоопределение и за налаживание сотрудничества между Востоком и Западом, несмотря на фундаментальные различия в системах»¹. Именно становление международных условий, способствующих сглаживанию политической конфликтности и проведению реалистичного внешнеполитического курса в угоду национальным интересам, представляет особый исследовательский интерес с учетом реалий текущего кризиса и современной геополитической обстановки. Таким образом, цель настоящего исследования – анализ внешнеполитических условий восточной политики ФРГ в 1949–1974 гг. Объектом исследования выступают внешнеполитические условия восточной политики ФРГ в указанных хронологических рамках.

Гипотеза исследования заключается в том, что изменение международно-политической ситуации, внешнеполитических условий для ФРГ в конце 1960-х – начале 1970-х гг. позволило реализовать новый внешнеполитический курс на восточном направлении. Для проверки обозначенной гипотезы использован метод исторического анализа при опоре на концепцию политико-психологического климата М. Хрусталёва [15, с. 179–182]. Использование теоретико-методологических наработок отечественного исследователя позволяет соотнести изменения международной среды с полем внешнеполитических возможностей государства. Ниже представлен краткий анализ трансформации международной среды в контексте проведения ФРГ восточной политики в 1949–1974 гг.

¹ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С. 286.

Вторая мировая война, став самым масштабным и кровопролитным конфликтом за всю историю человечества, в военном отношении была завершена актами о безоговорочной капитуляции Германии (8–9 мая 1945 г.) и Японии (2 сентября 1945 г.). Рамки политико-дипломатического урегулирования были закреплены на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.). В итоге на смену Версальско-Вашингтонской – межвоенной – системе международных отношений, пришла Ялтинско-Потсдамская. Договоренности и противоречия ведущих держав антигитлеровской коалиции предопределили характер и особенности функционирования новой системы международных отношений – биполярный и конфронтационный характер, политико-идеологическое противостояние, ядерное измерение, ООН как главный международный институт. При этом именно Германия стала центральной ареной противостояния холодной войны. Провал решения германского вопроса в рамках Совета министров иностранных дел (СМИД) в 1945–1949 гг., Берлинские кризисы 1948–1949 гг., 1958 г., 1961 г., неурегулированность германского вопроса вплоть до 1990 г. отражали несовместимость подходов США и СССР в отношении решения германской проблемы, шире – конфронтационный характер ялтинско-потсдамской системы международных отношений. Создание двух германских государств – Федеративной Республики Германия (ФРГ) 23 мая 1949 г. и Германской Демократической Республики (ГДР) 7 октября 1949 г., равно как и формирование двух противоборствующих военно-политических блоков – НАТО и ОВД – привели к возрождению европейской системы баланса сил [7, с. 446]. Как подчеркивал американский государственный деятель, дипломат, специалист в области международных отношений Г. Киссинджер, «само существование Федеративной Республики [Германия] становилось непрекращающимся вызовом советскому присутствию в Центральной Европе» [Там же]. Таким образом, раскол Германии стал следствием начавшейся холодной войны как неотъемлемой характеристики системы международных отношений после завершения Второй мировой войны.

Формирование основ внешнеполитического курса западногерманского государства неотъемлемо связано с особенностями международной среды рубежа 1940–1950-х гг. – идеологическим, политическим, экономическим противостоянием двух конфликтующих блоков, отсюда вполне логичным выглядит закрепление доктрины Хальштейна – установление и поддержание дипломатических отношений со странами, не имеющими таковых с ГДР, в качестве внешнеполитической стратегии ФРГ. Такой неприкрытый политический шантаж в отношении третьих стран, в первую очередь, развивающихся, а также попытка «путем

силового давления заставить Советский Союз более внимательно отнестись к вопросу объединения Германий» [9, с. 133] ярко отражает конфронтационный острый характер международных отношений периода начала холодной войны. Эволюция же внешнеполитического курса ФРГ в 1950–1970-х гг. оказалась связана со следующими факторами: трансформация советско-американских отношений, а с ними и отношений между Западным и Восточным блоком, развитие процесса западноевропейской интеграции, преодоление последствий крупных политических и экономических кризисов.

Помимо таких объективных причин начала холодной войны, как конфликт идеологий и несовпадающие геополитические программы [16], стоит отметить и психологический, личностный фактор. Отсутствие доверительных отношений между Сталиным и Трумэнном, взаимное формирование негативных образов лидеров государств, политический стиль руководства – все это обостряло противоречия и препятствовало поиску компромиссов. Поэтому выстраивание личного контакта, как и «психологические мотивы и индивидуальные качества главных на тот момент деятелей истории», играли большую роль [Там же, с. 67]. Так, например, во многом личностные качества В. Брандта позволили выстроить и развить неконфликтные отношения ФРГ со странами социалистического блока.

В 1960-х гг. США и СССР достигли военно-стратегического паритета, что привело к осознанию бесперспективности прямого столкновения. Как подчеркивал 35-й президент США Дж.Ф. Кеннеди в 1963 г., «тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут держать большие и сравнительно неуязвимые ядерные силы» [цит. по: 6, с. 35]. Такое высказывание, по верному замечанию советского и российского дипломата, специалиста в области международных отношений А.А. Громыко, отражает «сплав политической зрелости и научных знаний, а также обыкновенного здравого смысла» [6, с. 35]. Желание выработать «правила игры» в качественно новых условиях международной реальности, наряду с широким комплексом иных причин – как, например, формирование новых центров силы, размывание гомогенности блоков, особенности внутривнутриполитической ситуации (отстранение от власти в СССР Н.С. Хрущёва, антивоенные настроения в США в связи с участием во Вьетнамской войне), – привели к разрядке международной напряженности. Тем не менее, именно в этот момент особенно ярко проявился психологический аспект противостояния. Так, например, отечественный исследователь М. Польшин отмечает, что «осознание невозможности уничтожения СССР военным путем заставляет США усилить психологическую и пропагандистскую войну» [12, с. 51].

Таким образом, разрядка международной напряженности, снизив вероятность лобового столкновения СССР и США, не привела к прекращению конфронтации между сверхдержавами, а изменила тактические приемы такого противостояния.

Реализация *Neue Ostpolitik* В. Брандта стала возможна в том числе и благодаря развитию конструктивных партнерских отношений ФРГ с США, а также становлению западноевропейской интеграции. Более того, сам В. Брандт отмечал: «Я никогда не рассматривал это [восточную политику] как альтернативу нашей политике по отношению к Западу, а как ее конструктивное продолжение»².

Как резонно подчеркивает отечественный исследователь Е. Уфимская, «для США Западная Германия была ядром их европейской политики» [14, с. 87]. Участие ФРГ в плане Маршалла было обусловлено как политическими (реализация Соединенными Штатами антисоветской и антикоммунистической стратегии), так и экономическими (построение новой глобальной международной экономической системы) мотивами. Американцы понимали, что «экономическая стабильность Западной Европы просто невозможна без участия в этом процессе ФРГ. Более того, экономическая реконструкция Западной Германии была необходимой предпосылкой ее политической стабилизации» [Там же]. В связи с этим США активно поддерживали становление западноевропейской интеграции, участие в этом процессе ФРГ, стремление западногерманского государства к реализации собственного экономического потенциала. В итоге к 1970-м гг., наряду с экономическими и политическими результатами американской политики в отношении ФРГ, оформились и психологические. Это проявилось в том, что «американцы, в глазах немцев, прошли эволюцию от оккупационной державы к стратегическому партнеру, не раз доказавшему свою надежность» [14, с. 91].

Помимо желания поставить под контроль немецкую промышленность, мотивы становления западноевропейской интеграции выражались в попытке переосмысления истории политического и социального развития, а также катастрофическом для Европы итоге двух мировых войн и вытекающей из этого необходимости покончить с распрями между государствами Европы [4]. Выход на политическую арену в странах Западной Европы плеяды выдающихся политических деятелей позволил в том или ином виде претворить в жизнь идею «соединенной Европы». Активное участие ФРГ в процессе западноевропейской интеграции позволяло сосредоточиться западногерманскому государству на реализации собственного экономического потенциала в рамках

² Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С. 9.

конкурентной экономической среды. Проведение либеральной экономической политики с большим уклоном на социальные нужды населения, содействие развитию машиностроения, добывающей и химической промышленности, строительного, энергетического и аграрного сектора экономики [3] позволили ФРГ добиться реализации «германского экономического чуда» – выхода на довоенный уровень развития промышленности при значительном повышении собственных позиций в мировой экономике.

Повышение роли ФРГ в мировой экономике, тем не менее, автоматически не приводило к изменению статуса ФРГ в мировой политике. Для современников развития процесса западноевропейской интеграции было очевидно, что «относительно значительная роль Федеративной Республики [Германия] основывалась на ее участии в западной интеграции» [17, р. 33], однако перспективы этого процесса ставились под сомнение ввиду роста на рубеже 1960–1970-х гг. евроскептицизма. Доктрина Хальштейна как основа внешнеполитической линии ФРГ также не способствовала укреплению ее международных позиций ввиду «блокирования более гибкой и реалистичной восточной политики, шантажа стран третьего мира, внутривосточного привыкания как к пустому ритуалу внутри ФРГ и постепенного размывания основного принципа непризнания в союзных государствах» [13, с. 37]. Отметим, что, несмотря на во многом идеологизированный внешнеполитический курс ФРГ в 1950–1960-х гг., именно при канцлере К. Аденауэре состоялся прорыв в отношениях СССР и ФРГ: произошло установление дипломатических отношений, расширение торгового сотрудничества, развитие отношений в сфере энергетики. Эти инициативы «постепенно изменяли климат во взаимоотношениях между двумя государствами – от “беспросветной зимы” к небольшому потеплению» [11, с. 131].

Постепенное размывание жесткой биполярности, наряду с общественными импульсами в Западной Германии, выдвинули на авансцену мировой политики «новую восточную политику» ФРГ. Как отмечает отечественный исследователь Е. Кузнецова, «общественность страны открыто требовала, чтобы правительство ФРГ перешло во внешней политике на путь реализма и налаживания мирного сотрудничества со всеми восточноевропейскими странами на основе признания политического и территориального статус-кво в Европе» [8, с. 117]. Для В. Брандта, министра иностранных дел ФРГ в 1966–1969 гг., федерального канцлера ФРГ в 1969–1974 гг., выработка и реализация нового курса в отношении Восточной Европы имели два измерения – общеевропейское и общегерманское.

«Концепция европейского мирного порядка» В. Брандта предполагала включение западноевропейской интеграции «в широкий контекст общих проблем мировой политики, главным содержанием которой в 1970-е гг. была разрядка и прекращение конфронтации между Востоком и Западом» [1, с. 73]. При этом идея «самоутверждения Европы» относилась не только к западной части, но и к восточной – «в большей степени речь шла об «эмансипации всего континента от двух сверхдержав – СССР и США – и их соперничества» [5, с. 98]. Преодоление блокового клипового мышления, по мнению В. Брандта, могло быть осуществлено через новые формы кооперации – в правовой, экономической, технологической, энергетической сферах. Налаживание взаимоотношений по линии Запад–Восток, снижение международной напряженности, рационализация мировой политики создали бы условия и для преодоления раскола Германии – наиболее болезненного для В. Брандта вопроса. Поддержка восточной политики ФРГ со стороны США, глобальный запал которых был несколько умерен ходом Вьетнамской войны, позволила с точки зрения внешнеполитических условий практически беспрепятственно реализовать ключевые мероприятия в рамках этой политики: отказ от доктрины Хальштейна, заключение Московского договора с СССР (1970), Варшавского договора с Польшей (1970), Пражского договора с Чехословакией (1973), Основополагающего договора с ГДР (1972). Реализованные шаги означали признание окончательного установления послевоенных границ в Европе и способствовали вступлению ФРГ совместно с ГДР в ООН. Таким образом, западногерманское государство, будучи «продуктом холодной войны», приняло послевоенный порядок и заняло свое, признаваемое всеми место в системе международных отношений [18].

Отметим, что определенный отпечаток на внешнеполитическом курсе ФРГ в указанный период оставили также международные кризисы, приводившие к политическим или экономическим последствиям для западногерманского государства. Например, военные действия на Ближнем Востоке отражались на энергетической политике ФРГ, кризисные ситуации в Восточном лагере – на внешнеполитическом позиционировании. В. Брандт в своих мемуарах сетовал на внешнеэкономические обстоятельства для ФРГ в 1970-х гг.: «Зависимость от процессов в мировой экономике доставила нам в начале семидесятых годов немало хлопот. Недостаточная ответственность Соединенных Штатов за мировую валюту и финансово-политический аспект международного экономического сотрудничества причиняли нам беспокойство»³. При этом,

³ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С. 279.

несмотря на согласие с министром иностранных дел Франции М. Дебре в «опасности бессмысленного реагирования НАТО» на события «Пражской весны», В. Брандт оценивал происшедшее иначе: «он [Мишель Дебре] явно недооценил значение случившегося, назвав новую пражскую трагедию “дорожным происшествием на пути к разрядке”»⁴.

Так эволюция международной среды стала одним из факторов претворения в жизнь восточной политики В. Брандта. При этом, по сравнению с начальным этапом холодной войны, к концу 1960-х – началу 1970-х гг. отчетливо проявились изменения в рамках политико-психологического климата как по линии «СССР – США», так и «ФРГ – Восточный блок». Концепция М. Хрусталёва предполагает три основных вектора формирования политико-психологического климата: вектор «друг – враг», вектор «зависимость – независимость», вектор «доверие – недоверие». Как отмечает отечественный исследователь, «различные сочетания трех этих векторов позволяют определить общее состояние того политико-психологического климата, в условиях которого государство вынуждено проводить свой внешнеполитический курс» [15, с. 182]. Характеристика динамики компонентов такого состояния представлена в табл. 1.

Таким образом, итоги Второй мировой войны привели к возникновению новой системы международных отношений, конфронтационный характер которой определил содержание мирополитических процессов во второй половине XX в. Начало холодной войны предопределило создание двух германских государств и законсервировало таким образом решение германского вопроса. Возникновение двух противостоящих военно-политических блоков и экономических объединений под эгидой сверхдержав очертило контуры сфер влияния в Европе и втянуло другие регионы Земли в глобальное противостояние. Осознание бесперспективности прямого столкновения стало одним из факторов смягчения политико-психологического климата между СССР и США к концу 1960-х – началу 1970-х гг. Это позволило перейти от «жесткой» к «мягкой» конфронтации в рамках биполярной системы международных отношений. Этот переход проявился в формировании международных режимов нераспространения ядерного оружия и ограничения стратегических вооружений, что позволило выработать «правила игры» между сверхдержавами и запустить хельсинский процесс, ставший краеугольным камнем в функционировании европейской подсистемы международных отношений. Становление и развитие проекта западно-европейской интеграции усилило международные позиции ФРГ.

⁴ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С. 221.

Таблица 1

**Политико-психологический климат в 1950-е – начале 1960-х гг.
и конце 1960-х – начале 1970-х гг. по линиям «СССР – США»,
«ФРГ – страны Восточного блока»**

Периоды	СССР – США	ФРГ – Восточный блок	Векторы
Конец 1940-х – 1950-е гг.	Геополитический противник	Идеологический враг	Вектор 1 «друг – враг»
Конец 1960-х – начало 1970-х гг.	Геополитический конкурент	Политический и экономический конкурент	
Конец 1940-х – 1950-е гг.	Геополитическая зависимость	Показательная независимость	Вектор 2 «зависимость – независимость»
Конец 1960-х – начало 1970-х гг.	Геополитическая зависимость	Зависимость – экономика, политические реалии	
Конец 1940-х – 1950-е гг.	Недоверие	Недоверие	Вектор 3 «доверие – недоверие»
Конец 1960-х – начало 1970-х гг.	Скорее, недоверие	Рациональное доверие	

Изменения в рамках международной среды, проявившиеся к концу 1960-х – начале 1970-х гг., стали одной из причин нового целеполагания западногерманского государства на восточном направлении. Реализация восточной политики ФРГ при канцлере В. Брандте привела к формированию договорно-правовых основ в отношениях между Западной Германией и странами Восточного блока, что проложило дорогу к принятию Заключительного акта Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Библиографический список / References

1. Авдеенко Е. Концепция «Европейского мирного порядка» В. Брандта // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 36 (327). С. 73–79. [Avdeenko E.V. Brandt's concept of the "European Peaceful Order". *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. No. 36 (327). Pp. 73–79. (In Rus.)]
2. Баталов Э. Современные глобальные тренды и новое сознание // Международные процессы. 2012. № 1 (28). С. 4–17. [Batalov E. Modern global trends and new consciousness. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2012. No. 1 (28). Pp. 4–17. (In Rus.)]

3. Битиева З., Танов Н., Катков И. Сравнительный анализ развития послевоенных Германий: ФРГ и ГДР // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2020. № 2 (27). С. 75–87. [Bitieva Z., Tanov N., Katkov I. Comparative analysis of the development of post-war Germanys: FRG and GDR. *Vestnik Universiteta mirovyh civilizacij*. 2020. No. 2 (27). Pp. 75–87. (In Rus.)]
4. Буторина О., Борко Ю. Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // Современная Европа. 2022. № 1. С. 5–20. [Butorina O., Borko Yu. The benefits of regional integration: A review of the concept. *Contemporary Europe*. 2022. No. 1. Pp. 5–20. (In Rus.)]
5. Васильев В. Европейская идея в политическом наследии Вилли Брандта // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 11. С. 96–105. [Vasiliev V. The European idea in the political legacy of Willy Brandt. *World Economy and International Relations*. 2013. No. 11. Pp. 96–105. (In Rus.)]
6. Громыко А. Истоки и влияние холодной войны на мировую политику // Современная Европа. 2016. № 1 (67). С. 26–38. [Gromyko A. The origins and influence of the Cold War on world politics. *Contemporary Europe*. 2016. No. 1 (67). Pp. 26–38. (In Rus.)]
7. Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. В. Верченко. М., 2018. [Kissinger H. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Transl. from English. Moscow, 2018.]
8. Кузнецова Е. Вилли Брандт и проблема примирения ФРГ со странами Восточной Европы в 1970-е годы // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2012. № 1. С. 114–124. [Kuznetsova E. Willy Brandt and the problem of reconciliation of Germany with the countries of Eastern Europe in the 1970s. “*Belye pyatna*” *rossijskoj i mirovoj istorii*. 2012. No. 1. Pp. 114–124. (In Rus.)]
9. Левченко М. Становление «Восточной политики» ФРГ в первые послевоенные десятилетия: политико-правовой аспект // Власть. 2010. № 10. С. 131–134. [Levchenko M. The formation of the “Eastern policy” of Germany in the first post-war decades: A political and legal aspect. *Vlast*. 2010. No. 10. Pp. 131–134. (In Rus.)]
10. Лукьянов Ф. Можем повторить? // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 3. С. 5–8. [Lukyanov F. Can we repeat it? *Russia in Global Affairs*. 2025. Vol. 23. No. 3. Pp. 5–8. (In Rus.)]
11. Павленко О. СССР и ФРГ в годы разрядки: от вынужденного взаимодействия к прагматичному партнерству // Россия и современный мир. 2021. № 1 (110). С. 166–201. [Pavlenko O. The USSR and FRG in the years of detente: From forced interaction to pragmatic partnership. *Rossiya i sovremennyyj mir*. 2021. No. 1 (110). Pp. 166–201. (In Russ.)]
12. Полюнов М. Холодная война как способ борьбы США против СССР // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 3. С. 36–54. [Polynov M. The Cold War as a way of the USA’s struggle against the USSR. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2008. No. 3. Pp. 36–54. (In Rus.)]
13. Сорокин А. На периферии Восточной политики ФРГ: Аденауэр и страны Восточной Европы // Омский научный вестник. 2015. № 4 (141). С. 36–39. [Sorokin A. On the periphery of FRG’s Ostpolitik: Adenauer and the countries of Eastern Europe. *Omskij nauchnyj vestnik*. 2015. No. 4 (141). Pp. 36–39. (In Rus.)]
14. Уфимская Е. Американская политика в отношении Западной Германии в 1945–1963 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-1. С. 86–92. [Ufimskaya E. American policy towards West Germany in 1945–1963 гг. // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. No. 4-1. С. 86–92.]

- in 1945–1963. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. No. 4-1. Pp. 86–92. (In Rus.)]
15. Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: учебное пособие для вузов. М., 2015. [Khrustalev M.A. Analiz mezhdunarodnykh situacij i političeskaya ekspertiza [Analysis of international situations and political expertise]. Moscow, 2015.]
 16. Юнгблуд В. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13 (4). С. 52–79. [Yungblud V. The World order of 1945 – a process with an “open” continuation. *Bulletin of MGIMO University*. 2020. No. 13 (4). Pp. 52–79. (In Rus.)]
 17. Besson W. Prinzipienfragen der westdeutschen Außenpolitik. *Politische Vierteljahresschrift*. 1968. Vol. 9. No. 1. Pp. 28–44.
 18. Niedhart G. Ostpolitik: Transformation through communication and the quest for peaceful change. *Journal of Cold War Studies*. 2016. Vol. 18. No. 3. Pp. 14–59.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025, принята к публикации 22.12.2025
 The article was received on 18.11.2025, accepted for publication 22.12.2025

Сведения об авторе / About the author

Ариничев Семен Дмитриевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений факультета истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Semen D. Arinichev – PhD student at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations of the Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

E-mail: arinichevsem00@xmail.ru

Международные
отношения:
история и современность

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-132-148

УДК 94(4)"1939"

В.В. Зыкин

Кубанский государственный университет,
350040 г. Краснодар, Российская Федерация

Проблема Данцига и данцигского коридора в отношениях Великобритании и Германии в канун Второй мировой войны

В статье рассматривается проблема Данцига и данцигского коридора в отношениях Великобритании и Германии в канун Второй мировой войны. Автор анализирует пути, предпринимавшиеся Великобританией для мирного решения данцигского вопроса. На основании используемых источников и литературы автор делает вывод о том, что даже после того, как Гитлер ликвидировал Чехословакию, нарушив условия мюнхенского соглашения, Н. Чемберлен, премьер-министр Великобритании, продолжил политику умиротворения агрессора, т.к. стремился избежать вступления Великобритании в новую войну. Несмотря на все усилия британских властей, переговоры о Данциге не дали положительного результата. Кабинет Чемберлена, понимая, что Великобритания не могла оказать прямую помощь Польше в случае агрессии со стороны Германии и не могла на равных противостоять агрессору на поле боя, до последнего момента рассчитывал договориться с Гитлером за счет Польши, путем передачи Данцига и прилегающего к нему коридора под контроль Третьего рейха. Но подобный исход категорически не устраивал нацистского фюрера, развязавшего Вторую мировую войну.

© Зыкин В.В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Данциг, польский коридор, переговоры Германии и Великобритании в 1939 г., Великобритания, Германия, Вторая мировая война, Чемберлен

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зыкин В.В. Проблема Данцига и данцигского коридора в отношениях Великобритании и Германии в канун Второй мировой войны // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 132–148. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-132-148

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-132-148

V.V. Zykin

Kuban State University,
Krasnodar, 350040, Russian Federation

The Danzig and Danzig Corridor issue in British-German relations on the eve of World War II

The article examines the issue of Danzig and the Danzig Corridor in relations between Great Britain and Germany on the eve of World War II. The author analyzes the paths taken by Great Britain to a peaceful resolution of the Danzig issue. Based on sources and literature, the author concludes that even after Hitler liquidated Czechoslovakia in violation of the Munich Agreement, British Prime Minister N. Chamberlain continued his policy of appeasement, seeking to avoid Britain's entry into a new war. Despite the best efforts of the British authorities, negotiations regarding Danzig failed to yield a positive result. Chamberlain's cabinet, recognizing that Great Britain could not directly assist Poland in the event of German aggression and could not confront the aggressor on an equal footing on the battlefield, until the last moment hoped to reach an agreement with Hitler at Poland's expense by transferring Danzig and the adjacent corridor to the control of the Third Reich. However, such an outcome was categorically not acceptable to the Nazi Fuhrer, who unleashed the Second World War.

Key words: Danzig, Polish corridor, negotiations between Germany and Great Britain in 1939, Great Britain, Germany, World War II, Chamberlain

CITATION: Zykin V.V. The Danzig and Danzig Corridor issue in British-German relations on the eve of World War II. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 132–148. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-132-148

Вторая мировая война является одним из наиболее важных событий в истории человечества. Предвоенный период включает в себя разные сюжеты, в том числе дипломатические действия правительств европейских стран, пытавшихся избежать войны и умиротворить агрессора в лице нацистской Германии.

Долгие годы специалисты изучают вопросы, связанные с дипломатической работой европейских стран, стремившихся не допустить начала новой войны. Одним из исследователей, изучавших события предвоенного периода, является А.Д. Чикваидзе [7]. На основе документов британского кабинета и Министерства иностранных дел, а также обширного круга исторических работ исследователь сделал вывод о том, что в период предвоенного кризиса правительство премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена придерживалось антисоветского курса и не желало тесно сотрудничать с руководством СССР по вопросу образования антигитлеровской коалиции.

Среди работ современных историков стоит выделить научную работу отечественного исследователя А.Г. Иванова [1], посвященную дипломатическим событиям 1939 г. Используя документы Национального архива Великобритании, историк исследует внешнюю политику Великобритании в канун начала войны. На основании полученных данных А.Г. Иванов делает вывод о том, что руководство Великобритании всеми силами стремилось избежать войны и в очередной раз умиротворить агрессора. Также автор акцентирует внимание на том, что внешнеполитический курс, проводимый кабинетом Чемберлена, в немалой степени способствовал тому, что англо-франко-советские переговоры весны-лета 1939 г. окончились безрезультатно и не привели к образованию антигитлеровского блока. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает научный труд А.Г. Иванова [2], посвященный данцигскому вопросу. В нем автор анализирует дипломатические контакты Великобритании с представителями Третьего рейха по урегулированию вопроса, касающегося Вольного города. На основании архивных материалов исследователь делает вывод о том, что до начала Второй мировой войны кабинет Чемберлена предпринимал усилия для того, чтобы в очередной раз умиротворить Гитлера.

Кроме этого, при написании статьи был использован совместный сборник научных работ «Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков». Заслуживает внимания работа Н.К. Капитоновой, которая посвящена внешней политике Великобритании от Мюнхена до заключения пакта Молотова–Риббентропа [3]. В ней исследователь придерживается позиции, согласно которой британское руководство последовательно придерживалось курса на умиротворение агрессора и вело переговоры с советским руководством в том числе из-за позиции британского общества, требовавшего заключения соглашения с СССР. На наш взгляд, в этой статье интерес представляет сюжет, связанный с данцигским вопросом, свидетельствующий о том, что британское руководство было готово вести переговоры с руководством Третьего рейха по вопросу дальнейшей судьбы Вольного города, даже после того, как Гитлер нарушил условия мюнхенского соглашения.

Наряду с отечественными историками вопрос Данцига и данцигского коридора изучали в отношениях Великобритании и Германии и зарубежные исследователи. В частности, И. Фляйшхауэр в своей работе «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939» анализирует германо-советские дипломатические контакты, которые привели к подписанию пакта Молотова–Риббентропа [6]. Для нас работа немецкой исследовательницы важна потому, что соглашение между Советским Союзом и нацистской Германией сыграло не последнюю роль в вопросе Данцига и прилегающего к нему коридора, т.к. Германия сумела заключить договор о ненападении с Советским Союзом, тем самым развязав себе руки в будущей военной кампании против Польши. Не последнюю роль в подписании этого документа, по мнению исследовательницы, сыграли германские дипломатические представители, работавшие в Москве. При написании своего труда автор использовала личный архив немецкого посла в СССР В. фон Шуленбурга. Британский ученый Р. Эванс во втором томе своего исследования, посвященного истории Третьего рейха, уделяет внимание внешнеполитическому курсу нацистской Германии накануне Второй мировой войны [8]. Кроме этого, он уделяет внимание дипломатическим попыткам урегулировать вопрос Данцига и данцигского коридора. Британский исследователь приводит информацию, согласно которой Гитлер еще весной 1939 г. принял окончательное решение присоединить к Германии Вольный город военным путем.

Что касается источниковой базы работы, то использованные нами документы и материалы, на наш взгляд, следует разделить на следующие категории: источники дипломатического характера (записи беседы

и переговоров между дипломатическими представителями, лидерами стран) и источники личного происхождения.

Например, были использованы материалы беседы посла Германии в Лондоне Г. фон Дирксена с министром иностранных дел Великобритании Э. Галифаксом, содержащиеся в втором издании сборника «Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939»¹. В качестве источника нами также была использована запись беседы А. Гитлера с министром иностранных дел Италии Г. Чиано, она опубликована во втором томе сборника «Год кризиса»². Помимо этого, нами были использованы материалы беседы Ю. Бека с британским руководством, содержащиеся в сборнике “Documents on British foreign policy, 1919–1939”³.

Это позволяет лучше понять международную обстановку в преддверии войны, в которой проходили дипломатические переговоры, касающиеся Данцига и данцигского коридора.

Кроме этого, источниковую базу нашей работы составляют донесения дипломатических работников, в частности, послов своим непосредственным руководителям. Например, дипломатическая переписка между Галифаксом и Г. Кеннардом, послом Великобритании в Польше. А также донесения посла Великобритании в Германии Н. Гендерсона. В эту же категорию источников можно отнести письмо посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку, его материалы содержатся в первом томе сборника «Год кризиса»⁴.

Отдельно можно выделить такой вид источника, как договор между Великобританией и Польшей, заключенный 25 августа 1939 г., однако Великобритания не могла оказать Польше серьезную поддержку в случае нападения Германии. Источники, представленные в документах, несомненно, имеют огромную историческую ценность, однако к ним нужно относиться критически и детально анализировать информацию, содержащуюся в них.

Также были использованы воспоминания Ю. Бека⁵, человека, игравшего не последнюю роль в урегулировании вопроса Данцига и данцигского коридора накануне войны. Исходя из них, можно сделать вывод

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. Т. 2. Янв. – авг. 1939 г. / редкол. А.П. Бондаренко и др. М., 1981.

² Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. / редкол. А.П. Бондаренко и др. М., 1990.

³ Documents on British foreign policy, 1919–1939. Third series. Vol. V. L., 1952.

⁴ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. / редкол. А.П. Бондаренко и др. М., 1990.

⁵ Beck J. Ostatni raport. Warszawa, 1987.

о том, что Ю. Бек и его государство последовательно отстаивали свои интересы в Вольном городе, не соглашаясь с условиями, предлагаемыми Германией. Использование его воспоминаний представляется нам весьма ценным, т.к. этот человек имел непосредственное отношение к исследуемой проблеме. Не стоит забывать, что источники личного происхождения весьма субъективны и не всегда могут отражать реальное положение дел. Особую ценность представляет информация, содержащаяся в Национальном архиве Великобритании: использовалось донесение лорда Галифакса, министра иностранных дел Великобритании, касающееся действий польского правительства в рассматриваемый период⁶.

В данной работе мы постараемся взглянуть на заявленный вопрос под несколько другим углом. На наш взгляд, Н. Чемберлен проводил политику умиротворения потому, что в условиях предвоенного кризиса Польша сумела бы противостоять Германии только при наличии военной помощи со стороны либо Великобритании и Франции, либо со стороны Советского Союза, однако британское руководство по ряду причин не желало объединять усилия с Советским Союзом для того, чтобы противостоять агрессивным устремлениям Германии. Поэтому, на наш взгляд, в сложившихся на тот момент реалиях Н. Чемберлен, понимая, что Великобритания и Франция не в силах противостоять Германии, принял решение о том, чтобы до последнего момента пытаться умиротворить агрессора.

Данциг в тот период имел статус Вольного города и находился под протекторатом Лиги Наций. Этот город был важен еще и потому, что к нему прилегал сухопутный коридор, отделявший территорию Восточной Пруссии от остальной территории Германии. Для Польши Данциг был важен прежде всего экономически, т.к. в нем находился торговый порт⁷. Поэтому в данном контексте, на наш взгляд, стоит рассмотреть дипломатические переговоры, касающиеся дальнейшей судьбы города, между Германией и Польшей, а также между Польшей и Великобританией.

В начале января 1939 г. в Обер-Зальцберге состоялась встреча Гитлера и министра иностранных дел Польши Ю. Бека. Для польского министра она имела весьма важное значение, т.к. в ходе обсуждения ряда важных проблем немецкий рейхсканцлер затронул вопрос, касающийся Данцига, однако на все предложения нацистского фюрера он ответил

⁶ Public Record Office. FO 371/23019.

⁷ Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. / редкол. А.П. Бондаренко и др. М., 1990. С. 85.

отказом⁸. По итогам переговоров с Гитлером, Бек предупредил правительство своей страны о том, что, если немцы продолжают оказывать давление в вопросах, связанных с Вольным городом, то может возникнуть серьезная угроза конфликта Польши с Германией в будущем⁹.

26 января в Варшаве прошли переговоры между Бекком и Й. Риббентропом, в ходе встречи немецкий рейхсминистр настаивал на том, что руководство его страны стремится решить все вопросы, касающиеся польско-немецких отношений, путем подписания соответствующего договора. Также он сделал попытку «продавить» позицию министра иностранных дел Польши¹⁰. Однако несмотря на все усилия рейхсминистра, Бек оставался непреклонным и отклонил предложения Третьего рейха.

21 марта 1939 г. Риббентроп вызвал к себе Ю. Липского, в ходе беседы глава министерства иностранных дел Третьего рейха оказывал на него дипломатическое давление с той целью, чтобы польский посол поговорил с Бекком и убедил его приехать в Германию, чтобы заключить сделку по Данцигу на немецких условиях. В связи с этим 23–24 марта правительство Польши провело ряд консультаций и встреч с руководством Министерства иностранных дел страны, итогом совещаний стало решение о недопустимости уступок Германии [5, с. 328].

В период предвоенного кризиса ключевую роль в дипломатическом отношении на европейском континенте играла Великобритания. В предвоенный период одним из государств, с которым она имела хорошие дипломатические отношения, была Польша. Именно польское государство в Лондоне рассматривали в качестве потенциально главного союзника Соединенного Королевства в Восточной Европе. В марте 1939 г. Гитлер отдал приказ своим войскам занять Прагу, тем самым он ликвидировал Чехословакию и грубо нарушил условия мюнхенского соглашения. После этого под угрозой немецкой агрессии оказались Польша и Румыния.

Во многом поэтому 31 марта 1939 г. Н. Чемберлен выступил в палате общин британского парламента и предоставил польскому государству односторонние гарантии независимости. Таким образом, Великобритания стремилась не допустить дипломатического сближения Польши и Германии. Одновременно с этим британский кабинет предоставлением гарантий планировал препятствовать установлению гегемонии Германии на европейском континенте, возможно, что с помощью этого шага Чемберлен хотел запугать Гитлера [4, с. 157].

⁸ Beck J. Ostatni raport. Warszawa, 1987. S. 257–258.

⁹ Ibid. S. 259–260.

¹⁰ Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. / редкол. А.П. Бондаренко и др. М., 1990. С. 195.

В начале апреля 1939 г. Ю. Бек совершил дипломатическую поездку в Великобританию, где проводил переговоры с британскими политиками, в том числе с Чемберленом и главой внешнеполитического ведомства Соединенного Королевства лордом Галифаксом. В ходе встречи обсуждения коснулись и данцигского вопроса. Польский министр утверждал, что главной целью переговоров является создание устойчивой системы, при которой Данциг «не будет бременем для германопольских отношений» [2, с. 73], при этом он сохранит статус Вольного города. Галифакс спросил его о том, как польское правительство представляет себе урегулирование данного вопроса. Бек ответил, что это должен быть двусторонний договор между странами, в котором были бы закреплены права Польши в Данциге. Вместе с тем, был затронут вопрос, касающийся строительства на территории данцигского коридора скоростной автомобильной дороги, такой вариант предлагала немецкая сторона. По замыслу руководства Третьего рейха, построенный автобан позволил бы связать Восточную Пруссию с территорией остальной Германии, однако министр иностранных дел Польши в беседе с британскими политиками заявил о том, что его правительство не приемлет строительства подобной трассы¹¹. В то же время Бек подчеркнул, что ему хотелось бы, чтобы Польша и Германия смогли прийти к компромиссу в отношении данцигского вопроса¹².

Также были достигнуты договоренности о том, что в будущем Великобритания и Польша заключат постоянный договор, польское правительство обязывалось оказывать помощь своему западному союзнику на условиях, аналогичных тем, которые были предоставлены польскому государству 31 марта 1939 г. Британские власти заверили главу внешнеполитического ведомства Польши о понимании сложности вопросов, стоявших перед польским государством¹³.

По итогам этой встречи так и не были найдены пути решения вопроса, касающегося Данцига и польского коридора. Бек после этой поездки, на наш взгляд, слишком понадеялся на помощь Великобритании, в случае агрессии со стороны Германии. Также польский министр переоценивал военный потенциал своей страны, в беседе с бывшим министром иностранных дел Великобритании А. Иденом он отмечал высокое качество и характеристики вооружений, которыми располагала Польша¹⁴. По всей видимости, министр иностранных дел Польши был не в полной

¹¹ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Third series. Vol. V. L., 1952. P. 17.

¹² Ibid. P. 18.

¹³ Ibid. P. 35–36.

¹⁴ Ibid. P. 37.

мере осведомлен о реальном состоянии и техническом оснащении вермахта – вооруженных сил Третьего рейха. Вместе с тем Великобритания продолжала выступать посредником по урегулированию спорных вопросов между Германией и Польшей [4, с. 157].

В мае 1939 г. вопрос о дальнейшей судьбе Вольного города и данцигском коридоре по-прежнему оставался нерешенным. В этот период главе британского внешнеполитического ведомства поступило донесение от Г. Кеннарда, посла Великобритании в Варшаве. В телеграмме он акцентировал внимание на том, что одностороннее урегулирование данцигского вопроса в пользу Германии может привести к потере независимости польского государства. Кроме этого, посол утверждал, что лучше всего истинные планы Гитлера характеризует политика, проводимая Третьим рейхом в последний год¹⁵.

По мнению Кеннарда, посреднические услуги в урегулировании этого вопроса со стороны демократических стран неприемлемы как для Германии, так и для Польши. Об этом свидетельствовала реакция стран на инициативу Папы Римского об организации международной конференции для решения проблемы Данцига, в итоге эта инициатива «отошла на второй план»¹⁶. Кеннард настаивал на ведении внешнеполитического курса таким образом, чтобы избежать войны и сохранить баланс в отношениях Германии и Польши до того момента, пока не появится возможность урегулировать данцигский вопрос за столом переговоров¹⁷.

19 мая 1939 г. Галифакс ответил Кеннард, что реакция Польши будет зависеть от конкретных действий нацистского руководства, направленных на включение Данцига в состав Третьего рейха, однако если Польша вступит в войну с Германией, то предоставленные ей гарантии, вероятно, не спасут Польшу от возможной оккупации¹⁸.

Немаловажными являются донесения посла Великобритании в Берлине Н. Гендерсона, считавшего включение Данцига в состав Третьего рейха неизбежным, при этом, по его мнению, Данциг должен был сохранить статус Вольного города и был бы демилитаризованной зоной, так же, как и данцигский коридор. Чтобы избежать в будущем военного конфликта с Германией нужно было урегулировать этот вопрос, взяв за основу предложения Гитлера¹⁹.

¹⁵ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Third series. Vol. V. L., 1952. P. 579–580.

¹⁶ Ibid. P. 581.

¹⁷ Ibid. P. 582.

¹⁸ Ibid. P. 599.

¹⁹ Ibid. P. 721.

В телеграмме Галифаксу от 5 июня 1939 г. Гендерсон изложил свое мнение относительно позиции Германии по решению данцигского вопроса. Посол полагал, что в случае войны с Польшей минимальная цель Гитлера заключалась в присоединении Данцига к Германии, при этом немецкие войска должны были взять под контроль польский коридор, максимальные цели немецкого канцлера определялись Гендерсоном как «гораздо более масштабные»²⁰.

6 июня 1939 г. Гендерсон в телеграмме А. Кадогану оправдывал действия Третьего рейха. Он полагал, что, если бы Германия получила Вольный город и прилегающий к нему коридор еще в конце 1938 г. или в начале 1939 г., то напряженной обстановки в Европе удалось бы избежать. Свою позицию он аргументировал следующим образом: «Если бы Шотландия была отделена от Англии ирландским коридором, мы бы хотели, по крайней мере, того, чего требует сейчас Гитлер»²¹. Однако Гендерсон недооценивал планы Гитлера и его окружения, а его сведения не отражали реального положения дел.

В решении вопроса, касающегося Данцига и польского коридора, Великобритания старалась контролировать ситуацию в Польше. Параллельно с этим британское руководство через Гендерсона стремилось узнать истинные намерения Гитлера в отношении Данцига и Польши. С течением времени этот вопрос обретал все большую значимость в отношениях Великобритании и Германии.

В июле 1939 г. состоялось очередное заседание британского внешнеполитического кабинета, в числе прочих обсуждался вопрос Данцига. Чемберлен, понимая, что Великобритания в одиночку неспособна противостоять Германии, стремился найти такое решение вопроса, которое не только позволило бы Соединенному Королевству избежать вступления в войну, но и могло бы удовлетворить требования Гитлера. Результатом совещания было решение, что нужно подождать, т.к. атмосфера в Польше, сложившаяся в тот период времени, делала переговоры невозможными. Кроме этого, Чемберлен провел разговор с лордом Кэмроузом, премьер-министру он сообщил, что, если бы Гитлер обратился с просьбой о передаче Данцига Германии дипломатическим путем, то эту процедуру можно было бы осуществить [3, с. 226].

В августе 1939 г. значительно возросли дипломатические контакты между британскими и немецкими представителями. 7 августа состоялась беседа немецкого журналиста с военно-воздушным атташе Германии в Польше А. Герстенбергом, который сообщил, что после того, как

²⁰ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Third series. Vol. V. L., 1952. P. 768, 770.

²¹ Ibid. P. 798.

немецкий представитель Х. Вольтат посетил Лондон, Гитлер обрел еще большую уверенность в том, что при начале войны между Германией и Польшей, Великобритания не сможет оказать поддержку польскому государству²².

Два дня спустя состоялся разговор министра иностранных дел Великобритании Галифакса и посла Германии в Лондоне Г. Дирксена, на встрече в том числе обсуждался вопрос Данцига и данцигского коридора. По словам Галифакса, британское правительство планировало приложить максимальные усилия для того, чтобы убедить польское руководство быть более умеренным. Немецкий посол был обеспокоен тем, что попытки кабинета Чемберлена пойти на компромисс с Германией блокировались со стороны британской общественности. В ответ на замечания Дирксена Галифакс отстаивал позицию, согласно которой доверие британского общества было подорвано в результате действий нацистского фюрера, когда в марте 1939 г. он ввел вооруженные силы Третьего рейха в Прагу²³. Далее британский министр изложил свое видение дальнейшего развития международной обстановки. По его мнению, Германия могла бы стать ведущей державой на европейском континенте. В этом случае Англия и Франция могли бы обезопасить свою территориальную независимость путем заключения с нацистской Германией двустороннего соглашения. Но, оккупировав Прагу, руководство Третьего рейха вероломно нарушило мюнхенское соглашение, и этот шаг заметно осложнил заключение подобного соглашения²⁴.

Для того, чтобы решить данцигский вопрос за столом переговоров, британцы использовали различные способы. Помимо прямых контактов с представителями Германии Лондон стремился установить связь с нацистским руководством через посредников. В их число входили шведские промышленники А. Веннер-Грен и Б. Далерус, верховный комиссар Лиги Наций в Данциге К.Я. Буркхардт, лидер нацистской партии в Данциге А. Ферстер и князь М. Гогенлоз, а также премьер-министр фашистской Италии Б. Муссолини [1, с. 154].

Ставка на итальянского лидера в данном вопросе себя не оправдала. Об этом стало известно еще в мае 1939 г., когда Г. Чиано, министр иностранных дел Италии, сообщил британскому послу в Италии П. Лорейну, что его страну и Третий рейх связывают союзные обязательства

²² Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. Т. 2. Янв. – авг. 1939 г. / редкол. А.П. Бондаренко и др. М., 1981. С. 200.

²³ Там же. С. 201–202.

²⁴ Там же. С. 203.

и, если вопрос Данцига придется решать военным путем, то Италия в этом займет сторону Германии²⁵.

Свои усилия по мирному урегулированию данцигского вопроса предпринимал К.Я. Бургхардт. 11 августа 1939 г. он передал в Лондон информацию, исходящую от Гитлера, который рассчитывал встретиться с англичанином, знающим немецкий язык, и провести с ним переговоры [1, с. 154].

День спустя состоялся разговор между Гитлером и Чиано. Нацистский лидер высказал свои соображения по поводу решения данцигского вопроса, по его мнению, «в политическом отношении» польские власти должны уступить Вольный город, потому что взамен на эту уступку Германия предлагала Польше неприкосновенность ее экономических интересов. Гитлер не питал иллюзий относительно позиции польского руководства, он был убежден, что данцигский вопрос останется нерешенным. На наш взгляд, еще один интересный сюжет данного разговора заключался в манипуляции, которую использовал немецкий рейхсканцлер, уверявший собеседника в военной экспансии Польши на территорию Германии. По его информации, польские войска должны были оккупировать Восточную Пруссию, а затем захватить немецкие территории вплоть до Берлина. Гитлер планировал использовать любую провокацию, чтобы военным путем решить проблему Польши, а заодно присоединить к Германии Данциг и данцигский коридор²⁶.

Как мы видим, нацистский рейхсканцлер вел двойную игру. Он до последнего момента успешно скрывал от британского руководства свои истинные намерения. При этом сам фюрер делал все, чтобы Чемберлен до конца был уверен, что данцигский вопрос можно решить мирным путем.

Свои посреднические усилия в переговорах оказывал и Б. Далерус. Он предложил несколько вариантов мирного урегулирования кризиса. Один из них предусматривал организацию встречи в Стокгольме английского представителя с адъютантом Геринга для того, чтобы договориться о проведении переговоров между Великобританией и Третьим рейхом или между Германией и Польшей. Согласно второму варианту, планировалось провести дипломатическую встречу представителей Великобритании, Германии, Италии и Франции, при этом участие польской делегации в четырехсторонней встрече исключалось. Мы можем видеть, что при подобном сценарии Польша ставилась в такое же

²⁵ Documents on British foreign policy, 1919–1939. Third series. Vol. V. L., 1952. P. 567.

²⁶ Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. / редкол. А.П. Бондаренко и др. М., 1990. С. 189.

положение, что и Чехословакия годом ранее. Еще одним возможным вариантом развития событий могла быть встреча А. Веннер-Грена с Ю. Беком в Стокгольме. Результатом данной встречи должна была стать организация переговорного процесса между Польшей и Германией. Однако этот вариант так и не был осуществлен [1, с. 155].

Вместе с тем правительство Великобритании пыталось играть на двух фронтах. В августе 1939 г. Великобритания и Франция отправили свои делегации на переговоры военных миссий в Москву. Целью встречи было заключение союзного соглашения между Великобританией, Францией и СССР против агрессии Германии.

Сами переговоры продолжались с 12 до 21 августа 1939 г. и закончились безрезультатно. Во-первых, британская делегация всячески затягивала переговорный процесс, т.к. британцы рассчитывали на то, что долгое ведение переговоров будет сдерживающим фактором Гитлера от нападения на Польшу [3, с. 228]. Во-вторых, долгие переговоры были направлены на недопущение дипломатического сближения советского руководства с нацистской Германией [2, с. 130]. В-третьих, так и не был решен важный вопрос о проходе советских войск по территории Польши для отражения агрессии со стороны Германии. Таким образом, переговоры военных миссий Великобритании, СССР и Франции фактически были завершены ничем. Вопрос Данцига и прилегающего к нему коридора к концу августа оставался открыт.

В противовес неудачным переговорам между западными державами и СССР в августе 1939 г. произошло серьезное сближение между Германией и Советским Союзом. 21 августа И.В. Сталин и А. Гитлер достигли договоренности, согласно которой 23 августа в Москву должен прибыть Й. Риббентроп, чтобы заключить договор о ненападении, также известный, как пакт Молотова–Риббентропа [6, с. 273].

В момент переговоров между СССР и Германией Н. Чемберлен в очередной раз предпринял попытку дипломатического давления на фюрера. Он отправил послание Гитлеру. В нем премьер-министр предостерегал рейхсканцлера от начала военных действий, потому что в случае начала войны Великобритании пришлось бы применить силу. Помимо этого, в очередной раз глава британского кабинета настаивал на мирном урегулировании спорных вопросов между Польшей и Германией путем восстановления доверительных отношений между двумя странами и переговорного процесса между ними²⁷.

²⁷ Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. / редкол. А.П. Бондаренко и др. М., 1990. С. 189, 313.

23 августа 1939 г. эта телеграмма попала к Гитлеру. Ознакомившись с ее содержанием, рейхсканцлер сначала обвинил британское руководство в том, что Великобритания проводит политику, направленную на ликвидацию германского государства. Но день спустя он сменил риторику, теперь нацистский лидер был готов подписать договор с Великобританией, но только после того, как решатся все спорные вопросы между Германией и Польшей [8, с. 755].

К концу августа 1939 г. на международной арене сложился глубокий кризис. Одним из вариантов его мирного решения была идея принуждения Польши передать Данциг и данцигский коридор под контроль Германии. Однако Гитлера такое развитие событий не устраивало, он был готов начать тотальную войну и сокрушить армию Польши на поле боя. 23 августа в Москве между Германией и СССР был заключен пакт о ненападении, а также секретный дополнительный протокол, который, по сути, разграничивал сферы влияния в Восточной Европе между сторонами.

Заключение подобного соглашения между СССР и Германией означало неудачу внешнеполитического курса, проводимого британским премьер-министром. Кроме этого, несмотря на все дипломатические усилия и переговоры с участием представителей разных стран, на момент конца августа 1939 г. так и не был решен вопрос Данцига и данцигского коридора. В ситуации острейшего кризиса, сложившегося в Европе в канун Второй мировой войны, Чемберлену ничего не оставалось, кроме как заключить с польским государством пакт о взаимопомощи, согласно которому стороны договаривались оказывать взаимную поддержку и помощь в том случае, если против Великобритании или Польши будет совершен акт военной агрессии со стороны другой державы²⁸. Еще весной 1939 г. британский дипломат А. Киркпатрик отмечал, что на тот момент Великобритания не могла «оказать прямую помощь» Польше [2, с. 94]. В сложившейся ситуации для Великобритании критически важно было установить с советским руководством дипломатические отношения, т.к. СССР потенциально мог оказать Польше реальную военную помощь в случае нападения на нее гитлеровской Германии. Однако соглашение между Великобританией и СССР так и не было заключено.

Стремясь избежать повторения трагедии Первой мировой войны, обернувшейся для Великобритании большими потерями, Чемберлен

²⁸ Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. / редкол. А.П. Бондаренко и др. М., 1990. С. 189, 323.

до последнего момента пытался умиротворить агрессора. Лорд Галифакс надеялся на взвешенные действия польских властей, особенно в вопросах, касающихся Данцига. Также министр иностранных дел Великобритании рассчитывал на то, что польское руководство перед тем, как предпринимать какие-либо действия, будет консультироваться с британским правительством. В противном случае необдуманные действия со стороны Польши могли привести к началу боевых действий и вовлечь Великобританию в войну²⁹. 30 августа, по воспоминаниям Бека, в последние дни мира Гендерсон попросил Ю. Липского передать Беку, чтобы правительство Польши сделало дипломатический жест в сторону сотрудничества с Германией. Польский министр поручил Липскому встретиться с Риббентропом и уведомить его о том, что правительство его страны согласно провести переговоры с представителями Третьего рейха. На следующий день состоялась встреча Липского и Риббентропа, которая не принесла результатов³⁰. Ранним утром 1 сентября 1939 г. немецкие войска начали военное вторжение в Польшу, развязав тем самым Вторую мировую войну. В результате боевых действий территория Польши, включая Данциг и прилегающий к нему коридор, была оккупирована и вошла в состав Третьего рейха.

Таким образом, в условиях острого кризиса, возникшего в Европе в 1939 г., проблема Данцига и данцигского коридора была одной из важнейших, которую необходимо было решить, чтобы избежать войны. Значение города и прилегающего к нему коридора было очень важным как для Германии, так и для Польши. Для того, чтобы взять Вольный город под свой контроль, руководство Третьего рейха готово было решить вопрос Данцига любыми путями. Для военного разгрома Польши еще весной 1939 г. был разработан план под кодовым наименованием «Вайс». На сложившуюся ситуацию серьезным образом могла повлиять Великобритания, которая в дипломатическом отношении была на тот момент ведущей державой на континенте. Однако британский кабинет во главе с Чемберленом продолжал проводить политику, направленную на умиротворение агрессора. Попытки решить вопрос Данцига и данцигского коридора дипломатическим путем не принесли никаких результатов. Однако вопреки сформировавшемуся в отечественной историографии мнению, Великобритания могла придерживаться такого внешнеполитического курса из тех соображений, согласно которым в одиночку она не могла эффективно противостоять нацистской Германии. Поэтому на тот момент политическая ситуация сложилась таким

²⁹ Public Record Office. FO 371/23019. P. 210.

³⁰ Beck J. Ostatni raport. Warszawa, 1987. S. 295–296.

образом, что кабинет Чемберлена совершенно осознанно решил не вступать в войну с агрессором и всеми способами добивался решения вопроса Данцига и данцигского коридора за столом переговоров.

Не в последнюю очередь на подобный политический курс повлияли неудачные англо-франко-советские переговоры, завершившиеся в августе 1939 г. Параллельно с этим 23 августа 1939 г. был заключен пакт Молотова–Риббентропа. Подписание данного документа ознаменовало неудачный итог внешнеполитического курса британского кабинета. Чемберлен, понимая, что без военной помощи со стороны Советского Союза Великобритания не могла оказать Польше реальную помощь, до последнего момента не оставлял попыток решить вопрос Данцига и данцигского коридора мирным путем. Кроме этого, глава британского кабинета исходил из того, что в условиях неудавшихся переговоров с СССР Великобритания в одиночку была не в состоянии помешать Германии военным путем оккупировать территорию Польши. Поэтому Н. Чемберлен до самого начала войны стремился умиротворить агрессивные устремления Германии, даже за счет Польши. Однако Гитлера подобное развитие событий уже не устраивало, он был готов развязать полномасштабную войну, ликвидировать польское государство и решить вопрос Данцига и прилегающего к нему коридора военным путем. 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война.

Библиографический список / References

1. Иванов А.Г. Данциг или война? Тайная дипломатия Великобритании в канун нападения Германии на Польшу в 1939 г. // Общество: философия, история, культура. 2024. № 10. С. 152–159. [Ivanov A.G. Danzig or War? Britain's secret diplomacy on the eve of Germany's invasion of Poland in 1939. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*. 2024. No. 10. Pp. 152–159. (In Rus.)]
2. Иванов А.Г. 1939 год. Европа между миром и войной. Краснодар, 2020. [Ivanov A.G. 1939 god. Evropa mezhdru mirom i vojnoj [The year is 1939. Europe between peace and war]. Krasnodar, 2020.]
3. Капитонова Н.К. Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Риббентропа–Молотова (от «умиротворения» к политике гарантий) // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / под ред. М.М. Наринского, С. Дембского. М., 2009. С. 207–237. [Kapitonova N.K. British policy from Munich to the Ribbentrop–Molotov Pact (from appeasement to guarantee policy). *Mezhdunarodnyy krizis 1939 goda v traktovkakh rossiyskikh i polskikh istorikov*. M.M. Narinsky, S. Dembsky (eds.). Moscow, 2009. Pp. 207–237. (In Rus.)]
4. Мельтюхов М.И. Советский Союз в европейской политике осени 1938 – лета 1939 года // Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / под ред. М.М. Наринского, С. Дембского. М., 2009. С. 149–181. [Melytuhov M.I. The Soviet Union in European politics

- in the fall of 1938 – summer of 1939. *Mezhdunarodnyy krizis 1939 goda v traktovkakh rossiyskikh i polskikh istorikov*. M.M. Narinsky, S. Dembsky (eds.). Moscow, 2009. Pp. 149–181. (In Rus.)]
5. Случ С.З. Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. – август 1939 г.) // *Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков / под ред. М.М. Наринского, С. Дембского*. М., 2009. С. 309–348. [Sluch S.Z. Policy of Germany and the USSR towards Poland (October 1938 – August 1939). *Mezhdunarodnyy krizis 1939 goda v traktovkakh rossiyskikh i polskikh istorikov*. M.M. Narinsky, S. Dembsky (eds.). Moscow, 2009. Pp. 309–348. (In Rus.)].
 6. Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1990. [Fleischhauer I. Pakt. Gitler, Stalin i iniciiativa germanskoj diplomatii 1938–1939 [Der Pakt. Hitler, Stalin und die Initiative der deutschen Diplomatie 1938–1939]. Moscow, 1990.]
 7. Чикваидзе А.Д. Английский кабинет накануне Второй мировой войны. Тбилиси, 1976. [Chikvaidze A.D. Anglijskij kabinet nakanune Vtoroj mirovoj vojny [The English cabinet on the eve of the Second World War.] Tbilisi, 1976.]
 8. Эванс Р. Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939 / пер. с англ. Б. Кобрицова, А. Галактионова. Екатеринбург, 2010. [Evans R. Tretij rejh. Dni triumfa: 1933–1939 [The Third Reich. Days of Triumph: 1933–1939]. Ekaterinburg, 2010.]

Статья поступила в редакцию 23.10.2025, принята к публикации 14.01.2026
The article was received on 23.10.2025, accepted for publication 14.01.2026

Об авторе / About the author

Зыкин Владислав Вячеславович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений факультета истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Vladislav V. Zykin – postgraduate student at the Department of General History and International Relations of the Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University, Krasnodar

E-mail: vlad.zykin@inbox.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-149-163

УДК 327

Паинг Мое У

Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
634050 г. Томск, Российская Федерация

Мьянма во внешней политике Китая: перспективы стратегического партнерства Китая с Мьянмой в многосторонних и двустороннем форматах

В статье рассматриваются перспективы китайско-мьянманского взаимодействия в многосторонних форматах, инициированных КНР, и на двустороннем уровне. С экономическим развитием Китая его роль на мировой политической арене становится все более важной. В данной статье предпринята попытка исследовать значение Мьянмы в многостороннем стратегическом партнерстве Китая в развитии юго-западного региона Китая, обеспечении безопасности границ и реализации стратегических интересов страны в соответствии с меняющейся внешней политикой Китая. В данной статье используется качественный метод исследования с использованием вторичных источников. Источники включают совместные китайско-мьянманские документы, документы Государственного совета КНР, заявления Министерства иностранных дел КНР. В данном исследовании рассматриваются политика Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества, инициатива «Один пояс, один путь», отношения КНР с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в контексте независимой и мирной внешней политики Китая. Рассматриваются основные стратегические и экономические интересы Китая в Мьянме.

Ключевые слова: внешняя политика Китая, многонациональное стратегическое партнерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стратегические интересы Китая, национальная безопасность

© Паинг Мое У, 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Паинг М.У. Мьянма во внешней политике Китая: перспективы стратегического партнерства Китая с Мьянмой в многосторонних и двустороннем форматах // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 149–163. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-149-163

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-149-163

Paing Moe Oo

National Research Tomsk State University,
634050, Russian Federation, Tomsk

Myanmar in China's foreign policy: Prospects for China's strategic partnership with Myanmar in multilateral and bilateral formats

The article examines the prospects for China-Myanmar cooperation in multilateral formats initiated by China and at the bilateral level. With China's economic development, its role in the global political arena is becoming increasingly important. China's influence cannot be ignored when analyzing world affairs. The article attempts to examine the significance of Myanmar in China's multilateral strategic partnership in developing China's southwest region, ensuring border security, and realizing the country's strategic interests in accordance with China's changing foreign policy. The article uses a qualitative research method with secondary sources. The sources include joint China-Myanmar documents, documents of the State Council of the People's Republic of China, and statements by the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. The study examines China's policy within the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Belt and Road Initiative (BRI), China's relations with the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in the context of China's independent and peaceful foreign policy, and demonstrates the importance of Myanmar to China's strategic economy. China's key strategic and economic interests in Myanmar are examined.

Key words: Foreign Policy, China, Multinational Strategic Partnership, National Security, Strategic Interest

CITATION: Paing M.O. Myanmar in China's foreign policy: Prospects for China's strategic partnership with Myanmar in multilateral and bilateral formats. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 149–163. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-149-163

Введение

С 1949 г. во внешней политике Китая основное внимание уделяется продвижению национальных интересов, которые становились масштабнее по мере роста его роли как глобальной экономической державы. Китайские политики используют различные стратегические инструменты, включая дипломатию, экономику, «мягкую силу» и военный потенциал, для продвижения национальных интересов страны. Китай в настоящее время является «великой державой» не только на региональном (Азиатско-Тихоокеанском), но и на международном уровне [20].

С начала XXI в. внешнеполитические интересы Китая вышли далеко за пределы Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и приобрели глобальный характер. Этот процесс ускорился при Председателе Си Цзиньпине, вступившем в должность в марте 2013 г. В 2014 г. было объявлено, что, согласно некоторым экономическим показателям, таким, как ВВП по паритету покупательной способности (ППС), Китай фактически обогнал США и стал крупнейшей экономической державой¹. Резкий рост мощи Китая и переориентация США на АТР в последние несколько лет вызвали повышенный интерес к тому, что эти процессы означают для регионального порядка. В частности, то, как Китай строит свои отношения с соседними государствами региона и как эти государства реагируют на усиление Китая, стало объектом все более пристального внимания. Ярким примером являются отношения Китая с Мьянмой, которые в последнее время претерпели значительные изменения. Цель настоящей статьи – выявить основные тенденции эволюции китайско-мьянманских отношений в первые десятилетия XXI в.

Повышение уровня жизни в Китае с 1981 по 2020 г. привел к сокращению бедности в мире на более чем 70% [11, с. 209–228]. Среди ученых и политиков преобладает мнение, что экономический рост страны обусловлен рыночными реформами и политикой открытости на вос-

¹ Keith F. China's Leap Forward: Overtaking the US as World's Biggest Economy. *Financial Times*. October 2014.

токе Китая, что способствовало его быстрому росту, а региональная политика «Открой Запад» на западе Китая способствовала уменьшению регионального дисбаланса [10, с. 26–50]. Как резюмировал Тант Мьинг У, «Китаю не хватает Калифорнии – еще одного побережья, которое обеспечило бы его отдаленным внутренним провинциям выход к морю» [19, с. 3]. Именно здесь кроются истоки политики «двух океанов», призванной сделать Китай «двухбережной» страной. Первый океан – Тихий, второй – Индийский. «Западная стратегия развития» была официально принята в 1999 г., и с ней была связана идея реализации связи через Мьянму с Индийским океаном. Бирма, возможно, не задумывалась как китайская Калифорния, но, несомненно, рассматривалась как мост между Бенгальским заливом и водами, лежащими за ним [Там же, с. 29–131]. Китайские проекты в Мьянме призваны стать мощным ответом на Стратегию развития Запада Китая. Они приведут к буму в развитии инфраструктуры, особенно в дорожном строительстве, и поэтому важны для Юньнани и других юго-западных провинций Китая [15]. В статье представлен краткий обзор истории внешней политики Китая и рассматриваются проблемы и перспективы развития китайское-мьянманского стратегического партнерства.

Принципы внешней политики и многосторонние стратегические проекты Китая

Принципы внешней политики Китая

Еще до победы в гражданской войне в октябре 1949 г. Мао Цзэдун продемонстрировал стремление обеспечить Китаю ведущую роль в Азии. Желая поставить «новый Китай» в центр региональных отношений, он руководствовался не только революционными полномочиями и престижем нации, но также интересами безопасности и процветания страны [7]. По его мнению, как безопасность, так и процветание во многом зависели от успеха коммунистических восстаний и революций за рубежом. Он считал, что именно посредством радикальной трансформации существующей международной системы и установления дружественных и идеологически совместимых режимов по всей Азии Китай сможет закрепить коммунистические завоевания внутри страны и обеспечить свою внешнюю безопасность [21]. Как сказал Мао в 1954 г., «снятие международной напряженности и мирное сосуществование стран с различным социальным строем – это не только лозунг Советского Союза, но и наш лозунг. В целом, мы должны придерживаться этих принципов в международных делах» [цит. по: 14, с. 200]. В результате Коммунистическая партия Китая (КПК) отказалась от прежнего

радикализма и приняла риторику мирного сосуществования, сосредоточившись на внутривластной консолидации и экономическом развитии [8, с. 207–241].

В 1979 г. Дэн Сяопин сформулировал т.н. «Четыре основных принципа», которые он объявил «основной предпосылкой для достижения модернизации». К ним относятся:

- 1) следование социалистическому пути;
- 2) сохранение диктатуры пролетариата;
- 3) руководство Коммунистической партии;
- 4) марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна².

Эти принципы закрепляют господство партии над политической и общественной жизнью Китая на марксистско-ленинской основе. Принципы Дэн Сяопина, несомненно, были необходимым условием стабильности в Китае, но они малопривлекательны для других государств. Чтобы справиться с этой ситуацией, Дэн Сяопин в марте 1990 г. сформулировал два основных принципа внешней политики Китая после окончания холодной войны: во-первых, проводить политику антигегемонизма, и, во-вторых, стремиться к установлению нового многополярного политического и экономического порядка [20]. Гегемонизм подразумевал доминирование Америки в мировых делах, а многополярность – необходимость объединения основных политических и экономических сил для ослабления ее гегемонии и пресечения попыток сдерживать Китай. Для реализации многополярности Китай сосредоточился на установлении хороших отношений со странами АТР и присоединении к региональным организациям сотрудничества [ibid.].

За десятилетие, прошедшее с момента прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 г., внешняя политика Китая претерпела значительные изменения, перейдя от оборонительного подхода к наступательному. Десятилетиями стимулируя экономический рост, Пекин работал над интеграцией в либеральный международный порядок и позиционированием себя как мирно растущей державы. Концепция «Сообщества единой судьбы человечества» остается центральной в дипломатическом видении Си Цзиньпина, выступающего за международную систему, соответствующую ценностям КПК³. Более того, в январе 2025 г. министр иностранных дел Ван И выделил ключевую роль Си Цзиньпина в определении внешнеполитического курса Китая. Он подчеркнул важность

² Xiaoping D. Uphold the Four Cardinal Principles. 1979. URL: <https://www.marxists.org/reference/archive/deng-xiaoping/1979/115.htm> (access date: 12.10.2025).

³ Striving for the Building of a Community with a Shared Future for Humanity // Ministry of Foreign Affairs: People's Republic of China. November 2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjzbhd/202511/t20251126_11760388.html (access date: 01.12.2025).

«дипломатии с китайской спецификой», которая позволяет преодолеть глобальные сложности в рамках многополярного подхода. Ван подчеркнул важность партнерских отношений с Глобальным Югом для противодействия ограничительной экономической практике и содействия инклюзивной глобализации [3]. Такие флагманские инициативы, как ОПОП, БРИКС и ШОС, играют ключевую роль в стратегии Китая по формированию благоприятной международной обстановки, соответствующей его стратегическим приоритетам. Подобные цели подчеркивают деятельность Китая по согласованию своих глобальных устремлений со сложным, все более фрагментированным международным порядком.

С момента своего основания в 1949 г. КНР несколько раз меняла стратегию внешней политики. Китай выступает против односторонних действий и протекционизма во всех их формах и будет отстаивать принципы международной справедливости и законности, говорится в докладе о работе правительства, представленном в марте 2025 г. на рассмотрение национального законодательного органа. Страна будет и впредь придерживаться независимой, мирной внешней политики и пути мирного развития, говорится в докладе⁴.

Многосторонние стратегические проекты Китая

В сентябре 2013 г., выступая в Назарбаев Университете в Казахстане, Си Цзиньпин заявил о необходимости «укреплять экономические связи, углублять сотрудничество и расширять пространство развития в Евразийском регионе»⁵. Он заявил сотрудникам и студентам, что это должно быть достигнуто посредством создания нового «экономического пояса вдоль Шелкового пути»⁶. Месяц спустя, в Джакарте, он развил эти идеи и предложил международное «морское партнерство для совместных усилий по созданию Морского Шелкового пути XXI века»⁷. Хотя инициатива «Один пояс, один путь» изначально направлена на стимулирование внешнеэкономических связей, она также служит инструментом содействия социально-экономическому развитию различных регионов Китая.

⁴ China opposes unilateralism, protectionism in all forms // The State Council: The People's Republic of China, Xinhua. March 2025. URL: https://english.www.gov.cn/news/202503/05/content_WS67c7b6cec6d0868f4e8f05c5.html (access date: 12.10.2025).

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Speech by Chinese President Xi Jinping to Indonesian Parliament. October 2013. URL: http://www.asean-china-center.org/english/2013-10/03/c_133062675.htm (access date: 12.10.2025).

На XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.) Си Цзиньпин подчеркнул, что инициатива «Один пояс, один путь» направлена не только на укрепление внешнеэкономических связей Китая, но и на содействие социально-экономическому развитию различных регионов страны. Целью инициативы является создание ряда международных коридоров экономического сотрудничества Китая с зарубежными странами. К ним относятся:

1) континентальный мост между Азией и Европой вдоль древнего торгового пути, соединявшего империю Цинь и Римскую империю;

2) морской путь от восточных берегов Китая к южным морям, достигающий берегов Восточной Африки;

3) международные коридоры экономического сотрудничества между Китаем и Россией, проходящие через Внутреннюю Монголию и северо-восточные провинции;

4) маршрут через Синьцзян и перевал Хунджераб, соединяющий Пакистан и Иран;

5) коридор вдоль р. Меконг, через железную дорогу Вьентьян–Куньмин и порты Гуанси-Чжуанского автономного района, способствующий торговле со странами АСЕАН;

6) маршрут через провинцию Юньнань, простирающийся до Мьянмы, Бангладеш и Индии [2, с. 382–387].

С 2013 по 2022 гг. общий объем торговли Китая с ключевыми странами-партнерами инициативы «Один пояс, один путь» рос в среднем на 8,6% в год, а объем двусторонних инвестиций превысил 270 млрд долл. США⁸. По данным Центра зеленой экономики и развития Фуданьского университета, по состоянию на август 2023 г. меморандумы о взаимопонимании для участия в проекте подписали 155 стран, что составляет почти 75% мирового населения⁹. Инвестиции, связанные с китайской инициативой «Один пояс, один путь», по состоянию на июль 2024 г. превысили 1 трлн долл. США¹⁰. По оценкам Всемирного банка, к 2030 г. сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» принесет миру ежегодную выгоду в размере 1,6 трлн долл. США,

⁸ Belt and Road Initiative: A Road of Prosperity for the New Era // Permanent mission of The People's Republic of China to The United Nations Office at Geneva and Other International Organizations in Switzerland. October 2023. URL: https://geneva.china-mission.gov.cn/eng/dbdt/202310/t20231012_11160145.htm (access date: 01.12.2025).

⁹ ပိုလ်းမကွန်ရက်မှသည် ကမ္ဘာ့ဘဝလမ်းဆီသို့ [From the Silk Road Network to the World Trade Center.] // The Republic of the Union of Myanmar Ministry of Information. 2023. URL: <https://www.moi.gov.mm/article/46402> (access date: 12.10.2025).

¹⁰ Nedopil C. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2025. Griffith Asia Institute and Green Finance and Development Center. FISF. Brisbane. July 2025. P. 23. URL: <https://blogs.griffith.edu.au/asiainsights/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2025/> (access date: 12.10.2025).

что составит 1,3% мирового ВВП и придаст мощный импульс глобальному развитию¹¹.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – межправительственная организация, созданная в 2001 г. Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном в целях содействия сотрудничеству и миру между государствами-членами, а также формирования «нового демократического, справедливого и рационального международного политического и экономического порядка» [18]. В 2017 г. к организации присоединились Индия и Пакистан, в 2023 г. – Иран, а в 2024 г. – Беларусь, в результате чего общее число государств-членов достигло десяти. В ШОС также входят 2 государства-наблюдателя – Монголия и Афганистан (в настоящее время неактивны) – и 14 партнеров по диалогу¹². Это крупнейшая в мире региональная организация по географии и численности населения, охватывающая около 80% территории Евразии и 40% населения мира. По состоянию на 2021 г. на долю блока приходилось 20% мирового ВВП. После интеграции Ирана ШОС контролирует 20% мировых запасов нефти и 44% природного газа. Организация играет ключевую роль в стратегическом продвижении Китая и России к «многополярному миру», позиционируя себя как альтернативу международным форумам, где доминирует Запад, таким, как ООН [18]. Товарооборот между Китаем и государствами – членами ШОС, государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу достиг рекордного уровня в 890 млрд долл. США в 2024 г., что составляет около 14,4% от общего объема внешней торговли Китая, согласно официальным данным¹³.

Китай стал партнером АСЕАН в 1996 г. С тех пор обе стороны добились плодотворных результатов сотрудничества, а в 2002 г. была создана Зона свободной торговли АСЕАН – Китай. В 2020 г. было создано крупнейшее в мире Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (ВРЭП), а в 2021 г. двусторонние отношения с АСЕАН были

¹¹ Belt and Road Initiative: A Road of Prosperity for the New Era // Permanent mission of The People's Republic of China to The United Nations Office at Geneva and Other International Organizations in Switzerland. October 2023. URL: https://geneva.china-mission.gov.cn/eng/dbdt/202310/t20231012_11160145.htm (access date: 01.12.2025).

¹² Шри-Ланка, Турция, Камбоджа, Азербайджан, Непал, Армения, Египет, Катар, Саудовская Аравия, Бахрейн, Кувейт, Мьянма, Мальдивы и Объединенные Арабские Эмираты.

¹³ Ren Q.I, Liu H.J. China, SCO partners keen on sustainable growth // China Daily. September 2025. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202509/01/WS68b4d65ba3108622abc9e197.html> (access date: 01.12.2025).

повышены до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства¹⁴. Будет укрепляться стратегическое партнерство Китая с государствами – членами АСЕАН, совместно реализовываться инициатива «Один пояс, один путь», осуществляться всестороннее сотрудничество в области торговли, инвестиций, связи, цифровой трансформации, чистой энергетики и борьбы с транснациональной преступностью. Кроме того, совместное поддержание многосторонности и многосторонней торговой системы поможет сторонам сообща противостоять глобальным вызовам и будет способствовать выходу региональной продукции с уровня взаимной торговли на мировые рынки. По словам заместителя министра коммерции Китая Ян Дао, объем торговли между Китаем и АСЕАН за первые семь месяцев 2025 г. достиг 597 млрд долл. США, что на 8,2% больше, чем в предыдущем году, и составляет 16,7% от общего объема внешней торговли Китая¹⁵.

Политика Китая в отношении Мьянмы

В поисках регионального влияния Китаю нужна Мьянма, чтобы усилить свою растущую военную и экономическую мощь за счет геополитической помощи. Всеобъемлющее стратегическое партнерство между Китаем и Мьянмой было установлено в 2011 г.¹⁶ В совместном заявлении от 27 мая 2011 г. были изложены цели партнерства. Они включают в себя: поддержание контактов на высоком уровне, расширение торговли и создание благоприятных условий для инвестиций, сотрудничество в области образования, науки и технологий, здравоохранения, туризма, сотрудничество в управлении границами, своевременное информирование по вопросам пограничного контроля и улучшение координации в ООН и других многосторонних форумах [5].

Основными интересами, определяющими политику Китая в отношении Мьянмы, являются стабильность приграничного региона, развитие западной провинции Юньнань, защита интересов и инвестиций

¹⁴ မဟာဗျူဟာမြောက် ကဏ္ဍချက်ဦး၍ ရပ်က တရုတ်-အာဆီယံ ဆက်ဆံရေး အနာဂတ်ကို ပြန်လည်ပုံသွင်းမည်ဟု အာဆီယံ အတွင်းရေးမှူးချုပ်ဆို [ASEAN Secretary-General says five strategic areas will reshape the future of China-ASEAN relations]. XinhuaMyanmar. June 2025. URL: <https://xinhuaanmar.com/news/world/nc-2562020/> (access date: 12.10.2025).

¹⁵ China remains ASEAN's largest trading partner for 16 consecutive years. The State Council: The People's Republic of China. September 2025. URL: https://english.www.gov.cn/news/202509/08/content_WS68bec54dc6d0868f4e8f5673.html (access date: 01.12.2025).

¹⁶ Myanmar firmly upholds One-China policy. Republic of the Union of Myanmar: National Defence and Security Council Office. June 2025. URL: <https://sacoffice.gov.mm/en/myanmar-firmly-upholds-one-china-policy> (access date: 12.10.2025).

Китай в Мьянме. В прогнозе на 2014 г. Государственный совет КНР предложил разделить страну на четыре региона: прибрежные территории, внутренние районы, западные регионы и северо-восток [1, с. 650]. Провинция Юньнань, расположенная на юго-западе Китая, становится важными воротами в Юго-Восточную и Южную Азию, гранича с Мьянмой, Лаосом и Вьетнамом. Ее стратегическое положение стимулирует региональную торговлю и инвестиции, делая Юньнань важнейшим центром экономического развития. Используя свои стратегические преимущества, Юньнань способствует созданию первоклассной деловой среды, уделяя особое внимание развитию ресурсной экономики, экономики промышленных парков и портовой экономики. Политика развития западных регионов является приоритетным планом регионального развития Китая с 2014 г. Национальная комиссия по развитию и реформам предложила оказать содействие в развитии автомобильных и железных дорог, а также водных ресурсов в западных регионах¹⁷. Предлагаемый Китаем экономический коридор Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма представляет собой попытку сбалансировать развитие восточных и западных регионов Китая. Поэтому руководство КНР считает, что географическое положение и богатые природные ресурсы Мьянмы могут внести значительный вклад в развитие западных регионов Китая, включая Юньнань¹⁸. В 2023 г. региональный ВВП провинции Юньнань превысил 3 трлн юаней¹⁹.

Экономический коридор Китай – Мьянма является частью инициативы «Один пояс, один путь». В 2018 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании по реализации Экономического коридора Китай – Мьянма (ЭККМ). Совместное создание Китайско-мьянманского экономического коридора будет проходить по маршрутам, начинающимся в провинции Юньнань в Китае и простирающимся до Мандалая, а затем до Янгона и Кьяукпью в Мьянме. Это сотрудничество приведет к развитию в данных областях торговли, возможностей трудоустройства и инвестиций между двумя странами. Глобальный проект развития Китая не только будет способствовать региональному развитию, но и создаст большой потенциал для развития торговли и экономики за счет подключения к международным сетям, и Мьянма

¹⁷ China sets tasks for 2014 western development. Global Times. 2014. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/841675.shtml> (access date: 12.10.2025).

¹⁸ China says no involvement in Myanmar's domestic issues. China Daily. 2009. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2009-09/10/content_8678729.htm (access date: 12.10.2025).

¹⁹ Yunnan: Doing businesses with Southeast Asia and beyond. China Daily. April 2024. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202404/01/WS660a6148a31082fc043bfcc8.html> (access date: 12.10.2025).

играет в этом стратегическую роль²⁰. В 2024 г. Китай экспортировал на 9,21 млрд долл. США²¹, а Мьянма импортировала на 7,07 млрд долл. США²², в результате чего положительное сальдо торгового баланса составило 2,14 млрд долл. США.

Геополитические, стратегические и связанные с безопасностью соображения также влияют на политику Китая в отношении Мьянмы. У Китая есть три основных стратегических интереса в Мьянме:

- 1) энергоснабжение и энергетическая безопасность;
- 2) доступ к Индийскому океану;
- 3) безопасность приграничных районов и приграничной торговли.

Энергоснабжение и энергетическая безопасность

Китай все больше сталкивается с «Малаккской дилеммой», поскольку 80% морской торговли Китая и экспорта нефти и газа проходит через Малаккский пролив [9]. Поэтому Китай стремится снизить свою уязвимость при морских перевозках через узкий пролив. Для достижения этой цели в 2009 г. Мьянма и Китай договорились о строительстве нефтепровода стоимостью 1,5 млрд долл. США и газопровода стоимостью 1,04 млрд долл. США, которые соединят порт Кьяукпью в Индийском океане с Куньмином (провинция Юньнань) [12, с. 152–153]. Эти два трубопровода имеют решающее значение для энергетической безопасности Китая, поскольку позволяют Китаю обойти Малаккский пролив для поставок энергоносителей. Это отражает общую геостратегическую схему, согласно которой Китай надеется получить доступ к Индийскому океану через Мьянму. Получив доступ к этим двум трубопроводам, Китай получил огромный стратегический доступ в Мьянму.

Доступ к Индийскому океану

Главной стратегической задачей Китая в Индийском океане является защита морской логистической коммуникации – путей, проходящих через Индийский океан, в частности, для транспортировки энергоносителей. Важнейшие из этих путей простираются от Ормузского

²⁰ ဝိုးလမ်းမကွန်ရက်မှသည် ကမ္ဘာ့ပတ်လမ်းဆီသို့ [From the Silk Road Network to the World Trade Center]. The Republic of the Union of Myanmar Ministry of Information. 2023. URL: <https://www.moi.gov.mm/article/46402> (access date: 12.10.2025).

²¹ China exports to Myanmar 2025 data, 2026 forecast, 1992–2024 historical. Trading Economics. 2025. URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports/myanmar> (access date: 12.10.2025).

²² China imports from Myanmar 2025 data, 2026 forecast, 1992–2024 historical. Trading Economics. 2025. URL: <https://tradingeconomics.com/china/imports/myanmar> (access date: 1.12.2025).

пролива в устье Персидского залива, огибая Индийский субконтинент, до Бенгальского залива и проходя через Малаккский пролив. Другие морские пути простираются через Индийский океан от Суэцкого канала и из южной части Африки. Стратегическая слабость Китая заключается в отсутствии наземных транспортных связей между Китаем и Индийским океаном. Суровые географические барьеры, создаваемые горными хребтами, пустынями и джунглями вдоль южной границы Евразийского континента, существенно затрудняют развитие таких связей. Действительно, вплоть до начала XXI в. не существовало крупных транспортных путей – автомобильных, железнодорожных или речных, соединяющих Китай с Индийским океаном. Практически вся торговля Китая с Европой и Ближним Востоком проходит через Индийский океан, с запада на восток огибая Индийский субконтинент и транзитом через Юго-Восточную Азию, прежде чем попасть в тихоокеанские порты Китая. Таким образом, Мьянма является ключевой страной, которую можно использовать в качестве сухопутного моста в наземных транспортных связях между Китаем и Индийским океаном [4, с. 48–59].

Безопасность приграничных районов и приграничной торговли

Китай использует реалистическую дипломатию для достижения своих стратегических целей, таких, как безопасность в приграничных районах, обеспечение безопасности дружественных соседних стран и энергетическая безопасность [13, с. 225–231]. Другим фактором, влияющим на внешнюю политику Китая, является роль соперников, включая США. Американское политическое сообщество считает, что азиатизм США направлен на сдерживание Китая [16; 17]. Во время Второй мировой войны союзники использовали Мьянманскую дорогу для поставок в Китай грузов для сопротивления японской агрессии²³, а исторические уроки японской оккупации Мьянмы с целью прекращения этих поставок усилили опасения Китая относительно того, что внешняя держава может использовать Мьянму для подрыва интересов Китая. Поэтому роль и потенциальное влияние Китая в переходный период в Мьянме следует рассматривать именно в свете вышперечисленных факторов.

Китай и Мьянма на протяжении многих лет поддерживают стабильные добрососедские отношения. На саммите ШОС 2025 г. Си Цзиньпин призвал обе страны к углублению стратегического сотрудничества, ускорению построения сообщества единой судьбы и обеспечению

²³ Old Burma Road from Chongqing, Kunming to Yangon. Yunnan exploration. URL: <https://www.yunnanexploration.com/old-burma-road.html> (access date: 12.10.2025).

большого блага для народов двух стран. Как партнер по диалогу ШОС, Мьянма готова внести свой вклад в развитие организации, добавил Мин Аунг Хлаинг, исполняющий обязанности президента Мьянмы²⁴. Усилия Китая по построению сообщества единой судьбы с соседями – это не только устойчивая и всеобъемлющая повестка развития, основанная на взаимном уважении, но и укрепление отношений с соседними странами в условиях глобальной нестабильности и глубоких изменений в международной обстановке, что может способствовать региональному процветанию и открыть новые перспективы для построения более справедливого мира.

Заключение

В связи с меняющейся глобальной политической обстановкой внешняя политика Китая претерпела изменения. Китай стремится к построению всеобъемлющего стратегического партнерства, полагая, что такие проекты, как инициатива «Один пояс, один путь» и ШОС, являются долгосрочными стратегическими проектами глобального расширения и могут способствовать международному экономическому сотрудничеству и развитию не только среди стран-членов, включая Китай, но и между связанными с ними странами по всему миру. Прочность нынешних внешних отношений Китая основана на укреплении доверия – подкрепленном инвестициями и экономической помощью – с партнерами в развивающемся мире, а также на имидже антиимпериалистической, мирно развивающейся державы, который страна продвигает в мире. В последние годы Мьянма стала важным стратегическим партнером для Китая. В рамках многосторонних форматов, таких, как АСЕАН и ШОС, Китай и Мьянма могут развивать сотрудничество в различных сферах, включая безопасность, экономику и культуру.

С точки зрения геополитики, Мьянма занимает важнейшее геостратегическое положение в Юго-Восточной Азии. Она является важным связующим звеном между Китаем и Индийским океаном, а также важнейшим узлом китайской инициативы «Один пояс, один путь». Мьянма является неотъемлемой частью усилий Китая по обходу Малаккского пролива, и такие проекты, как Китайско-мьянманский экономический коридор, могут помочь Китаю в достижении цели укрепления своей энергетической безопасности. С экономической точки зрения, богатые природные ресурсы и инфраструктурный потенциал Мьянмы

²⁴ Xi meets Myanmar's acting president. The State Council: The People's Republic of China, Xinhua. August 2025. URL: https://english.www.gov.cn/news/202508/30/content_WS68b2fa3ec6d0868f4e8f52ff.html (access date: 12.10.2025).

делают ее привлекательным объектом инвестиций для Китая. В настоящее время Китай стал крупнейшим торговым партнером и инвестором Мьянмы, экономическое сотрудничество между двумя сторонами углубляется. Перспективы многостороннего стратегического партнерства Китая и Мьянмы зависят от способности обеих стран адаптироваться к меняющимся геополитическим условиям, а также от внутренней ситуации в Мьянме. Внешняя политика Китая направлена на ускорение не только международного, но и регионального сотрудничества, что также является стремлением к созданию более совершенной глобальной системы в интересах Китая.

Библиографический список / References

1. Островский А.В. Заключение к книге «КНР: экономика регионов» // КНР: экономика регионов / отв. ред. А.В. Островский. М., 2015. [Ostrovskiy A.V. Conclusion to the book "China: Regional Economy". KNR: ekonomika regionov. Moscow, 2015. Pp. 649–656. (In Rus.)]
2. Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М., 2020. [Ostrovskiy A.V. Kitay stanovitsya ekonomicheskoy sverkhderzhavoy [China is on its path to economic superpower]. Moscow, 2020. Pp. 382–387. (In Rus.)]
3. Benvenuti A. Chien-Peng Chung, Nicholas Khoo and Andrew Tan. China's foreign policy: The emergence of a great power. L., 2022. DOI: 10.4324/9781003088288.
4. Brewster D. An Indian Ocean dilemma: Sino-Indian rivalry and Chinas strategic vulnerability in the Indian Ocean. *Journal of the Indian Ocean Region*. 2015. Vol. 11. No. 1. Pp. 48–59. DOI: 10.1080/19480881.2014
5. Chenyang L.I. China–Myanmar comprehensive strategic cooperative partnership: A regional threat? *Current Southeast Asian Affairs*. 2012. Vol. 31. No. 1. Pp. 53–72. DOI: 10.1177/186810341203100104
6. Cheong T., Wan G., Chui D. Unveiling the relationship between economic growth and equality for developing countries. *China & World Economy*. 2022. Vol. 30. No. 5. Pp. 1–28.
7. Handbook of United States – China relations. A.T.H. Tan (ed.). Cheltenham, 2016.
8. Jian C. Bridging revolution and decolonisation: The “Bandung Discourse” in China’s Early Cold War experience. *The Chinese Historical Review*. 2008. Vol. 15. No. 2. Pp. 207–241. DOI: 10.1179/tcr.2008.15.2.207
9. Lanteigne M. Chinese foreign policy: An introduction. L., 2015. Pp. 1–22.
10. Lin J.Y., Wang Y. Seventy years of economic development: A review from the angle of new structural economics. *China & World Economy*. 2020. Vol. 28. No. 4. Pp. 26–50.
11. Liu M., Feng X., Wang S., Qiu H. China’s poverty alleviation over the last 40 years: Successes and challenges. *Australian Journal of Agricultural and Resource Economics*. 2020. Vol. 64. No. 1. Pp. 209–228.

12. Myoe M.A. In the name of Pauk-Phaw. The Institute of Southeast Asian Studies. Singapore, 2011.
13. Pederson M.B., Rudland E., May R.J. Burma Myanmar: Strong regime, weak state? M.B. Pederson, E. Rudland, R.J. May (eds.). Burma Myanmar – Strong Regime, Weak State? Crawford House Publishing Pty Ltd, Adelaide, 2000). *Sotern Cross University Law Review*. 2000. Vol. 4. Pp. 225–231.
14. Shen Z., Xia Y. Leadership transfer in the Asian revolution: Mao Zedong and the Asian Cominform. *Cold War History*. 2014. Vol. 14. No. 2. Pp. 195–213. DOI: full/10.1080/14682745.2013.803471
15. Steinberg D., Hongwei F. Modern China–Myanmar relations. Dilemmas of Mutual Dependence. Copenhagen, 2012.
16. Sun Y. China, the United States and the Kachin Conflict. *Great Powers and the Changing Myanmar*. *Stimson Center*. 2014. No. 2. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep10790?seq=1> (access date: 12.10.2025).
17. Sun Y. Myanmar in US–China relations. *Great Powers and the Changing Myanmar*. *Stimson Center*. 2014. No. 3. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep10802> (access date: 12.10.2025).
18. Teekah E. Shanghai Cooperation Organization. Britannica. October 2025. URL: <https://www.britannica.com/topic/Shanghai-Cooperation-Organization> (access date: 1.12.2025).
19. Thant M.U. Where China meets India. Burma and the new crossroads of Asia. N.-Y., 2011.
20. William A.J. Politics in China: An Introduction. 3rd ed. Oxford University Press, 2019. DOI: 10.1086/711545
21. Zhai Q. China and the Vietnam Wars, 1950–1975. Chapel Hill, 2000.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025, принята к публикации 22.12.2025
The article was received on 11.11.2025, accepted for publication 22.12.2025

Сведения об авторе / About the author

Паинг Мое У – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Paing Moe Oo – PhD student at the Department of World Politics of the Faculty of Historical and Political Science, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

E-mail: linnpaing1995@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-164-170

К.А. Белоусова

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Ястреб и голубь: Черчилль и Эйзенхауэр

Рецензия на книгу: Catherwood Ch.
Churchill, Eisenhower,
and the making of the modern world.
Essex (Connecticut), 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Белоусова К.А. Ястреб и голубь: Черчилль и Эйзенхауэр. Рецензия на книгу: Catherwood Ch. Churchill, Eisenhower, and the making of the modern world. Essex (Connecticut), 2023 // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 164–170. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-164-170

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-164-170

K.A. Belousova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

The Hawk and the Dove: Churchill and Eisenhower

Book Review: Catherwood Ch.
Churchill, Eisenhower,
and the making of the modern world.
Essex (Connecticut), 2023

CITATION: Belousova K.A. The Hawk and the Dove: Churchill and Eisenhower. Book Review: Catherwood Ch. Churchill, Eisenhower, and the making of the modern world. Essex (Connecticut), 2023. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 164–170. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-164-170

Монография английского историка К. Катервуда «Черчилль, Эйзенхауэр и создание современного мира»¹ привлекает внимание прежде всего потому, что она основана на малоизвестной официальной переписке между Уинстоном Черчиллем и Дуайтом Эйзенхауэром, которых объединяли долгие годы сотрудничества (1941–1955). Автор небезосновательно говорит о том, что, если в 1941 г. Эйзенхауэра можно было метафорично назвать голубем, а Черчилля – ястребом, то уже к началу 1950-х гг. ситуация поменялась.

Кроме того, книга Катервуда была написана уже после начала специальной военной операции Российской Федерации на Украине, что, конечно, не могло не повлиять и на ее идеологическую составляющую. И, действительно, уже во введении автор пишет о том, что идеалы послевоенного урегулирования и создание НАТО снова ожили, когда Запад объединился в моральной поддержке Украины. Ценности, лелеемые Черчиллем и Эйзенхауэром, вновь приобрели смысл в этом

¹ Catherwood Ch. Churchill, Eisenhower, and the making of the modern world. Essex (Connecticut): Lyons Press, 2023. 236 p.

конфликте, который автор называет величайшим европейским военным кризисом со времен Второй мировой войны.

Несколько глав монографии посвящено Второй мировой войне. Весьма любопытна точка зрения автора на открытие второго фронта, который он по традиции западной историографии называет «Днем Д». Он сравнивает число погибших британских солдат в первый день в битве на Сомме 1 июля 1916 г. и в день высадки в Нормандии, 6 июня 1944 г.: 19 тыс. против 1400 (р. 34). Таким образом, цена жизни англичан и американцев ставилась выше цены жизней советских солдат.

В целом, можно отметить, что автор отвлекает читателя от того, почему второй фронт не был открыт, когда было обещано. Катервуд полагает, и небезосновательно, что американские военные были готовы открыть второй фронт в Европе в 1942 и 1943 гг., но политики в лице Черчилля и Рузвельта не дали этим планам осуществиться: план Черчилля по вторжению в северо-западную Африку позволил президенту «продать» Конгрессу и американскому народу немедленные действия США против Германии.

По мнению автора, настоящей причиной, по которой «День Д» не состоялся в августе 1943 г., заключалась в том, что в Касабланке британцы отказались рассматривать такую операцию, а американцы не настаивали, однако он уверен, что «День Д» в 1943 г. был бы катастрофой для американцев и англичан (р. 62).

Можно отметить, что Катервуда больше волновали последствия открытия второго фронта только в 1944 г.: «они (Черчилль и Рузвельт. – К.Б.) подвергли Польшу советской тирании, не говоря уже о большей части остальной Центральной и Восточной Европы, и, по оценкам экспертов по Холокосту, привели к гибели сотни тысяч евреев, которые в противном случае смогли бы выжить» (р. 34). Весьма показательно, что автор уравнивает эти два совершенно несовместимых явления. И, по мнению автора, решение отложить открытие второго фронта разделило Европу железным занавесом и создало условия для начала Холодной войны (р. 76). При этом автор считает, что мир 1945 г. не был ошибкой ни Рузвельта, ни Эйзенхауэра, а наследием решения Чемберлена в 1938 г. (р. 92).

Катервуд отмечает, что решение не брать Берлин является одним из самых дискуссионных вопросов в карьере Эйзенхауэра. По мнению автора, Черчилль хотел первым захватить Берлин, однако Эйзенхауэр понимал, что число жертв будет огромным. Так и оказалось: число советских солдат, погибших при штурме Берлина, превышало число американцев, погибших за все годы Второй мировой войны. И, несмотря на то, что что Черчилль в 1945 г. называл США «арсеналом

демократии» (чудесное словосочетание!), желание Эйзенхауэра избежать конфликта с СССР любой ценой победило (р. 86).

Еще один момент, который привлекает внимание, – это оценка необходимости атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. По мнению автора, ирония дебатов об этичности сбрасывания атомных бомб заключается в том, что число погибших среди гражданского населения в случае американского вторжения на главный японский остров было бы значительно выше, чем число погибших в обоих городах, а количество погибших среди японских военных еще больше затмило бы эти цифры, не говоря уже о прогнозируемом миллионе американских потерь (р. 93). Уже в который раз мы замечаем, что западные исследователи вполне спокойно рассуждают об альтернативной истории.

Холодную войну автор датирует 1948–1991 гг. Речь Черчилля в Фултоне в 1946 г. он считает призывом к США остаться в Европе, а не покидать ее как в 1918 г. (р. 79). По мнению автора, Черчилль предвидел «оккупацию Чехословакии» и берлинский воздушный мост.

В главах, посвященных послевоенному времени, автор говорит о том, что именно Черчилль хотел продолжения «особых отношений» с США времен войны. Однако, по мнению автора, к 1953 г. «особые отношения» были уже мертвы. США было выгодно общаться со всеми европейскими странами на равных основаниях, не делая преференций для Великобритании (р. 105), поэтому Эйзенхауэр сетовал, что Великобритания не вступила в Европейское объединение угля и стали (ЕОУС).

Интересно, что в письме Черчилля к Эйзенхауэру в 1953 г. первый пишет, что 80 млн белых англоговорящих британцев должны работать вместе с 140 млн американцев. Когда Черчилль писал о 80 млн, он имел в виду не население Соединенного Королевства, а Британии как империи. И автор прав, говоря о том, что Черчилль все еще мысленно находился в другой эпохе.

Что же это были за «особые отношения», если обе стороны понимали их по-разному? США хотели, чтобы Британия дала независимость своим колониям и присоединилась к новой Европе, которая формировалась по ту сторону Ла-Манша. По двум этим вопросам Черчилль сказал «нет» (р. 168).

Интересно также мнение автора о расхождениях между президентом и премьер-министром в отношении атомного оружия. Если Эйзенхауэр рассматривал последнее как «усовершенствование в военном арсенале», считая, что со временем оно станет «обычным оружием», то Черчилль – как нечто совершенно новое и ужасное (р. 135), предвещая опасность взаимного уничтожения (р. 143). Однако автор «одергивает» себя, говоря: надо иметь в виду, что могут сделать «Советы» во имя политической

догмы (р. 147). Он пишет, что Черчилль отрицал саму идею о том, что он каким-либо образом умиротворяет СССР, но «две великие мировые идеологии, капитализм и коммунизм, теперь должны научиться сосуществовать “бок о бок”» (р. 149).

Причиной желания Черчилля иметь в Британии собственное ядерное оружие была не только советская угроза его применения, но, прежде всего, американская опасность, что ставит весь вопрос в радикально иную перспективу (р. 159).

Несмотря на то, что период президентства Эйзенхауэра считается первым апофеозом холодной войны, хотя бы в связи с устрашающей риторикой Д.Ф. Даллеса, надо обратить внимание на то, что при этом не было ни одного межсистемного конфликта. Автор подтверждает эту точку зрения, говоря о том, что все были благодарны Эйзенхауэру, что он не втянул США во вьетнамскую войну в 1950-х гг. Однако, и автор в этом прав, гораздо менее известно, если вообще известно, что Черчилль отказался позволить Великобритании присоединиться к войне во Вьетнаме еще в 1954 г. Поскольку в тот период у СССР еще не было межконтинентальных ракет, британский премьер опасался, что весь «гнев» Советского Союза будет сосредоточен на Британском Королевстве (р. 176).

В этот год англо-американские отношения достигли одной из самых низких точек со времен Второй мировой войны, и это под руководством У. Черчилля, великого хранителя, даже изобретателя «особых отношений». Получается, что именно Черчилль, отказавшись позволить Британии участвовать в коалиционной войне во Вьетнаме, наложил вето на американские действия. Вот почему Британии нужно было собственное ядерное оружие (р. 188). Имея в своем арсенале водородную бомбу, Соединенное Королевство могло удержать СССР от удара по Англии, и, только обладая таким оружием, страна могла иметь какое-либо влияние на решения, принимаемые в Вашингтоне.

«Особые отношения», видимо, действительно были приостановлены в 1954 г., поскольку, с одной стороны, Черчилль, опережая свое время, хотел от Эйзенхауэра дипломатии на высшем уровне, обосновывая свою позицию тем, что в США и СССР «ведутся ужасающие приготовления к взаимному уничтожению», а с другой – Эйзенхауэр требовал от Черчилля деколонизации, к которой последний был не готов, все еще рассматривая Соединенное Королевство как империю (р. 193).

В рецензируемой книге, со слов автора, исследуются два аспекта истории. Один из них – «особые отношения» США и Великобритании через призму двух людей, стоявших в центре этих отношений с 1942 по 1955 гг., У. Черчилля и Д. Эйзенхауэра, и того, как баланс сил

между этими двумя людьми изменился за тринадцатилетний период. Контраст наглядно демонстрирует, когда некогда могущественная Британская империя пришла в упадок, а доселе изоляционистские США стали мировым гегемоном и лидером свободного мира вместо Великобритании. Второй аспект – это то, что трансатлантическое изменение баланса помогло создать современный мир, и его результаты налицо, несмотря на выход Великобритании из Европейского союза и период идеологического неоиоляционизма Америки при Дональде Трампе (р. 221).

Однако именно Черчилль олицетворял «особые отношения», которые, возможно, остались и поныне. Для Эйзенхауэра Франция, а вскоре и Германия, были одинаково важны, и поэтому идея уникального места для Британии уже устарела. Отношения между двумя странами все еще были особенными, но далеко не в том смысле, который представлял себе Черчилль (р. 224).

Хотя премьер-министр Г. Вильсон как лейборист был политически близок к Линдону Джонсону, президенту-демократу, между ними не было «особых отношений», поскольку Вильсон отказался отправить британские войска сражаться вместе с американцами во Вьетнаме. Премьер-министр Тед Хит, консерватор, был решительно настроен проевропейски, поэтому не видел необходимости в старых трансатлантических связях. Однако при ревностно консервативной М. Тэтчер и ее идеологическом единомышленнике Р. Рейгане можно увидеть, как «особые отношения» расцвели и стали тем типом связи, который представлял себе Черчилль.

Т. Блэр надеялся вернуть Британию в Европу, при этом сохраняя тесные трансатлантические отношения. В 2001 г. его поддержка США после 11 сентября принесла ему в Америке статус героя. Как Франция, так и Германия поддержали США – единственный раз, когда была реализована ст. 5 договора НАТО. Однако после начала войны в Ираке Блэру пришлось выбирать между Европой и США. Великобритания сказала «да» и последовала за США в войне 2003 г., в то время как Франция и Германия остались в стороне.

Последующие премьер-министры имели рабочие отношения с Вашингтоном, однако автор отмечает возобновление «особых отношений» Б. Джонсона и Д. Трампа. Джонсон предпочел использовать словосочетание «нерушимые отношения», поскольку слово «особые» подразумевает «нуждающиеся», а в XXI в. это может быть гораздо более точным способом описания отношений США и Великобритании – таким, который признает, что США намного могущественнее, но также и то, что Великобритания не является каким-то скромным просителем, выполняющим приказы своего «хозяина».

Удивительно, но автор приходит к выводу, что, хотя Черчилль и Эйзенхауэр сыграли огромную роль в создании нового мирового порядка, однако именно Г. Трумэн сыграл в этом первую роль. Однако речь Черчилля о железном занавесе была реализована созданием НАТО в 1949 г., а его первым командующим был Эйзенхауэр. Таким образом, хотя эти два лидера не создали новый геополитический порядок в прямом смысле, они оказали большое влияние на мировой порядок будущего.

Сведения об авторе / About the author

Белоусова Ксения Андреевна – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Ksenia A. Belousova – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of European and American Countries of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: thevp@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-171-179

В.Ж. Цветков

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация;

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
600000, г. Владимир, Российская Федерация

Рецензия на книгу:

Лубков А.В.

Личность. История. Цивилизация. Аксиология.
М., 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Цветков В.Ж. Рецензия на книгу: Лубков А.В. Личность. История. Цивилизация. Аксиология. М., 2025 // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2026. Т. 17. № 1. С. 171–179. DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-171-179

DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-171-179

V.Z. TsvetkovMoscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;Vladimir State University,
Vladimir, 600000, Russian Federation**Book review:**

A.V. Lubkov.

Personality. History. Civilization. Axiology.

Moscow, 2025

CITATION: Tsvetkov V.Z. Book review: A.V. Lubkov. Personality. History. Civilization. Axiology. Moscow, 2025. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 171–179. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2026-17-1-171-179

Книга, о которой пойдет речь в рецензии, уже не первая среди монографий и сборников статей, написанных и составленных доктором исторических наук, академиком Российской академии образования, ректором Московского педагогического государственного университета (МПГУ) Алексеем Владимировичем Лубковым. Можно с полным основанием говорить о серии изданий, объединенных одним принципом – откликаться на наиболее злободневные проблемы отечественной науки и системы образования.

Формат данного сборника позволил собрать «под одной обложкой» тематику самую разнообразную – от исторических судеб русского либерализма до проблем истории кинематографа. Данная книга содержательно и структурно продолжает увидевший свет в 2017 г. сборник статей и выступлений «Личность. Время. Образование».

Как отмечается в аннотации к книге, «исследования последних лет связаны с изучением вопросов национально-культурной идентичности и консолидации общества, проблем советского кинематографа и творчества режиссера А.А. Тарковского...»¹.

¹ Лубков А.В. Личность. История. Цивилизация. Аксиология. М., 2025. С. 3.

Одними из наиболее актуальных, с точки зрения современной научной историографии и научно-популярной публицистики, представляются сюжеты, связанные с социально-политическими изменениями в истории нашей страны более чем столетней давности. И в этом отношении рецензируемый сборник хорош в т.ч. и тем, что в нем автор снова, равно как и в прошлых исследованиях, возвращается к проблематике формирования и эволюции русской либерально-демократической идеологии, ее реализации в общественно-политической жизни Российской империи и России периода революции и Гражданской войны.

В опубликованной в книге беседе (с характерным названием «О либералах реальных и ряженных») Алексей Владимирович замечает следующее: «Слово “либерал” сегодня воспринимается негативно. Люди с низким культурным и образовательным уровнем и не хотят знать истории либерального движения, относя себя к либералам. За формулой “русский либерал” часто кроются свои корыстные интересы, политические амбиции...»².

Действительно, трудно не согласиться с тем, что политические, сугубо конъюнктурные соображения подчас искажают историческую правду в отношении русского либерального движения начала XX в. Популярность актуальных исторических «параллелей», стремление любой ценой усилить собственную политическую позицию ссылками на те или иные исторические факты и события и, наряду с этим, их предвзятая трактовка, наносят заметный вред объективности и научности. Отрадно наблюдать, что автор сборника остается на принципиально важной точке зрения о необходимости взвешенного всестороннего анализа общественно-политической ситуации в Российской империи.

А.В. Лубков выделяет различных представителей русского либерализма, отмечая их отнюдь не разрушительно антигосударственную позицию, а напротив, стремление сделать много положительного для страны, для народа, в т.ч. в структурах земско-городского самоуправления, постепенно становившихся фундаментом будущей российской государственности: «Если говорить об истории русского либерализма, то наиболее яркая его страница – история земского движения. Земцы – те представители земского самоуправления, которые принадлежали к либеральному лагерю...»³.

К слову сказать, и автор подчеркивает это, подобный подход уже был основой оценок либералов в изданной еще в 2008 г. монографии «Князь Шаховской. Путь русского либерала» (написанной в соавторстве

² Лубков А.В. Личность. История. Цивилизация. Аксиология. М., 2025. С. 179.

³ Там же. С. 177.

с И.В. Кузьминой)⁴. Как полагает А.В. Лубков, в этой книге следовало «показать положительные черты русского либерального земского движения – уважение к личности, к народным институтам, самостоятельность...»⁵.

Безусловно, гораздо сложнее понять роль русских либералов в формировании предпосылок Великой российской революции, особенно событий февраля–марта 1917 г. Довольно распространенным в настоящее время (хотя зародилось оно в среде русской эмиграции около ста лет назад) является мнение об их «решающей роли» в инициировании и проведении антигосударственных действий.

По мнению А.В. Лубкова, не стоит забывать о достаточно активной роли низовых общественно-политических структур, все более и более значимых с точки зрения происходивших в стране процессов формирования гражданского общества. Но их роль, особенно в начале 1917 г., не оказалась созидательной. «...Неудивительно, что Февраль произошел фактически по телеграфу, поскольку сетевые структуры гражданского общества на местах были давно созданы, о чем уже говорилось. Советы рабочих депутатов, к примеру, появились еще в годы Первой русской революции 1905–1907-х гг. Не случайно мы затронули вопрос о пестроте состава правления кооперативных организаций. В первые дни Февральской революции оппозиционные революционные радикальные учреждения появлялись буквально “по щелчку”. В известном двухтомнике выдающегося летописца Февральской революции Э.Н. Бурджалова, описывавшем размах стихии тех дней, хотя напрямую и не говорится, но вполне понятным становится, что эта стихия была организована...»⁶. Однако не стоит забывать и о том, что либеральная оппозиция в Государственной Думе и Государственном Совете, особенно представители «Прогрессивного блока», не были сторонниками активных, насильственных действий, а выступали с лозунгами создания «министерства доверия» и, в крайнем случае, «ответственного министерства». Как писал В.И. Ленин, «буржуазия кралась к власти». Важно помнить, что еще советскими исследованиями (особенно упомянутым выше Э.Н. Бурджаловым) была доказана организующая роль в отношении «стихии» народных протестов именно со стороны левых партий, в т.ч. большевиков (их организаций в заводских районах Петрограда и Москвы). Это проявлялось в т.ч. в организации и проведении политических забастовок в январе–феврале 1917 г. и, особенно, массовых

⁴ Лубков А.В., Кузьмина И.В. Князь Шаховской: путь русского либерала. М., 2008.

⁵ Лубков А.В. Личность. История. Цивилизация. Аксиология. М., 2025. С. 179.

⁶ Там же. С. 188.

протестных акций, в конечном итоге приведших к победе восстаний в Петрограде и Москве⁷.

В этой связи, например, характеристика речи П.Н. Милюкова в IV Государственной Думе («штурмовой сигнал» революции) представляется нам достаточно надуманной, хотя бы уже по той простой причине, что подавляющее большинство населения Российской империи просто не могло познакомиться с ее содержанием (в т.ч. по причине неграмотности). Предпосылки же и условия столь глобального события, как революция, не могут зависеть только от публичных выступлений тех или иных политических деятелей, к какому бы лагерю они не принадлежали.

Показательно при этом, что А.В. Лубков не стремится к оправданию тогдашних «власть предержащих», справедливо отмечая немалые проблемы в системе управления накануне революции: «Власть не оказалась, к сожалению, в состоянии решать задачи, выдвигаемые историей. И.А. Ильин, уже находясь в эмиграции, писал о том, что от ответственности не отстранен и Государь Николай II... Противостояние либеральной оппозиции власти, которая, в свою очередь, не смогла достичь понимания в диалоге с обществом, обернулось катастрофой российской государственности. Следствием, приведшим к ней, как верно также заметил И.А. Ильин, было и падение монархического самосознания. Это была трагедия наступающего века модерна, секуляризации, когда ценностно-смысловые основания русского человека были во многом повержены и находились в диффузном состоянии...»⁸.

Подводя итог весьма интересным рассуждениям автора сборника о роли русского либерализма в революционный период, хотелось бы более развернуто процитировать статью известного философа Г.П. Федотова, написанную в 20-летнюю годовщину 1917 г., уже в эмиграции. Дело в том, что нередко его сопоставление «февраля» и «октября» трактуется как определенное предпочтение последнего первому. Однако это не так. Напротив, Федотов всячески подчеркивает, что февральские перемены, даже при всех их кризисных последствиях, в целом выражали общую тенденцию к глубокой демократизации русского общества, продолжавшуюся с XIX в. А вот «октябрю» суждено было проявиться в качестве негативного примера того, как неуправляемо и непредсказуемо и, самое главное, «имморально», может развиваться революционная «стихия».

⁷ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

⁸ Лубков А.В. Личность. История. Цивилизация. Аксиология. М., 2025. С. 185.

В оценке Федотова: «Осенью, как и весной, массы дали увлечь себя вождям, с которыми, в сущности, они не имели ничего общего и которые пытались использовать энергию стихийного обвала для своей политической работы. Люди октября в этом успели потому, что в своем безграничном имморализме открыли все шлюзы низким страстям.

Февраль не только не породил октябрь в этом смысле, но в противостоянии ему нашел себя... За ним стоит великий XIX век в основной линии русской свободолюбивой и человеколюбивой мысли. А еще глубже – забытые, но еще живые заветы русского деятельного христианства, прошедшие сквозь разум западного, тоже христианского гуманизма. Так обнаруживается, что символ февраля, очищенный от всех случайных исторических наслоений, есть символ гуманизма, символ деятельного, социального христианства. И, прежде всего, символ Свободы...

Настанет время – мы не знаем, близко ли оно, когда растоптанный, униженный человек (ведь, он, в конце концов, не термит, а бессмертный дух!) взбунтуется и потребует своих прав: уже не на пищу, не на спорт, не на зрелища, а на мысль, на свободу, на нравственную ответственность. Это первое пробуждение человека и будет воскресением февраля – в России...»⁹.

Другой, не менее важный аспект сборника, на который обязательно следует обратить внимание, – специфика подготовки специалистов-учителей в стенах возглавляемого А.В. Лубковым Московского педагогического государственного университета.

И здесь сразу выделяется принципиально важный момент. За все время своей длительной и плодотворной педагогической деятельности А.В. Лубков неоднократно подчеркивал важность нескольких направлений учебно-методической работы. Во-первых, всестороннее поощрение самостоятельности, диалектичности мышления будущих педагогов. Во-вторых, максимально творческие, нестандартные подходы к изучению конкретного исторического материала, отсутствие страха перед переменами. И третий, наиболее важный акцент, – важность профессионального сознания, профессиональной гордости у тех, кто уже трудится в школе и тех, кому еще предстоит сделать свой первый шаг по учительской стезе.

На эти же направления он обращает внимание и на страницах рецензируемого сборника. «Учитель во все времена был той фигурой, которая не только воспитывает, но и объединяет народ, – отмечает автор. –

⁹ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 2. СПб., 1992. С. 135.

И сегодня мы говорим слова благодарности нашему учредителю и всем коллективам педагогических университетов, которые готовят учителей для их высокого служения. Технология не может заменить личность учителя в образовании. Учитель был, есть и будет главным в образовательном и воспитательном процессе...»¹⁰.

А.В. Лубков убежден, что выпускник педагогического университета «может прийти в школу и года через 3–5 понять, что вообще не тем хотел заниматься. Для того чтобы состояться в профессии, надо профессионально меняться, быть в движении, не останавливаться. Главное – стремление к самосовершенствованию, к творчеству. Учитель должен быть разгружен, бюрократическая машина убивает в нем творческое начало. Педагогические университеты видят эти проблемы. Главное – человек и его мировоззрение, способность наставника передать смыслы и ценности своим воспитанникам...»¹¹.

Стоит заметить, что мнения о важности поощрения самостоятельности, инициативы и творческих качеств учащихся вуза часто можно услышать и с экранов телевизоров, и со страниц различных СМИ. Но от «красивых слов» до практического их воплощения может быть «дистанция огромного размера». Заслуга А.В. Лубкова именно в том, что он стремится сделать максимально возможное для решения насущно важных конкретных задач по организации учебного процесса в возглавляемом им старейшем педагогическом университете.

В подтверждение данного суждения уместно привести цитату из давнего интервью молодого А.В. Лубкова, только что назначенного деканом исторического факультета. Интервью было дано им «Учительской газете» в связи со 120-летием МПГУ, преемственно ведущим свою «родословную» от Высших женских курсов в Москве. Уже тогда, более тридцати лет назад, на истфаке поощрялось создание новых учебных форм практических занятий. Лубков замечал, что «факультет, конечно, работает на школу, но ведь школе нужны не только преподаватели истории, но и полноценное историческое сознание всех работающих в ней учителей... У нас много спецсеминаров и спецкурсов по истории и методике ее преподавания. Тематика их настолько разнообразна, что любой студент легко отыщет себе тему по душе. Добытые здесь знания наши выпускники потом с успехом применяют на факультативных занятиях в школе...»¹².

¹⁰ Лубков А.В. Личность. История. Цивилизация. Аксиология. М., 2025. С. 31.

¹¹ Там же. С. 42.

¹² Нет в учебниках – найдут исследователи // Учительская газета. 22 декабря 1992. № 51. С. 14–15.

Преимственность в проведении именно такого рода учебной и учебно-методической работы сохранялась на протяжении всей профессиональной деятельности автора сборника.

Завершает сборник короткая, но весьма содержательная беседа Алексея Владимировича Лубкова с известным польским кинорежиссером Кшиштофом Занусси. Она состоялась в 2021 г. в рамках широко известного праздника – «Дней славянской письменности и культуры». Примечательно, что здесь речь шла именно о нравственных критериях в искусстве, в кинематографии, в частности. Цель встреч, в которых принимал участие университет, определялась так: «познакомить аудиторию с уникальными личностями, узнать об их отношении к истории и мировоззрению славянских народов, особенностям культурного контекста и образовательного пространства славянских стран...»¹³.

Важность обращения А.В. Лубкова к теме истории кино, к проблематике влияния киноискусства на общество, международной значимости проводимых встреч остается тем более актуальной, поскольку массовый характер кинематографии требует особо тщательной морально-нравственной проработки, делает недопустимыми любые проявления пошлости, бездарности или коммерческой конъюнктуры. А для автора сборника эти критерии имеют определяющее значение.

Неслучайно в конце эмоциональной беседы он заметил: «Мы тоже исторические оптимисты, христиане, для которых важны свет и надежда, произрастающие, прежде всего, из творчества человека, в том числе кинематографа. В окружающих нас сегодня обстоятельствах есть место и время для самопознания человека... Не могу не вспомнить о Лукино Висконти и его фильме “Леопард” 1962-го года, где звучит мысль: чтобы все оставалось по-прежнему, надо меняться. Мы должны быть открытыми, но сохранять в себе фундаментальные ценности, которые идут к нам от Бога...»¹⁴.

Хотелось бы в завершение высказать уверенность, что рецензируемый сборник, несомненно, станет основой для новых будущих книг, созданных Алексеем Владимировичем Лубковым. Авторские позиции эволюционируют, творчески переосмысливаются, и это логично, но все те перемены, о которых он говорил, происходят на прочном духовном нравственном фундаменте. И, возможно, уже в следующей книге мы увидим осмысление автором идеи единства славянского мира, преодолевающего тяжелые политические расколы, неизменного европейского пути отечественной истории и культуры, отмеченного многими

¹³ Лубков А.В. Личность. История. Цивилизация. Аксиология. М., 2025. С. 315.

¹⁴ Там же. С. 317.

российскими учеными, поэтами и писателями, и, особенно, новые оценки А.В. Лубковым современных педагогических процессов в школе и в вузе.

Сведения об авторе / About the author

Цветков Василий Жанович – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; профессор кафедры истории России, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Vasily Zh. Tsvetkov – Dr. Hab. (History); Professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Politic, Moscow Pedagogical State University; Professor at the Department of Russian History, Vladimir State University

E-mail: tsvetcov@rambler.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2026.1

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 27.03.2026 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 11,25 п. л. Тираж 1000 экз.